

ISSN 0868-698X

ПОЛИЩА

№ 19 (77) 1992 г.

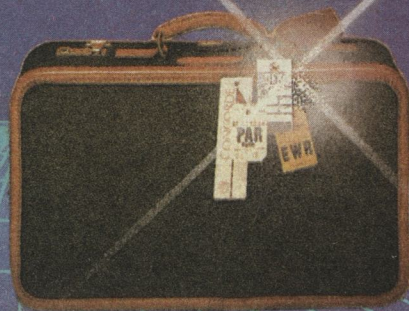
Упокой,
русская земля,
Великого князя
Владимира
Кирилловича...

иллюстрированный еженедельник

**АВИАТРАНСПОРТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ИМПУЛЬС — АЭРО»
АВИАЦИОННОЙ КОМПАНИИ «ПОЛЕТ»
ЗАНИМАЕТСЯ ГРУЗОВЫМИ И ПАССАЖИРСКИМИ ПЕРЕВОЗКАМИ
РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ БИЗНЕСМЕНОВ НАД ТЕРРИТОРИЕЙ СНГ**

**НАШИ КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
(095) 556 5483
(095) 166 2100 (факс)**

Андрей МАЛЬГИН

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

В канун Пасхи Б.Н.Ельцин отказался принять отставку Главы своей Администрации Ю.В.Петрова (заглавные буквы — не издевка, именно так обозначает Петров свою должность во всех официальных документах). Глава попросилась в отставку во время съезда народных депутатов, тем самым временно облегчив участь президента, подвергавшегося критике за неразборчивость в кадровой политике. Ельцину Петров дорог со времен Свердловска. Многочисленным сотрудникам Администрации — как отец родной, источник благ и привилегий.

Широкая публика впервые услышала имя Главы Администрации на одном из февральских митингов у «Белого дома», когда священник Якунин самозабвенно дирижировал с трибуны скандированием: «Долой Петрова! Долой Петрова!». Публика послушно скандировала, но не очень представляла себе ни кто такой Петров, ни за что его, собственно, надо долой. Неразборчивая «Независимая газета» тут же опубликовала интервью с загадочной личностью, в котором Глава Администрации пояснил, что его критикуют за то, что набирает в свой аппарат главным образом бывших функционеров ЦК, но он с критикой не согласен, так как берет на работу людей по единственному критерию — профессиональному. Сам Петров — бывший первый секретарь обкома КПСС.

Я лично о существовании Петрова узнал в первые послепутчевые дни, когда на моих глазах московских милиционеров, взявших под охрану здания ЦК КПСС на Старой площади, грубо вытеснили оттуда люди в штатском, ссылавшиеся на приказ Петрова. Как выяснилось, Петров опасался, что московские власти заберут здание ЦК под свою юрисдикцию. В разговорах с ближайшими сотрудниками он прямо ссылаясь на телевизионное выступление Юрия Лужкова, в котором московский вице-мэр говорил о том, что, если продать многочисленную недвижимость и движимость ЦК коммерческим структурам и иностранным фирмам, можно

было бы выручить огромные суммы. Структуры и фирмы не заставили себя долго ждать и выступили с предложениями о покупке многочисленных гостиниц, домов отдыха, дач, типографий и прочего. Было подсчитано, что от продажи имущества КПСС можно было бы выручить суммы, сопоставимые с величиной внешнего долга СССР.

Судьба занесла меня в члены комиссии, созданной российским президентом для приемки и распределения имущества ЦК КПСС. Завершив первую часть дела — описав партийное имущество, комиссия была разогнана Петровым; представителям общественности прислали с нарочным на подпись акт, в каждом пункте которого содержались ссылки на некие приложения, в которых, собственно, и содержалась информация об «описываемых объектах». Только после многочисленных обращений к Главе Администрации я — член комиссии! — получил возможность увидеть, под чем же, собственно, ставлю подпись. Относительно дальнейших планов на имущество Администрация хранила гордое молчание («Столица» писала об этом дважды — в статьях «Скромное обаяние Администрации» — № 45, 1991 и «Экспроприация» — № 51—52, 1991).

Пока суд да дело, детишки Администрации вытеснили цэковских из ведомственных детских садилов, их папы и мамы потеснили прежних пап и мам со служебных дач и из

Окончание на с.3

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Г.Попов:

У нас господствует мнение, что чиновники (а это не менее пятой части нашего общества) должны руководить раздачей собственности, себе ничего не брать. Далее, они должны создать частное предприятие, а сами остаться ни с чем. На такую роль пригодны только камикадзе.

10

АЛСМБ — так в годы второй мировой войны называлась воздушная трасса между Аляской и Сибирью, по которой американские самолеты перегонялись по ленд-лизу на советский фронт. Эта трасса создавалась под покровом секретности, а после войны по приказу Сталина была предана забвению.

12

2 ЭКОНОМИКА

А.Ефимова:

Открыть валютный магазин может любой частник. Надо только пройти регистрацию, получить разрешение и познакомиться с «фирмачами». И еще: в оснащение небольшого по европейским стандартам супермаркета необходимо вложить полмиллиона долларов. Если есть еще миллион, чтобы заполнить полки, — дело, в сущности, сделано.

22

Н.Маслов:

Человеку надо со своим жильем определиться. У него есть время подумать и право выбора. Но он должен уяснить: вскоре произойдет четкое разделение — на коммерческое жилье, частное и муниципальное, и вот тогда условия для приобретения жилья в собственность будут иные.

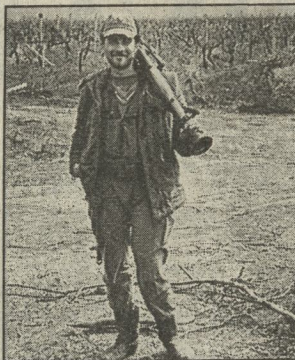
24

3 ЖИЗНЬ

Е.Салина:

70 процентов американских полицейских не видят большого греха в том, чтобы выпить на работе. Что думают по этому поводу наши?.. «Я тебе так скажу: единственная милицмейская привилегия — водка без проблем...»

28

М.Маслов:

В результате политических игр и амбиций гибнут обычные люди. Или, что самое страшное, привыкают отвечать насилием на насилие. И снова гибнут...

31

А.Боссарт:

Одессе надо дать свободу дышать. Украинизация погубит ее безвозвратно. Одесса — не украинский город, так же как и не русский и не еврейский. Одесса — это Одесса!

34

4 КУЛЬТУРА

Кадр из фильма «Дамский портной»

С.Славинский:

В советском кинематографе существовали три самые запретные, самые невозможные темы: сталинисты, гомосексуалисты, евреи... Современные деятели кино отважились подступить к запретному.

48

Н.Малинин:

У нас, как у Фолкнера, понятие «было» не существует. Прошлое — есть. История все еще — случается. Дополняется и переписывается. И потому музей в нашей стране невозможен как жанр. Рано еще, сыро еще.

54

Ф.Горенштейн:

И когда обрюзгший, усталый, пожилой человек, который в некой давней земной бесконечности был семнадцатилетним студентом Митенькой, подлетал к Нью-Йорку, то среди прочего ему вспоминался и тот день...

59

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации РСФСР.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Григорий Вайсман
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов

Отдел экономики и науки: Елена Колесникова
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни: Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 378
Geneva 1211 Switzerland
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 07.05.1992 г.
Тираж 156.300

Над номером работали: П.Смирнов, О.Проханов, И.Мельникова

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 1595

Окончание. Начало на с.1

санаториев, книжная экспедиция стала развозить блатные книжные списки по новым адресам, ну и так далее. За исключением, разумеется, случаев, когда люди из ЦК перешли на работу в Администрацию. Многие, кстати, и переходить никуда не пришлось, поменяли лишь таблички на кабинетах: Хозяйственное управление Администрации расположилось в том же здании, где ранее помещалось Управление делами ЦК, на Старой площади.

А тут новое счастье привалило: ликвидация Союза, а вместе с ним — и союзных структур. Глава Администрации, засучив рукава, вновь принялся за приемку имущества. И к Администрации отошли новые здания, гаражи, дома отдыха, детские садики, поликлиники и прочее, и прочее. Новая номенклатура все жирела и жирела. Люди преображались на глазах: самые мелкие клерки стали разъезжать на черных «волгах», приоделись, приосянчились, с посетителями разговаривали через губу, потом вообще перестали принимать посетителей, соединились между собой двумя особыми телефонными сетями. Контакты их с внешним миром прекратились вовсе. «Получается, была у нас одна КПСС, а теперь объявилась и другая», — как метко заметил в «Столице» по этому поводу Вячеслав Басков.

Увы, и союзной собственности Главе Администрации оказалось мало: аппетит приходит во время еды. И вот уже «люди Петрова», вооруженные автоматами и резиновыми дубинками, выгоняют из здания в Кировском проезде префектуру Центрального округа Москвы, и вот уже «случайно» прихватывают дачный поселок «Серебряный бор», издавна принадлежавший московскому правительству. Под каждым из этих решений Петров, разумеется, ставил подпись Ельцина, что заставило одних предположить, что Ельцин вообще не вникает в то, что подписывает, а других — сделать вывод о безграничном доверии президента к главе своей Администрации.

21 марта 1992 г. Ельцин подписывает снабженное грифом «Не для печати» распоряжение № 121-рп, состоящее из одной-единственной фразы. Завершается фраза так: «...объекты, указанные в приложении, находятся в хозяйственном ведении Администрации Президента Российской Федерации с учетом их назначения и разгосударствлению или приватизации не подлежат».

«Не подлежат» — значит, финансируются из бюджета. Поскольку самое интересное Глава Администрации заключил, как всегда, в приложении, публикуем его полностью, чтобы читатели знали, что именно содержится на деньги налогоплательщиков и находится в личном пользовании нашей новой номенклатуры, переплывшей по части жадности даже своих партийных предшественников (те хоть что-то строили, а эти только отбирают):

1. Ясли-сад № 1, Москва, Профсоюзная ул., д.45, корп.2
2. Детский сад-ясли № 35 подсобного хозяйства «Воскресенское», Московская обл., Ленинский р-н, п/о Воскресенское
3. Ясли-сад № 40 дома отдыха «Сенеж», Московская обл., г.Солнечногорск, п/о Сенеж
4. Ясли-сад № 223, Московская обл., г.Троицк-1
5. Ясли-сад № 838, Москва, ул.Давыдовская, д.1
6. Ясли-сад № 1387, Москва, Никольский пер., д.5
7. Детский дом отдыха «Непечино», Московская обл., Коломенский район, п/о Непечино
8. Санаторий и дом отдыха «Десна», Московская обл., Ленинский район, п/о Десна-1
9. Санаторий «Янтарный берег», Латвийская республика, г.Юрмала, ул.Звино, д.2
10. Дом отдыха «Архангельское», Московская обл., Ленинский район, п/о Воскресенское
11. Дом отдыха «Воскресенское», Московская обл., Ленинский район, п/о Воскресенское
12. Дом отдыха «Звенигород», Московская обл., Одинцовский район, п/о Введенское
13. Дом отдыха «Клязьма», Московская обл., ст.Клязьма, ул.Грановского, д.3
14. Дом отдыха «Нагорное», Московская обл., Химкинский район, п/о Новогорск
15. Дом отдыха «Ока», Московская обл., г.Озеры, п/о Тарбушево
16. Дом отдыха «Сенеж», Московская обл., г.Солнечногорск
17. Дачи «Горки-Х», Московская обл., Одинцовский район, Горки-Х
18. Дом отдыха «Успенское», Московская обл., Одинцовский район, п/о Усово
19. Оздоровительно-производственный комплекс «Бор», Московская обл., Домодедовский район, п/о Одинцово-Вахромеево
20. Оздоровительный комплекс «Жуковка», Московская обл., Одинцовский район, п/о Усово
21. Оздоровительный комплекс «Сосны», Московская обл., Одинцовский район, п/о Успенское, пос.Сосны
22. Пансионат «Поляны», Московская обл., Одинцовский район, п/о Поречье

23. Дачное хозяйство «Кратово», Московская обл., Раменский район, пос.Кратово

24. Дачное хозяйство «Подмосковное», Москва, Никитников пер., д.2

25. Дачное хозяйство «Серебряный бор», Москва, ул.Таманская, д.38

26. Агропромышленное объединение «Назарьево», Московская обл., Одинцовский район, п/о Назарьево

27. Гостиница «Золотое кольцо», Москва, ул.Смоленская, д.5

28. Гостиничный комплекс «Президент-Отель», Москва, ул.Димитрова, д.24 (бывшая гостиница ЦК КПСС «Октябрьская»)

29. Поликлиника, Москва, ул.Плущиха, д.14

30. Аптека, Москва, ул.Плущиха, д.14

31. Механическая прачечная, Москва, ул.Серафимовича, д.2

32. Проектно-промышленное строительное объединение, Московская обл., Красногорский район, пос.Архангельское

33. Складское хозяйство Внуково, Московская обл., Одинцовский район (27 км Минского шоссе)

Лариса Рейснер (прообраз комиссарши из «Оптимистической трагедии») со своим мужем Федором Раскольниковым в 1918—1919 годах на глазах всего голодного Петрограда устраивали пиры в рекевизированных особняках, обжирались на балах и приемах. Они искренне не могли понять тех, кто пытался с ними говорить на эту тему, объясняли, что имеют на такой образ жизни право — как победители.

История повторяется. «Победителями» оказались не те, кто защищал «Белый дом» в августе прошлого года. Да и сам «Белый дом» для многих уже не символ свободы и героизма, а скорее символ нового российского чиновничества, номенклатурного разврата и цинизма.

Нашей власти не хватает многого. Но в эти дни, когда пояса затянула вся страна, ей не хватает главного — аскетизма. И поэтому ее начинают ненавидеть. Стократно осмеянное русской литературой кувшинное рыло, приезжающее в черном лимузине за лекарством в аптеку на Плющиху, потребляющее экологически чистые овощи, выращенные в агропромышленном объединении «Назарьево», и даже городской прачечной брезгающее пользоваться... Что может быть гадче и безнадежнее? И что за напасть опять поразила нашу несчастную страну?

ЗАЧЕМ СЪЕЗД?

(часть вторая)

Вопрос, вынесенный в заголовок, наш парламентский обозреватель задавал трем российским депутатам, членам Верховного Совета и координаторам разных парламентских фракций накануне 6-го съезда народных депутатов России. И в № 13 были опубликованы их ответы. Этот же вопрос Григорий КРОШИН снова задал тем же самым депутатам, но уже после окончания 6-го съезда. Короче: сбылись ли их ожидания?

НИКОЛАЙ ПАВЛОВ, член фракции «Россия»:

— Я считаю, что программа-минимум оппозиционного блока партий, который конституировался лишь 5 апреля, за день до начала съезда, частично выполнена. Главное — президент получил очень мощный импульс, исходящий прежде всего от нас, от оппозиции. Импульс не в части отказа от реформ, от демократических преобразований, как считают некоторые, а как раз наоборот — в части укрепления демократии и законности при проведении реформ, но реформ, более ориентированных на народ. Мы же не можем не признать, что огромное большинство народа получило сегодня мощнейший удар от этой кавалерийской необолевистской атаки со стороны правительства... Первое: президент согласился с тем, что в течение трех месяцев сложит с себя обязанности главы правительства и представит кандидатуру нового главы Верховному Совету. Второе: он согласился с тем, что правительство надо усилить, реорганизовать, ввести в него прагматиков-управленцев с большим практическим опытом. Словом, есть явное продвижение вперед, есть коррекция политики в направлении большинства населения. Это безусловный успех нашей программы.

Но, с другой стороны, наши требования шли дальше. Они, как вы помните, заключались в том, что нынешнее правительство должно уйти в отставку и на этом же съезде мы должны были утвердить предложенную президентом кандидатуру на пост главы правительства и внести поправки в конституцию, касающиеся тех норм в Законе о президенте, которые предоставляют президенту право единолично формировать и структуру правительства, и персональный его состав. В этой части мы, к сожалению, получили лишь право формирования структуры, но не персонального состава правительства. Но думаю, что мы на ВС к этому еще вернемся, потому что здесь допущены и допускаются грубые ошибки при назначении членов правительства. Например, введена неконституционная должность госсекретаря, занимаемая Г.Бурбулисом, с практически неограничен-

ными полномочиями. Еще пример: специалисты-медики скажут вам много интересного о нашем министре здравоохранения А.Воробьеве, который, по их мнению, прекрасный ученый, но занимает явно не свое место в правительстве...

И еще много ошибок сделал съезд. Главные из них — нечеткое постановление по Приднестровью, уход от решения проблемы Черноморского флота и судьбы Крыма, а также принятие никакого решения по Южной Осетии, перед которой мы в гигантском долгу...

А нужен ли был этот съезд? Я глубоко убежден: нужен! Несмотря на всю его неуклюжесть, на множество благоглупостей. Нужен! И еще съезды понадобятся. А против них лишь те люди, которые много лет проработали в партаппарате (я прежде всего имею в виду уважаемого президента): они считают, что принимать решения лучше небольшим количеством людей, это удобнее. Исполнительная власть всегда стремится побольше набрать себе прав. А этого допустить нельзя, баланс должен быть соблюден.

ЛЕВ ПОНОМАРЕВ, член фракции «Демократическая Россия»:

— Главное, что не удалось на съезде, — принять поправку к Закону о земле, статью о купле-продаже. Я этого очень ждал. Второе мое огорчение — не дали президенту дополнительных полномочий, о которых я говорил: права назначать глав администрации без согласия с местными Советами... Но вообще-то я считаю, что 6-й съезд закончился ничейей. Хотя демократы и проиграли. Ничья как бы... в пользу оппозиции. Это бесспорно. Мы оказа-

лись слабее (или, вернее, оппоненты оказались сильнее), чем на 5-м съезде. Это очень тревожный симптом. Но мы этот толчок со стороны оппозиции использовали: создали «Коалицию реформ». Это примерно 300 человек демократической ориентации, которые хотят защитить реформы, проводимые президентом и правительством. Оргкомитет «Коалиции» заседает ежедневно, мы создаем сейчас некую структурированную систему, для более четкой работы у нас будет и свой специальный аппарат. Будем пытаться повлиять на правительственные решения, а также на принципиальные решения президента, в частности на кадровую его политику. Между прочим, президент принял основные пункты нашей программы, подписав с нами совместный протокол о сотрудничестве. Но... конечно, мы не наивные дети, мы готовы к тому, что придется жестко контролировать выполнение подписанного протокола. Кстати, уже после его подписания вдруг узнаем, что президент — без какой-либо с нами консультации — возвратил на прежнюю должность неизвестного обществу... Юрия Петрова, руководителя администрации президента. То есть решил не принять его отставку. Но это же принципиальная, ключевая должность: известно, что Петров активно влиял на кадровую политику, всячески давил, настаивал, например, на назначении удобных ему глав местной администрации. А ведь именно среди них сейчас много бывших партаппаратчиков, ставящих реформам палки в колеса. Конечно, мы будем бороться против возвращения Петрова.

Что еще не удалось на

съезде? Создать комиссию по проверке фактов, дискредитирующих спикера Р.Хасбулатова. Например, его интервью газете «Республика», где он оскорбил правительство. Просто надо, чтоб комиссия выяснила, кто солгал: Хасбулатов или газета? И если окажется, что спикер, то он должен немедленно уйти в отставку. Так по крайней мере поступают во всех нормальных странах. Тем более, что подобных сомнительных поступков наш глава парламента совершил в последнее время слишком много...

А что удалось на съезде, так это лишь одно: не дать свалить правительство. А вообще пользы от съезда никакой, зря только потратили время. Такой форум абсолютно не нужен.

ВЛАДИМИР ВАРОВ, член фракции «Радикальные демократы»:

— Я, к сожалению, не ошибся, предсказывая, что съезд явится очередной попыткой номенклатурного реванша. Так оно и было, один к одному: это выразилось и в нападках на правительство, и в стремлении дезавуировать полномочия президента. Эти же силы помешали принять (хотя бы в первом чтении) нормальную новую конституцию. И главная неудача съезда — непринятие основополагающей поправки в конституцию действующую — о купле-продаже земли.

А что удалось? Сохранить статус-кво в разделении властей. Устояло правительство. Это, пожалуй, все. Хотя тоже немало...

Но разве стоило из-за этого собирать на две недели (?) больше тысячи депутатов? Съезд в очередной раз показал свою чудовищную непрофессиональность, подчас элементарную безграмотность. Ну смотрите, два года возятся с этим проектом новой конституции и никак не могут принять того, что очевидно для любой цивилизованной страны! А три дня мучительных дискуссий по поводу названия республики — это просто позор! Поэтому для меня совершенно ясно, что на таком некавалифицированном, неповоротливом форуме, как наш съезд, ничего серьезного решить невозможно. Никчемная структура.

АРМИЯ: ЗДОРОВЫМ СИЛАМ — СОГЛАСИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО

Обстановка в армии накалена до предела. Разделение вооруженных сил между странами СНГ, предстоящее резкое их сокращение, бедственное положение военнослужащих, их социальная незащищенность — и все это на фоне бушующих политических страстей в стране. Армия все больше вовлекается в политику, а это игра с огнем. Таково мнение участников диалога генерала В.Серебрянникова — военного политолога, профессора, и полковника Ю.Дерюгина, одного из ведущих военных социологов в России.

В.С.: Сейчас нет ни одной партии, ни одного политического движения, которое бы не апеллировало к армии. С другой стороны, почти во всех крупных политических организациях военные играют весьма заметную роль.

Добавьте к этому, что сегодня на территории СНГ образовано и действует около 500 незаконных вооруженных формирований, связанных с политическими и националистическими партиями.

В последние годы появились и целый ряд военных общественных организаций. Это, например, движение «Военные за демократию», «Союз офицеров», «Офицеры за возрождение России», «Союз офицеров запаса» и другие. Многие эти политизированные организации имеют свои структуры в сотнях гарнизонов и представляют собой большую силу.

Многие из них выступают как оппозиция президенту, правительству и органам власти. Так, «Союз офицеров» и «Офицеры за возрождение России» оказались в числе 25 партий и движений, подписавших Декларацию объединенной оппозиции, опубликованную в газете «День». Этот документ содержит самые резкие и даже оскорбительные оценки руководства страны. При этом следует учитывать тот факт, что, по данным социологических исследований, политику правительства поддерживает лишь 17 процентов опрошенных офицеров.

Ю.Д.: Когда мы говорим о политических организациях в армии, мы имеем в виду только видимую часть айсберга. Ведь речь идет о тех организациях, которые действуют открыто, прошли либо заявили о своем намерении пройти регистрацию. А сколько объединений еще не имеют правового статуса, сколько существует мелких объединений, групп, союзов по всей матушке-России! Мы не имеем представления об истинных размерах айсберга. Сосредоточившись на проблемах офицерского корпуса, мы забыли про солдат и сержантов. Хочу напомнить, что, по данным военных социологов, в 1990 году среди призывников было около 80 процентов принадлежащих к так называемым «Неформалам», причем 14 процентов из них — представители Движения за нацио-

нальное единство. И тут есть над чем задуматься президенту, правительству, военному руководству. Ибо все эти организации так или иначе отражают полярные точки зрения на самые острые проблемы. На пиках этой полярности и возникают очаги напряженности в вооруженных силах.

В.С.: Действительно, эти организации можно было бы разделить на демократические и консервативные. И в каждой из этих основных групп представлен самый широкий спектр взглядов.

Взять, к примеру, «Союз офицеров», возглавляемый подполковником С.Тереховым. Это десятки тысяч офицеров — сторонники восстановления Советского Союза и единой армии, противники гражданского министерства обороны. Или другой союз — «Офицеры за возрождение России», созданный под руководством генерала А.Стерлигова. Главная задача этой

организации — восстановление России в границах прежнего СССР. Есть организации откровенно национал-патриотического уклона. Есть те, которые выступают с умеренных позиций, ожидающие, куда качнется чаша весов. А есть такие, которые я отнес бы скорее к организациям центристского направления, хотя они сторонники многих демократических преобразований, в том числе и в армии.

Ю.Д.: Вот тут и возникает вопрос: а не проще ли было бы запретить все эти союзы и объединения наших офицеров? Законодательством они не предусмотрены. Чего бы стоило президенту издать еще один указ, тем более, что сегодня он занимает еще и пост министра обороны: распустить политизированные организации — и делу конец.

В.С.: Попытки закрыть, запретить организации офицеров могут только обострить

отношения между руководством и военнослужащими. А сейчас в обществе нужно всеми силами гасить очаги напряженности, особенно если речь идет о людях вооруженных, доведенных до отчаяния своим бедственным положением. Гражданское согласие, к которому призывал президент в своем выступлении на шестом съезде народных депутатов, сегодня нам необходимо как воздух. Поэтому, мне кажется, движение «Военные за демократию» могло бы стать хорошей основой для консолидации здоровых сил. Умеренные политические позиции, последовательность в борьбе за демократические преобразования, поддержка кардинальной военной реформы — все это присуще и многим другим организациям офицеров. В их программах немало позитивного.

Ю.Д.: Я думаю, пришло время создания коалиции или объединенного блока не только офицерских союзов, но и военных секций всех политических партий, союзов и движений. Собственно, первый шаг в этом направлении уже сделан. Представители движений и объединений демократической ориентации обратились к президенту Б.Н.Ельцину с изложением своих взглядов на сегодняшнюю обстановку в армии и на те меры, которые необходимо принять незамедлительно. Ибо уже сейчас идет обвальное разрушение Вооруженных Сил, что грозит непредсказуемыми последствиями. Обращение подписали руководители движений «Военные за демократию», «ДемРоссия», «Живое кольцо», независимого военного профсоюза, Комитета солдатских матерей, Российского движения демократических реформ, Народной партии «Свободная Россия», союза «Щит» и ряда других организаций. Они, в частности, заявили о намерении в дальнейшем тесно координировать свою деятельность по вопросам военной политики.

Беседу записал
Александр ПУТКО

Денис ДРАГУНСКИЙ

ВСЕ ИМПЕРИИ КУДА-ТО ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Корни сегодняшних национально-государственных проблем нашей страны лежат не только в истории СССР, как это нередко утверждают, они гораздо глубже. В Российской империи национальная дискриминация была (вопреки распространенному мнению) довольно серьезной. Были «инородцы» (всего 13 групп), которые по своим правам резко отличались от русского, или православного, населения. Это было отражено даже в сословном делении населения империи: наряду с дворянством, духовенством, купечеством, крестьянством, мещанством, казначеством существовало особое сословие «инородцев», куда входило свыше 8 миллионов человек — евреи, мусульмане, горцы северного Кавказа, «туземные» народы Сибири, коचे-вые народы Севера.

Отсюда понятно, почему национальная политика большевиков имела (во всяком случае, поначалу) такой успех. В борьбе за власть они старались опереться на поддержку всех, кто чувствовал себя в чем-то ущемленным, в том числе и жителей национальных окраин. В значительной степени национальное сознание было большевиками разбужено, и фактически на протяжении всего советского периода они формировали нации — буквально нации в ленинско-сталинском понимании. Но в национально-государственное устройство большевиками была заложена мина, которая сейчас взрывается. Дело в том, что во всех хорошо построенных многонациональных государствах границы административные, культурные, этнические и экономические не совпадают, что обеспе-

чивает тесное и многообразное сцепление территорий между собой. У нас же — такова была государственная политика — они или совпадают, или, по крайней мере, близки к этому, и здесь — залог распада. Украина, Татария, Башкирия, Якутия — все это готово было разлететься в разные стороны и при первой же возможности стало разлетаться — даже по верх военных, милицейских, гбэш-ных и т.п. барьеров.

Но так или иначе мы жили в некотором огромном особом государстве с его особой геополитической ролью, и эта роль, как мне кажется, осознавалась каждым обыкновенным человеком. Слова «от Москвы до самых до окраин» — они пелись когда-то более, когда-то менее серьезно, но имперская идентичность так или иначе чувствовалась. Существует некий «сухой имперский остаток» — по некоторым подсчетам (они приблизительно), около 10% населения — во всех народностях, в любой республике, являются, так сказать, советскими людьми. Их идентичность — общесоветская. Поэтому когда мы узнаем, что в числе омовцев есть латыши, литовцы, что среди противников суверенного Узбекистана есть узбеки, то удивляться нечего, это закономерно.

Конечно, Россия во всех этих процессах занимает особое место. Я думаю, что Россия вообще может существовать либо как империя, либо как маленькое (сравнительно с империей), сомасштабное Европе государство. Все остальные варианты неустойчивы и стремятся к одному из этих двух пределов. Хотя я уверен, что подписание Федеративного договора никак не означает, что Россию

ждет судьба СССР, но Российская федерация, конечно же, будет раскалываться дальше на части, и я даже могу представить, что это будут за части. Во-первых, собственно историческая Россия, ограниченная с запада — прибалтийскими республиками, Белоруссией, Украиной, с юга — областью Войска Донского, с востока — Волжской федерацией, которая выделяется как самостоятельное образование. Дальше — Уральская республика (или федерация) — Свердловская, Челябинская, Курганская, Тюменская, Оренбургская области. Дальше — собственно Сибирь. Дальше — Якутия, Дальний Восток. Конечно, это не будут полностью независимые государства. Есть некая градация степеней «государственности», и я думаю, что на территориях бывшей РСФСР будут государства с самым различным статусом. Некоторые — как Чечня или Кавказская федерация — с максимумом классических признаков государства: деньги, армия, правительство. А вот, к примеру, Сибирь ограничится, наверное, налоговой и таможенной политикой. Вероятно, между этими государствами будет очень сложное миграционное законодательство. Наша прописка — она сохранится еще надолго. Если ее сейчас не станет, начнется такое... скажем, Москва может стать 30-миллионным городом со снабжением Ярославля. Так что нас ждет еще не один этап национального устройства, неустройства, переустройства — возможно, на несколько десятилетий. К этому надо быть готовыми.

Все империи куда-то возвращаются. Рим вернулся в Италию, Османская

Порта — на Анатолийский полуостров, в Турцию, Византия — в Грецию. Откуда империи вырастали — к тому же историческому ядру они и возвращаются. Я думаю, что такая же судьба ждет и Россию, это судьба совершенно нормальная. Вот Британия, Испания, Франция — все они как-то подобрались и прекрасно себя чувствуют, не жалея о «великом прошлом». Хотя поначалу было больно. Скажем, непросто было Франции уходить из Алжира. Тоже были проблемы с мигрантами — ничего, все утряслось.

Западные политики иногда высказывают тезис: Россия обречена быть великим государством. Что это значит? Ведь величие величю рознь. Нужно учесть, что Запад находится по отношению к нам в совершенно эгоистической позиции. Они больше всего хотят стабильности и процветания у себя дома. Ради этого они поддерживали Горбачева и идею единого Союза, стягивали его обручами экономической помощи. Разъединение и Союза, и России — это лишняя головная боль для НАТО, для Европейского совета — это новая экономическая помощь, потоки бежен-

цев, которые к ним пойдут, и, кроме того, гораздо сложнее вести политику с такими пестрыми — то ли друзьями, то ли не друзьями... Поэтому я думаю, что когда на Западе говорят, что России суждено быть великой державой, то это, с одной стороны, обычная дипломатическая лесть, а с другой — им хочется навязать нам роль регионального жандарма. Чтобы Россия была ответственна за то, что немцы называют «гусланд» (GUS — немецкий перевод аббревиатуры СНГ. — *Ред.*). Мы, если бы даже захотели взять такое на себя, просто не потянули бы — опять военные заводы, пушки вместо масла, опять большая армия. Но это в интересах (вполне эгоистических) Запада: сохранить нас великой державой при условии, что Запад был бы полковником, а Россия — фельдфебелем. Кстати, это вполне согласуется с умонастроениями наших «правых» — коммунистов, националистов и т.п. Ведь фельдфебелем тоже быть недурно, иногда даже слаще, чем полковником. И это стоило бы отметить курсивом. А то эта публика очень любит уличать своих оппонентов в том, что те пля-

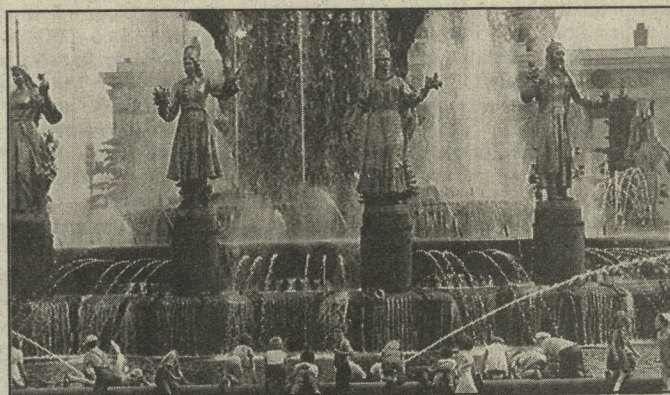
шут под дудку Запада, обслуживают чужие интересы и т.п. Я, кстати, не хочу сказать, что если что-то выгодно Западу, то это автоматически плохо для нас. Бывает плохо, а бывает и нет. Но если уж непременно выяснять, кто служит интересам Запада, то стоит посмотреть и на то, кто громче всех кричит «держи вора». Впрочем, это все пройдет. Один мой знакомый, он живет сейчас в Канаде, — социолог, уехал из Ленинграда в 70-е годы, говорит: потерпите, ребята, пройдет какое-то время, заварится нормальная экономическая каша, и тогда вся эта пена, в том числе и националистическая, которая заменяет мясо, ояа будет шумовкой истории откинута. Слова «верите ли вы в Россию?» будут такой же бессмыслицей, как сейчас слова «верите ли вы в Канаду» для канадцев. Грамматически правильные, но абсолютно бессмысленные. Все этносы формировали свое национальное «Я» только в производительном труде. И в качестве «русской идеи» можно предложить слова В.Розанова: «Встать рано, помолиться и работать». Ничего другого. Всякие попытки найти что-то другое — разрушительны.

Сергей МИТРОФАНОВ

РАСПАД — ЭТО СПОСОБ НАШЕГО ВЫЖИВАНИЯ

Если выпало в Империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.

Иосиф Бродский
Письма римскому другу

Я никогда не считал себя специалистом по национальному вопросу и, видимо, очень плохо разбираюсь в политической географии. Как и всякий житель метрополии, я всегда представлял себе эту страну одним большим однородным куском: можно ехать в любую сторону и на любом транспорте и всюду здесь будут циклопические котлованы, недостроенные объекты, давленная, измученная природа. Даже пере-езжая границу дружественной нам

Польши, не сразу чувствуешь разницу, настолько велика и универсальна материализация «самого выдающегося учения XX века». Наверно, я бы очень удивился, если бы и за тысячу километров не обнаружил человека, разговаривающего по-русски, а центральная площадь местной застройки не называлась бы площадью Ленина. Все отмечали одни и те же праздники, везде были одни и те же райкомы.

И, следовательно, не было ничего удивительного в том, что в 1971 году

тяга к гениальным открытиям Страшилы Мудрого воплотилась в тезис, что в стране сложилась новая историческая общность людей — советский народ, и даже потребовалось принять новую Конституцию. При чем новая общность весьма индифферентно отнеслась и к Конституции и к «гениальности» Страшилы, но ни в коей мере не поставила под сомнение «открытие». Ведь то, что российская интеллигенция готова была понимать под национальной культу-

рой, она соглашалась терпеть лишь в исполнении певцов-эмигрантов Реброва и Рубашкина, вздрагивая от вида Зыкиной. Но и такой национальный колорит, как, скажем, радушное гостеприимство грузина, встречается теперь разве что в кино. На всем протяжении одной шестой мрачные лица советских граждан все были похожи друг на друга, и этим как бы стирались признаки этноса. «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз» — в этой формуле не было фальши...

Россия интегрировала национальные культуры, в России интегрировались национальные культуры, Россия интегрировалась в национальных культурах. Получилось какое-то подобие вавилонского столпотворения наоборот — все дружно дырявили небо космическими спутниками, и ядерные испытания грели сердце каждого союзного патриота... И, казалось, так будет вечно.

Но вот в 1989 году события в Фергане, произошедшие в период работы I Съезда народных депутатов СССР, заставили журналистов и политиков пристальней приглядеться к происходящему под кожей Империи. Какие-то непонятные турки-месхетинцы вдруг прибыли в Москву, бродили по улицам в окружении здоровенных милиционеров с резиновыми дубинками, в Верховный Совет посыпались обращения национальных меньшинств — все это было внове, все это было тревожно.

ЛОГИКА РАСПАДА

Но ощущали ли мы тогда движение начинающего проворачиваться национального маховика? Вряд ли. Тем не менее и распад империи, и процессы демократизации подчинялись единой логике исторического процесса. Более того, события в тех странах Восточной Европы, которые представляют из себя многонациональные государства, в той или иной степени эту логику повторили, и национализм проявился практически во всех странах, сбросивших господство коммунистических партий. Причем Югославия после Тито — наиболее яркий пример; однако вопрос о будущем федерации встал и в спокойной Чехословакии. Приехавший в Москву сербский националист Дражкович так объяснил механику распада: тоталитарное государство, как обручем, стягивало antagonистические элементы и глушило национальные обиды, ослабевание же тотального государственного контроля привело к тому, что все копившиеся десятилетиями противоречия выплеснулись наружу, окончательно разрушив государственную машину.

Эта точка зрения совпадает теперь и с высказываниями многих советских политологов. Например, Виктор Бондарев в газете «Статский совет-

ник» (№ 1) прямо пишет, что «взрыв национально-освободительных движений в СССР имел прежде всего антикоммунистическое направление. Поэтому вполне можно сказать, что СССР погиб в результате столкновения, с одной стороны, иррационально-националистических сил с еще более иррациональной по своему содержанию коммунистической идеологией».

Парадоксально, но, выходит, не так уж беспочвенно обвинение союзных патриотов, что в кровавых националистических конфликтах и колоссальных структурных подвижках в бывшем союзном государстве следует винить кучку «демократов», безответственно инициировавших перестройку?

Однако вряд ли это будет историческим подходом. Скорее всего, правда истории заключается в другом: в том, что и процессы демократизации общества, и «взрыв национально-освободительных движений» отнюдь не являлись содержанием произошедшего кризиса, а были лишь формой его протекания. Кризис же заключался в исчерпанных возможностях социалистической системы.

Кризис тем более predetermined, что о нравственной и физической нищете тоталитаризма писали еще Оруэлл, Замiatин, Платонов и другие. Солженицын и писатели-диссиденты выражали уверенность в неизбежном крахе коммунистических государств. Амальрик даже назвал точную дату — 1984 год, хотя и исходил из совершенно ложных посылок, а дату, скорее всего, взял из оруэлловской антиутопии. И хотя вряд ли кто в 70-х годах всерьез отнесся к амальриковскому вопросу «Существует ли Советский Союз до 1984 года?» иначе чем как к «доброму» пожеланию антисоветчика, однако факт есть факт — перестройка началась в 1985-м, и от этой же даты, по-видимому, следует отсчитывать начало развала Империи.

А ТЕПЕРЬ МЫ БУДЕМ РАЗВОДИТЬСЯ!

— Хорошо, — говорят союзные патриоты, — поставим вопрос по-другому... Что послужило пусковым устройством этого развала — Горбачев, мировой капитал, внезапное национальное просветление народов?

Можно еще поверить, что сербы сорок лет копили недовольство на хорватов за какие-то их проступки во время второй мировой войны, можно еще поверить, что евреи помнят о подоплеке «дела врачей», но представить себе, что что-то такое же «вспомнил» украинский народ или что сибиряки подумали и решили, что Ермак был не прав в 1581 г., — такое представить себе попросту невозможно. История ведь живет не сама

по себе, а вершится в каждом из нас, в каждом конкретном «я», а это «я» формируют... мифы масс-медиа. Т.е. не так важно прошлое, как наше представление о нем. И хотя тот или иной журналист вновь начинает свою статью о современных российско-украинских отношениях словами: «В XVII веке...», причины явлений ближе.

Создание институтов управления по западноевропейскому образцу — это очевидный императив всех посткоммунистических реальностей, и обусловлен он не планами отдельных политиков, а прежде всего тем, что в последнее десятилетие СССР проигрывал технологические и информационные войны с Западом, а существующие системы управления потеряли свою оперативность.

Когда власть Центра неизбежно ослабла, реальная власть перераспределилась на уровнях местной администрации. Пирамида власти как бы перевернулась, и простой человек оказался в зависимости от того, кто твой участковый милиционер, кто распределяет жилье, в чьих руках торговля. Поначалу за национализмом стоял регионализм, он-то и держал за ниточки. Еще тогда, когда мы по привычке оглядывались на дверь, говоря о «социализме с человеческим лицом», еще тогда, когда от одного только упоминания о рыночной экономике и о теоретическом отставании социализма нашим обществом ведам становилось плохо, добродушно-круглолицый экономист А.Ракитский (и в действительности социал-демократ по убеждениям) выдвинул теорию регионального хозрасчета. В действительности-то он пытался найти сравнительно безопасный и приемлемый для политической надстройки путь преодоления стагнации. Знал бы он тогда, чем дело кончится.

Иными словами, промышленное соревнование с Западом привело тоталитарное общество к пониманию неизбежности функционального перераспределения власти, последнее стало причиной усиления геополитического фактора.

Распад («приватизация» на макроуровне) — это и было реальным содержанием перестройки, о которой с таким упоением заговорили после XIX партконференции, но перестройки, когда перестраивать, собственно, было нечего, ведь в стране не было ничего «лишнего» — ни земли, ни фабрик, ни людей, а общность «советский народ» действительно существовала. Уровень тотальной монополизации всего был невероятно велик, и каждый индивид в государстве был жестко связан по вертикали работой, пропиской, военной обязанностью, псевдообщественными организациями, распределителем, возможностью возродить неформали-

тет сохранялась лишь на уровне национальных объединений.

Реальность диктовала определенную последовательность событий. Для того чтобы повторить слова Гегеля о том, что свобода человека невозможна без права частной собственности, потребовались и пушинское соглашение, и попытка военного переворота в августе 1991 года. Но наиболее последовательной и понятной массам идеей весь предшествующий период была идея национальных возрождений.

Когда в 1988—1989 гг. демократические эмиссары из Центральной России, Москвы и Ленинграда ездили «тусоваться» с народными фронтами прибалтийских стран, поначалу россияне были шокированы, что прибалты были крайне невразумительны относительно своих экономических программ и политического будущего, но упирали в основном на то, что «нас не по любви женили, и теперь мы будем разводиться». Но и несколько лет спустя, в 1992 году, по мнению председателя комиссии милли-меджлиса по экономике и финансам Камиля Шайдарова, «организуемой силой в Татарстане может быть лишь национальная или религиозная, но никак не демократическая идея, которую сами демократы и скомпрометировали».

РЕБЯТА, ЩАС ЖАХНЕТ!

Классическая правозащитная литература учила интернационализму, в любом случае, приоритету прав человека над принципом национального суверенитета. По-настоящему интеллигентному юноше, большую часть жизни прожившему в реальности СССР, достаточно трудно согласиться с пещерным национализмом и с объективностью процессов дезин-

теграции, в глубине души он считает себя космополитом. Как правило, космополитичны и все культурно-национальные элиты. Трудно представить себе, например, что азербайджанец Муслим Магомаев нападет с палкой на армянина профессора Амбарцумова.

Сторонники единого культурного пространства в прежних государственных границах пытаются, например, привить населению комплекс «изгнанных из Эдема», поскольку гражданин бывшей Великой державы, по их мнению, не может согласиться жить в маленькой стране третьего мира.

Аналитики из группы Сергея Кургина писали в 1990 году: «Мы жестко стоим за целостность страны и считаем конфедеративное устройство, огосударствление этносов, приоритет части над целым грубейшими нарушениями логики функционирования систем, игнорированием государственного опыта лидирующих стран мира».

Наступление смутных времен характеризуется и туманными пророчествами о мессианской роли... бывшего Союза. Известный публицист, противоположный Кургину по взглядам, выступая перед своими читателями, сказал приблизительно следующее: «Над нами был поставлен великий исторический эксперимент, суть которого, собственно, я сам до конца никогда не понимал и не берусь объяснить, но когда мне только-только стало, наконец, казаться, что я стал что-то понимать, тут ОНИ! НАС НЕ СПРОСИЛИ!.. — голос публициста драматически прервался. ОНИ — конечно, лидеры СНГ».

Природа человека такова, что он всегда старается игнорировать объективный характер происходящего с ним, придумывая немало метафизических аргументов.

Кто-то суммировал: «Ребята! Подождите расхотится, щас жахнет!»

**И увидел я новое небо и новую землю;
ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...**
(Откровение Иоанна, 21-1)

И все же нельзя не признать, что превращение СССР в СНГ с дальнейшим разбеганием этнических групп и рецидивами территориального эгоизма происходит на фоне объединения западного мира. Развитие средств коммуникации, современные технологии и проблемы всемирного значения, вставшие перед человечеством, диктуют объединение и всего человечества. О всемирном правительстве еще в 70-х годах писал Андрей Сахаров. Впрочем, все это не отменяет наш кризис. Очевидно, что для того, чтобы сократить его продолжительность, а в будущем устранить негативные последствия, прежде всего необходимо понять его законы. «Довольно простой кризис, к слову говоря, куда проще, чем многие другие в будущем», — пишет Айзек Азимов ни много ни мало о распаде целой галактики («Междущарствие»).

Народы снова объединяются, но на другой основе — когда появятся новые перспективы, когда цели перестанут быть туманными, когда рухнут монополии. Снова их объединит капитал, который не знает границ, частная инициатива, народная дипломатия, отношение к правам человека, экомораль. Но все это потребует колоссальных усилий личностей.

И вообще: «Когда дует ветер, надо строить не щиты, а ветряные мельницы», — мудрая, кстати, цитата, хотя и Мао Цзэдуна.

ПРЕСС-МЫШЕЛОВКА

«КОЛЬ С ЯЙЦАМИ ДЕФИЦИТ...»

Загадка (читается медленно, с пафосом):

«Бригада Ивана Егоровича Анисимова из совхоза имени XX съезда КПСС в первом квартале поставила в районное торговое-закупочное объединение 1106 тысяч яиц, что значительно больше, чем намечалось. Коллектив ритмично выдает продукцию потребителю. Здесь хороший психологический климат...

— Хотя у нас есть сложности, — говорит директор Галина Петровна Горина, — но мы намерены в этом году реконструировать птицефабрику. Коль с яйцами дефицит — их производство надо наращивать».

Вопрос: когда были опубликованы эти бессмертные строки? Тридцать секунд на размышление. Время пошло. А вот и не отгадали.

Правильный ответ: 22 апреля 1992 года в газете «Подмосковные известия».

Хорошо пишете, коллеги. Как в лучшие годы нашей жизни. Это, как вы помните, было тогда, когда мы все как один становились на очередную предсъездовскую вахту...

П.С.

Гавриил ПОПОВ:

«УЧАСТИЕ ЧИНОВНИКОВ В ДЕЛЕЖЕ СОБСТВЕННОСТИ — ЭТО ЕЩЕ НЕ КОРРУПЦИЯ...»

Фото Ю.Штукина

— Гавриил Харитонович! Ежедневник «Коммерсантъ» (№ 1 за 1992 г.) по итогам опроса ста предпринимателей включил вас в пятерку самых богатых россиян. Почему, по вашему мнению, коммерсанты так высоко оценивают ваши финансовые ресурсы? Стоит ли относиться к этой публикации серьезно?

— Я не знаю, по какой методике ежедневник «Коммерсантъ» оценивает богатство человека. Без публикации этой методики, без публикации фамилий тех, кто отвечал на ее вопросы, серьезно относиться к этому сообщению нельзя.

— Газета «День» (№ 11 за 1992 г.) со ссылкой на «Штандар молодых» пишет: «Г.Попов одновременно со своими прямыми обязанностями осуществляет руководство правлением акционерного общества, весьма заинтересованного в процессе приватизации...». Есть ли основания у «Дня» и «Штандар молодых» по существу обвинять вас в использовании служебного положения в целях личной наживы? Занимаетесь ли вы или ваши близкие родственники коммерческой деятельностью? Если да, то какого рода эта деятельность?

— Никаким акционерным обществом я не руковожу. Вообще в последнее время наши коммунистические газеты стали часто ссылаться на материалы какого-нибудь близкого к коммунистическим идеям издания где-нибудь за рубежом: во Франции, Испании, Чехо-Словакии. Когда же начинаешь спрашивать зарубежных публикаторов (например, в Испании), откуда они получили эту информацию, те

сразу ссылаются на московские коммунистические источники.

Что касается коммерческой деятельности, то сначала надо определить, что это такое. Например, коллектив, издающий журнал «Столица», занят ли коммерческой деятельностью? Владение акциями, которые российским законом обещаны всем гражданам, — коммерческая деятельность? А просто покупка обезличенных акций?

Если имеется в виду деятельность для получения личной прибыли, то ни я, ни мои близкие родственники такой деятельностью не занимаемся (хотя я не считаю получение прибыли криминалом). Мои родители — пенсионеры. Сыновья учатся. Жена — декан факультета крупного экономического вуза. А забота о прибыльности московской экономики — моя обязанность.

— Насколько распространено явление «совмещения» высоких государственных должностей с работой в коммерческих структурах, скажем, среди работников столичной мэрии?

— Этого я не знаю, так как, во-первых, опять-таки надо юридически четко определить, что такое коммерческие структуры. Например, считать ли всякое негосударственное учреждение, живущее не за счет бюджета, а за счет других доходов, коммерческой структурой? У нас порой считают коммерческим все негосударственное, а государственное коммерческое учреждение склонны исключить из категории коммерческих структур. И, во-вторых, никакого законного права запрашивать информацию по данному вопросу до сих

пор у меня не было. Я получаю разного рода сведения: письма, доносы, анонимки, но сейчас юридического права требовать от муниципального служащего отчета о том, в какие коммерческие структуры он входит, не существует. А следовать примеру «Коммерсанта» или «Гласности» и делать выводы без доказательств я не могу.

— Сможет ли Указ президента Российской Федерации о борьбе с коррупцией выполнить свое предназначение? Какие контрольные механизмы должны быть созданы, чтобы исключить для чиновников возможность обогащения «за счет портфеля»?

— Я думаю, что не сможет. В частности, он запрещает государственным служащим участие в коммерческой деятельности. Но, в соответствии с законодательством, государственный служащий — это всякий человек, получающий государственную зарплату. У нас в Москве, предположим, 600 тысяч человек участвуют в работе совместных предприятий, кооперативов и других негосударственных структур. Из них по меньшей мере 400 тысяч являются совместителями и не менее 300 тысяч — государственными служащими. То есть исполнение данного Указа фактически означает необходимость немедленного закрытия массы кооперативов, СП и так далее...

Предположим, что этот Указ был бы истолкован в адрес только руководителей. Но кого считать руководителем? Начальника цеха? Заведующего отделом НИИ? А рядовые чиновники могут совмещать?

Далее. Возможна трактовка закона, применяемая ко всем работникам аппарата. Опять вопросы. Что считать аппаратом? Счетовод на государственном заводе может считаться работником аппарата?

Возможно такое уточнение закона: Указ относится только к государственным органам. Но, как известно, в соответствии с законом о местном самоуправлении, муниципальные учреждения не являются государственными органами. Они являются органами местного самоуправления. И, таким образом, Указ не распространяется на большой слой чиновничества.

Короче говоря, это довольно популистский Указ. Вместо серьезных юридических проработок он, видимо, был продиктован эмоциями, соображениями «революционной целесообразности». Для волны репрессий такой Указ достаточен. Для настоящей правовой борьбы с коррупцией, не останавливающей перехода к рынку, — нет. Это заявка, протокол о хороших намерениях — не более.

Кроме того, как я уже не раз говорил, исключать чиновников из процесса приватизации ни политически, ни по всем другим соображениям неправильно. Чиновник — такой же гражданин, как и все остальные. Поэтому предполагать, что чиновник будет заниматься приватизацией, не получая при этом собственности да еще с перспективой потери своего служебного места после упразднения своего органа управления, — наивно.

Допустим, такая ситуация. Человек был директором магазина и мог бы сейчас участвовать в его приватизации. Но в прошлом году мы его заставили стать начальником районного торгового центра. Еще вчера, как директор магазина, он мог получить свою долю собственности. Сегодня — уже ничего. Нельзя считать коррупцией участие чиновников в дележе собственности. Коррупция — это использование своей власти для захвата излишков, сверхнорм. Вот если бы в Указе говорилось о наказании не за самоучастие в коммерции, а о санкциях за использование служебного положения в корыстных целях — тогда другое дело. Но на этот счет и сейчас есть закон, который касается наказания в случае использования служебного положения. Я думаю, что этот закон вполне мог бы служить основой для дальнейших уточнений.

Если же бороться с «участием» вообще, то я считаю, что это чисто популистский лозунг. Кто может узнать, сколько куплено облигаций или акций чиновником, если акции обезличены? Я не вижу сейчас возможности развивать частный сектор, не пользуясь кадрами государственного аппарата. Сейчас чиновников ориентируют на худшее — сначала коммерческой структуре передай как можно больше, а затем уходи, заготовив себе в ней «запасной аэродром». То есть как раз нынешний подход ориентирует чиновни-

ков на то, чтобы побольше хватать у государства.

Взятый в Указе президента за образец американский механизм на самом деле совершенно иной. Например, Указ президента не касается депутатов, а в Америке он касается и всех депутатов — сенаторов и конгрессменов. Далее, в США речь не идет об ограничении прав человека на коммерческую деятельность. Ограничены права того, кто избирается. Жена, дети, родители могут заниматься, чем они хотят. Иначе всем им надо жить за счет оклада родственника-чиновника. Или вместе с ним работать в некоммерческой структуре, т.е. в государственном аппарате (а это уже, можно сказать, семейственность).

У нас господствует мнение, что чиновники (а это не менее пятой части нашего общества) должны руководить раздачей собственности, себе ничего не брать. Далее, они должны создать частное предприятие, а сами остаться ни с чем. На такую роль пригодны только камикадзе. Это одна из чисто утопических популистских концепций перестройки — весьма опасная, туликовая, толкающая или к торможению, или к «прихватизации». И еще одно: нельзя схему страны, где собственность была сотни лет, где в политику и аппарат идут люди, уже имеющие собственность, путать со страной, которая в начале пути. Петр I бил палкой Меншикова за грабеж, но заводы строить Меншикову не мешало. Понимал — больше некому.

Поэтому еще раз подчеркиваю, что Указ носит скорее заявочный характер. А надо решать вопрос по существу. Суть дела: слой наших нынешних руководителей — это слой людей, которые прежде всего могут осуществить приватизацию и должны участвовать в коммерческих структурах, чтобы сделать их эффективными. А как сделать, чтобы это участие не превращалось в обогащение за счет «портфеля» — это вопрос серьезный. Но в нынешнем варианте Указа я решения этого вопроса пока не вижу.

— Считаете ли вы себя состоятельным человеком?

— Да, считаю. По всем советским нормам. Я был им все прошлые годы. Я профессор, доктор наук. У меня сотни изданий и публикаций в Советском Союзе и несколько книг издано за рубежом: в Англии и Франции, Китае и Японии, Италии и Корее и т.д. Десятилетиями я имел и имею валютный счет. У меня есть квартира, дача, автомобиль. Но я покупал их за свои деньги — в отличие, кстати, от тех редакторов бывших коммунистических газет, которые все это получали бесплатно, за счет народа.

— Не могли бы вы сообщить нашим читателям, каковы размеры вашего состояния и ваших доходов?

— На этот вопрос я отвечать не буду. Не потому, что мне есть что скрывать. У меня нет дач за рубежом. Кстати, в самом

тезисе — строит дачу на Багамах — виден коммунист. Мало кто на Западе строит себе дачу. Это у нас все «занято» и новому лидеру надо или захватывать дачу у «бывших», или строить свою. А на Западе масса предложений готовых дач — выбери на вкус. Само сообщение о «строительстве дачи» сразу выдает, где живет и кто на деле автор статейки в западной газете.

Я готов дать полный отчет о своем состоянии. Но мне непонятно, почему один гражданин в угоду чьим-то прихотям должен сообщать о своих доходах, а все другие — нет. Если будет закон, обязывающий делать это всех, в том числе и всех депутатов, и журналистов, то и я это сделаю. Считать же себя виновным и оправдываться в печати я не собираюсь.

— Какую форму хранения своих сбережений вы предпочитаете: в сберегательном банке, в коммерческом банке, путем вложения денег в недвижимость, золото и пр., через приобретение акций и т.д.?

— Я предпочитаю хранить деньги в банках. Даже с учетом тех сюрпризов, которые преподносит Внешэкономбанк.

В заключение я хотел бы сказать о следующем. А если бы я на самом деле был миллионером? Это что, было бы преступлением? Я не мог бы быть депутатом или мэром?

В каком обществе мы собираемся жить? В обществе, где миллионеры будут злодеями и должны будут регулярно оправдываться перед толпой люмпенов?

Я считаю, что если ваш журнал прогрессивный, то спрашивать надо не о том, богат я или нет. Спрашивать надо об источниках этого богатства. Законные ли это, нормальные источники. Если человек — писатель, ученый, художник и т.д., то почему он не может быть богатым? Или право такое есть только у биржевиков? Все эти продолжающиеся дискуссии о богатстве — это, по-моему, порождение большевистского предубеждения: богатство как таковое — преступление. Это неправильно. Я считаю, что мы будем жить в обществе, где чиновниками, министрами, президентами могут быть и миллионеры, и миллиардеры. Есть ли в обогащении нарушение закона — вот единственная проблема. Повышенный интерес к чьему-нибудь богатству, по-моему, проистекает из идей люмпенского общества, из желания залезть в чужие сундуки, из традиционного, известного по популярной песне, стремления заставить человека обнажаться перед «народом» до исподнего (а из зала кричат: давай подробности — «вот стою я перед вами словно голенький»). Поэтому я — как нормальный демократ — не могу в такого рода дискуссиях участвовать.

Записал Сергей СТУПАРЬ

Секретный маршрут

Нынешним летом американцы отмечают 50-летие АЛСИБа. Так в годы второй мировой войны называлась воздушная трасса между Аляской и Сибирью, по которой американские самолеты перегонялись по ленд-лизу на советский фронт. Эта трасса создавалась под покровом секретности, а после войны по приказу Сталина была предана забвению.

Оно оказалось чересчур затяжным. Даже в конце 70-х годов геологи, обнаружившие в горах Чукотки обломки транспортного самолета С-47 с погибшим русским экипажем, долго не могли узнать у официальных властей, как же он там оказался. Да и теперь мало кто знает в нашей стране, что мост дружбы через Берингов пролив был построен задолго до знаменитой встречи на Эльбе.

И все же историческая память понемногу возвращается к нам и все расставляет на свои места. Сегодня мы публикуем материалы о том, как создавался и действовал воздушный мост через Берингов пролив. Опыт прошлого сотрудничества актуален и в наши дни, тем более, что о нем рассказывают, можно сказать, главные строители этого моста: личный представитель президента США Ф.Рузвельта на переговорах по ленд-лизу в Москве, генерал-майор Фоллет Брэдли (1890—1952 гг.) и бывший начальник советской военной миссии на Аляске М.Г.Мачин (ныне он — генерал-лейтенант авиации в отставке).

В центре их воспоминаний — 1942 год. Это критический момент войны, когда русских преследовали неудачи на фронте. Тяжкий удар гитлеровцы нанесли в Баренцевом море,

потопив самый большой конвой союзников PQ-17. После этого отправка транспортов с вооружением для России через Северную Атлантику была надолго прекращена. Ф.Рузвельт предложил И.Сталину начать перегонку американских самолетов с Аляски и направил в июле 1942 года в Москву миссию ВВС во главе с генерал-майором Ф.Брэдли.

Переговоры генерала Брэдли завершились созданием Красноярской воздушной трассы. В Фербенкс была отправлена советская военная миссия по приемке американских самолетов во главе с полковником авиации М.Г.Мачиным.

Уже в октябре с Аляски удалось перегнать под Сталинград первую группу бомбардировщиков А-20 «Бостон». Всего по Красноярской воздушной трассе с 1942 по 1945 г. в нашу страну поступило около восьми тысяч американских самолетов.

Секретный маршрут, соединивший Аляску и Сибирь в самый критический момент войны, сыграл значительную роль в достижении общей победы союзников над фашизмом. За участие в осуществлении этого грандиозного проекта президент Ф.Рузвельт удостоил высших воинских наград США генерал-майора Ф.Брэдли (медали «За выдающиеся заслуги») и полковника авиации М.Г.Мачина (ордена «Легион Почета»). Позже глава советской военной миссии на Аляске стал и Героем Советского Союза, сбив на «Аэрокобре» несколько фашистских самолетов на завершающем этапе войны.

20—21 ноября 1942 года.

В эти дни, богатые событиями, завершилось наше путешествие на «Москвиче».** Рано утром отправились на аэродром Якутска.

За день до этого отдохнули, пообедали в 21.00. Из-за уважения к нашему пожеланию перед вылетом не пить вина за столом не было никаких крепких напитков. Водка здесь — это 95-процентный спирт из зерна, в который, как объяснили накануне вечером, можно добавить воду. Отсутствие вина и спирта было большим лишением для наших хозяев, так как они любят выпивать за едой.

После посадки в самолет из-за всевозможных отказов мы смогли взлететь только в 2.10. Из-за сильного мороза оборудование одно за другим выходило из строя. Самолет все больше и больше обрастал льдом. И, хотя мы получили сообщение, что в Сеймчане ясная погода, мы все же решили вернуться в Якутск. Мы нашли аэродром, увидели огни и ракеты и приготовились к посадке. Видимость была на три четверти мили, небольшой снег, морозная дымка. Левое шасси медленно выпустилось, а правое сначала не двигалось. Но через пять с лишним минут наших усилий вышло и оно. Закрылки не работали. Из-за сильного обледенения самолет с трудом управлялся. Его все время кренило — дроссельная заслонка была открыта полностью. Нам все же удалось произвести четкий заход на посадку. Самолет приземлился мягко, как перышко.

В эти два дня из-за холода отказали многие агрегаты. Я принял решение оставить Б-24 здесь. Русские запросили транспортный самолет для нас, и я сделал то же самое по своим каналам. Я полагаю, что их самолет прибудет раньше, чем наш.

Нам ничего не остается, как ждать. Но у нас уже был подобный опыт ожидания в течение более чем трех месяцев в Москве. Мы с комфортом расположились в отеле, к нам относятся любезно, а могло быть и хуже. Весь день шел снег, и ночью его покров достиг почти десяти дюймов. Тяжелый каток, который тащил за собой трактор, принял снег и укатал взлетно-посадочную полосу.

Я получил прекрасную возможность увидеть воочию все трудности этой трассы и убедиться в твердой решимости русских преодолеть все проблемы. Русские не сомневаются, что по мере накопления опыта дело пойдет на лад. На этом маршруте работают лучшие летчики, взятые с

*сокращенный вариант

**Так Ф.Брэдли назвал свой самолет Б-24 после успешного завершения переговоров в Москве об открытии перегона самолетов с Аляски.

Олег ЧЕЧИН

ИЗ ДНЕВНИКА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА Ф.БРЭДЛИ*

фронта, а организация наземной службы, хотя она и совершенно новая, быстро обретает необходимые навыки. Я горжусь, что причастен к этому проекту.

Смотрел сегодня вечером в театре оперетты «Роз Мари» (хотите верьте, хотите нет!), и представление достойно похвалы. Все места были заняты, и публика наслаждалась спектаклем. Некоторые из моих офицеров остались на танцы и получили большое удовольствие.

22 ноября 1942 года.

Завтракал в своем номере в 11.30. Я попросил только хлеб, масло, чай и джем, но, когда узнал, что есть и яйца, заказал пару штук. Вот меню:

чай (они уговорили меня также взять кофе и какао)

холодная телятина

джем

масло

хлеб

3 вида копченой колбасы «Болонья»

5 яиц

фруктовое пирожное со взбитыми сливками

пирожки с мясом

холодные блины

взбитые сливки

5 шоколадных плиток

Туалет неопишу! Но я научился вставать на сиденье и приседать на корточках над дырой — в русском стиле. И моя точность попадания была даже лучше, чем у них. В умывальнике в коридоре имеется горячая вода, так что мы умываемся и бреемся с комфортом. Тепло поступает от печки. Тройные рамы на окнах удерживают тепло и не дают замерзнуть окнам.

Нас снова угощали соленой сырой свиной (салом), поданной в качестве одной из закусок. Это нечто похожее на бекон, так что я попросил, чтобы нам ее зажарили. Нам это блюдо понравилось.

23 ноября 1942 года.

Вчера вечером были танцы, на которые ходил кое-кто из молодежи. Я извинился и остался в своем номере. Изучал русский и читал. Спал почти одиннадцать часов. Прошел слух, что мы скоро отправляемся в Фербенкс на американском «Дугласе» с русским

экипажем. Надеюсь, что этот слух скоро подтвердится. Была устроена охота для желающих. Эти русские — удивительные хозяева и очень дружелюбны. Если бы только у нас был общий язык!

Всех нас сегодня водили в баню. Проехали примерно с милую на автомобиле. Баня построена 39 лет назад, но все еще в хорошем состоянии. Разделись в большом предбаннике и потом отправились париться. Полки в парилке расположены рядами до потолка, так что можно выбрать для себя любую температуру. У каждого был таз с горячей водой и веник. Окапывали себя водой и стегали веником друг друга. Мыло дают, а полотенце нужно приносить с собой. После того, как мы попарились и помылись с мылом, приняли «душ», облившись из тазов сначала горячей, а потом холодной водой, и оделись. Нам предлагали поваляться в снегу, но мы отказались. Никто из нас не заболел после всех этих процедур.

В 10 часов вечера ходили на киносеанс, который окончился около полуночи. Фильм побил все рекорды по своей низкопробности, так что я не буду вдаваться в детали. После кино я присоединился к игре в карты, которая длилась до 3.00 ночи. Ли — заядлый картежник, и он выиграл все деньги. Я думал раньше, что мастак по этой части Джим Ходжес, но теперь считаю, что Ли его мог бы переплюнуть.

24 ноября 1942 года.

Охоту отменили и по веской причине. Температура сегодня — 47°C и ожи-

дается дальнейшее похолодание. Мы посетили музей, ознакомились с тем, что осталось от ярмарки или выставки, и с библиотекой. Видели ископаемые реликвии, образцы доисторических рисунков, мумии, скелет мамонта и чучела обитающих в регионе животных и птиц.

В развитии региона достигнуты успехи. Якутск имеет электрическое освещение. Здесь много золота, угля, леса и, говорят, нефти. Строится много зданий. Я видел плотников на стройке и спросил, сколько времени они работают при такой температуре. Ответ был: восемь часов с десятиминутным перерывом на отдых каждый час. Крепкие парни! Здесь множество новых сооружений. Они деревянные, но теплые и рассчитаны на долгое время.

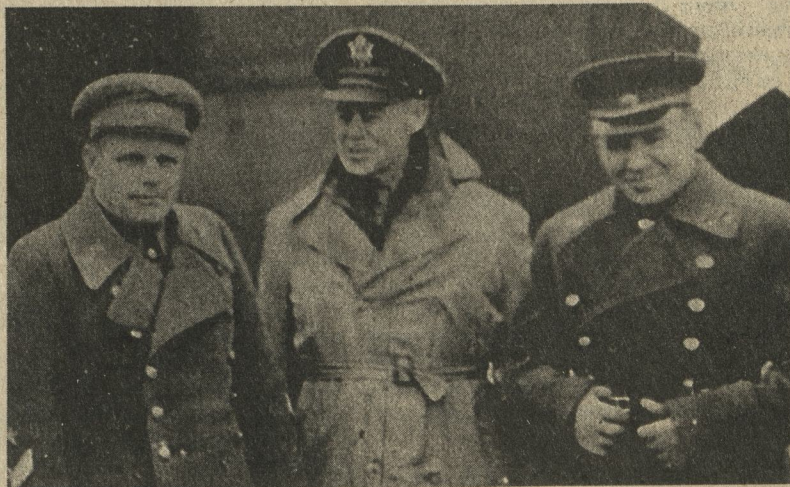
Земля здесь промерзла на максимальную глубину свыше 200 метров, средняя же цифра — 180 метров. Летом оттаивают только два верхних метра. Тем не менее тут выращивают многое, даже яблоки. Хотя они пока небольшие по размерам, но сортов пробуют акклиматизировать множество. В библиотеке около полумиллиона томов, в том числе 7000 на английском языке. Ли все еще выигрывает в карты.

Ходил по магазинам, и, верите или нет, товаров там гораздо больше, чем в Москве. Купил прекрасные шахматы из настоящей слоновой (а возможно, и мамонтовой) кости почти в безупречном состоянии — за 21 доллар. Это моя единственная удачная покупка, которую я сделал в России. Но я не знаю, что с ней делать. Меня хорошо подстриг парикмахер, которого мне вызвали в отель.

26 ноября 1942 года — День Благодарения.

До поздней ночи ждали ответа из Москвы. Пришел запрос: сообщить

Бригадный генерал-майор Ф.Брэдли в Советском Союзе (1942 г.)

имена всех членов русского экипажа. Русские хотят быть полностью уверены, что мне представлено самое лучшее обслуживание и безопасность. Мороженое на обед! Довольно водянистое* и неароматное, но все же мороженое! Каждый вечер нам подают всевозможные вина, водку, коньяки и шампанское.

29 ноября 1942 года.

Вылетели поздно (для такого полета), но видимость была хорошая, хотя солнце еще не взошло. Полет в Сеймчан прошел без происшествий. Там нас встретил полковник, командир части, и отвез нас в помещение, расположенное недалеко от взлетно-посадочной полосы. В каждой комнате печка и керосиновая лампа. Прекрасные ковры на полу и стенах, при виде которых у меня потекли слюни. Мне сказали, что они присланы из Хабаровска. С полковником я больше не встречался, но нас окружили заботой. Подали целиком зажаренных молочных поросят, и это оказалось коронным блюдом из всех тех прекрасно приготовленных мясных кушаний, которыми нас угощали в России!

Всю ночь каждые 10—20 минут приходил дежурный, чтобы поддерживать огонь в печке. Многие месяцы я зябнул по ночам в помещениях, а теперь жара стояла удушающая. В конце концов я приказал дежурному прекратить его хождения до трех утра и сам поспал часа полтора.

Произошел забавный инцидент: я захотел пить и пошел в столовую, чтобы принести к себе в комнату кувшин с водой. Налил полный стакан и чуть было не выпил его залпом. К моему удивлению и смущению, это оказался 95-процентный спирт! Я сделал глоток, и меня обожгло, как огнем, а воды нигде не было. Том* спал в моей комнате, и я толчком разбудил его, чтобы пожаловаться на свою беду. Но этого оказалось недостаточно, чтобы удержать его от той же самой оплошности: час спустя, полусонный, и он приложился к кувшину.

30 ноября 1942 года.

При ясной погоде (о ней было сообщено из Номы) мы взлетели и совершили, как я потом узнал, первый ночной полет через Берингов пролив. Перед вылетом из Уэлькаля командир части и офицеры из его штаба устроили нам дружеский прощальный обед. Полет через пролив занял три часа и прошел без происшествий. Мы приземлились в Номе в 23.30 29-го ноября.

*Томас Уотсон младший — в 1971—1981 гг. посол США в СССР.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА АВИАЦИИ В ОТСТАВКЕ М.Г. МАЧИНА

Трудно сказать, с чего началась наша дружба, но несомненный вклад в нее внесла уха из мороженных судачков, полученных мною с Чукотки. Эту уху я приготовил сам и пригласил отвеждать ее американских офицеров, помогавших нам в приемке самолетов в Фербенксе.

Уха получилась наваристая, душистая, с острым привкусом лаврового листа и перца. Гости, обжигаясь, сняли пробу. Строгим подполковникам Кичингмену и Барделону и даже шутнику инженер-майору Макфарлану экзотический рыбный суп понравился. Но бригадный генерал Дейл Гаффни, командир авиабазы Лэдд Филд близ Фербенкса, долго студил свою горячую ложку, а потом вдруг вежливо сказал:

— Извините, полковник Мачин, у нас это не едят!..

Он подцепил ложкой рыбью голову с вываренными белыми глазами.

— Как не едят? — в свою очередь удивился я. Ведь это самое вкусное! Голову кладут в тарелку самому почетному гостю!..

Оказалось, что американцы не варят уху из головы, равно как из плавников и хвоста. Я стал доказывать, что от них как раз самый навар! В подтверждение сослался на журнал «Охота и рыболовство», пообещав Дейлу Гаффни выписать этот журнал из Москвы. Последний довод подействовал — командир авиабазы под общий смех рискнул отвеждать голову судачка и пробой остался доволен.

Через несколько дней после этого угощения я обнаружил у себя на кухне таз с живой форелью. Это был явный намек на то, чтобы уха повторилась. Но никто из моих недавних гостей не говорил мне прямо об этом, и я тоже решил промолчать. Тогда «заговорщики», не выдержав, послали ко мне главного инженера авиабазы Макфарлана.

— Полковник Мачин, прошу извинить меня, — признался американец, улыбаясь до самых ушей. — Наши офицеры наловили немного форели (в тазу было не менее двадцати рыбин!). Если можно, приготовьте, пожалуйста, еще раз такой же суп, какой мы ели у вас.

— Хорошо, — сразу осознал я безвыходность своего положения. — Только пришлите кого-нибудь почистить рыбу.

— О кей! — обрадовался Макфарлан, и вскоре вся компания собралась в своей резиденции в прежнем составе.

«Розыгрыши» с форелью устраивались еще несколько раз, и всякий раз я вынужден был варить уху. Бригадный генерал Д.Гаффни долго потом вспоминал об этом. Этот широко образованный, обаятельный человек поддерживал на авиабазе обстановку доверия и доброжелательности к русским. Он стремился помочь мне, даже когда мои просьбы выходили за рамки лендлиза.

Советская аэродромная служба по другую сторону Берингова пролива работала в не слишком комфортабельных условиях. Аэродром на Чукотке зимой еще достраивали, а размещать людей было негде. Я рассказал об этих трудностях во время дружеской беседы с Дейлом Гаффни и командующим Аляскинским военным округом.

В январе 1943 года я получил указание из Москвы от наркома внешней торговли А.И.Микояна договориться с американцами об отправке продуктов с Аляски на Чукотку и Камчатку. Японцы блокировали Татарский пролив и все пути через Японское море, ведущие в эти районы нашей страны, так что люди там оказались на подножном корму. У некоторых даже началась цинга.

Генерал Гаффни на мое обращение к нему ответил, что считает за честь помогать русским. И уже на следующий день с главной авиабазы Аляски поднялись несколько транспортных самолетов с продуктами на борту. Они доставили в Уэлькаль около пяти тонн копченых окороков, несколько десятков центнеров сушеной картошки, шесть центнеров чеснока. Все это сразу развозили оттуда в Анадырь, Марково, Бухту Провидения и другие места, где население и аэродромный персонал страдали от цинги. Болезнь была ликвидирована.

А весной 1943 года американцы оказали нам еще одну дружескую услугу. В начале мая на аэродроме Лэдд Филд возникла «пробка». Союзники доставили сюда со своих авиационных заводов одновременно почти 300 самолетов, воспользовавшись хорошей погодой над Северной Америкой. Но на Аляске их дальнейший перелет задержала низкая облачность и туман. Из-за этого аэродром Номы надолго был закрыт.

Когда небо наконец прояснилось, я попросил генерала Д.Гаффни помочь перегнать самолеты на участке Фербенкс—Ном.

— А хотите, мы их вам на фронт доставим? — охотно откликнулся на эту просьбу Дейл.

— Спасибо, но у нас по другую сторону Берингова пролива летчиков хватает! — в тон ему шутливо ответил я.

Буквально через два часа после этого разговора командир авиабазы Лэдд Филд сообщил мне, что он выделил для меня более тридцати американских летчиков, умеющих управлять «Аэрокобрами» и «Бостонами». Я совершил с ними два рейса до Номы в качестве лидера на Б-25. Когда же я предложил генералу Гаффни оплатить дополнительные услуги союзников, тот наотрез отказался от денег.

Конечно, не все было гладко в наших отношениях с американцами. Случались и напряженные моменты, и недоразумения. Досадным был, например, запрет на то, чтобы советские и американские механики вместе обедали в ресторане. Я поощрял эти совместные обеды (которые, кстати сказать, бывали довольно редко), полагая, что время, проведенное за одним столом, делает людей дружнее и в общей работе. Но кто-то донес в Москву, что якобы во время обеда советские ребята усердно ведут пропаганду. Мне прислали шифровку с требованием «прекратить заниматься воспитанием американских солдат». Пришлось подчиниться этому нелепому приказу и совместные обеды отменить.

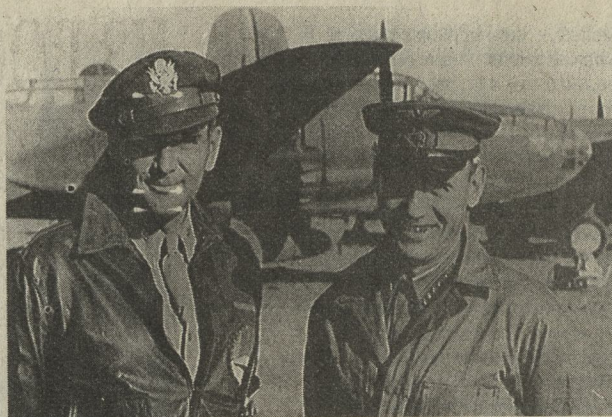
Запрет вызвал недоумение и обиду. Американские солдаты относились к русским очень хорошо. На Аляске не было ни одного случая хищения или какого-либо подвоха со стороны местных жителей и военнослужащих. Изредка, правда, обострялись предрассудки и предубеждения, но их, как правило, удавалось преодолеть.

Тем более, что тем же летом произошло два чрезвычайных летных происшествия, и в обоих случаях жизнь восторжествовала над смертью благодаря совместным усилиям летчиков обеих стран. Сначала обслуживающий персонал авиабазы и жители Фербенкса стали свидетелями аварийной посадки Б-25 с поврежденной передней стойкой шасси — поврежденный бомбардировщик посадил экипаж Петра Гамова благодаря дружескому совету американского инструктора Николая де Толли, потомка знаменитого русского полководца. А затем многих заставила поволноваться история спасения советского штурмана Константина Демьяненко — почти месяц он провел в безлюдной горной тайге в одиночестве, как Тарзан.

Осенью 1943 года бригадный генерал Гаффни получил повышение — его назначили командиром крыла в Эдмонтоне. А в Фербенксе его сменил полковник Киллер. Это был совсем другой человек — он не питал добрых чувств к советским людям.

Прежнего командира авиабазы мне довелось увидеть еще несколько раз в Эд-

**Полковник авиации
М.Г.Мачин (справа)
с американским
инструктором
капитаном Де Толли
на авиационной базе
в Фербенксе
(1943 г.)**

монтоне. Там приходилось делать промежуточные посадки во время командировок в Вашингтон и Нью-Йорк. Однажды генерал Гаффни встретил меня прямо у трапа самолета, приземлившегося ненадолго для заправки. Он приехал вместе с женой, которая ждала ребенка, и взял с меня слово, что я обязательно зайду к ним в гости на обратном пути в Фербенкс.

Без подарка неудобно было появляться в его семье. Я потратил немало времени, прежде чем купил то, что, на мой взгляд, могло быть по душе хозяйину и молодой хозяйке, ожидавших прибавления в семье. И я не ошибся в своем выборе.

Генерал Гаффни очень развеселился, увидев «сюрприз» для себя: большую матрешку с одиннадцатью вложенными в нее фигурками поменьше. На пятой или шестой матрешке, вытащенной из большой куклы, он шутливо схватился за голову:

— Майкл, это что, твое задание для меня?!

Мы все трое от души посмеялись. Затем я раскрыл коробку с парой фарфоровых лебедей и вручил статуэтку миссис Гаффни. Это была высокая, стройная блондинка с удивительно нежной кожей. Беременность не портила ее красоты.

Миссис Гаффни тоже обрадовалась подарку. Художник, сотворивший статуэтку, тонко выразил и чудо, и хрупкость жизни. Один из лебедей, покрупнее, распустил крыло над своей подругой — то ли ухаживает за ней, то ли прикрывает от беды.

Растроганный хозяин дома вдруг встал и произнес дружеский тост, обратившись ко мне: «Дорогой русский человек! Я рад, что судьба свела нас вместе! Эта война должна кончиться нашей общей победой, но я хочу, чтобы наша дружба никогда не кончалась!»

Русских и американцев тогда сближала не только общая борьба с фашизмом, но и доброе человеческое начало.

На следующее утро в гостиницу, где я остановился, приехал офицер связи и передал приглашение генерала Гаффни зайти к нему в «офис». «Командир тоже хочет преподнести вам сюрприз», — пояснил сопровождающий.

Генерал пригласил меня в офицерскую столовую.

В столовой было заведено самообслуживание для всех — от лейтенанта до генерала. Мне очень понравились подносы из нержавеющей стали. На каждом подносе были выдавлены места для трех блюд: овощного супа, бифштекса с жареным картофелем, свежих овощей и ягод (спаржи, сельдерея, вишни, малины, клубники). Все это было вкусно приготовлено.

Но это был еще не сюрприз. Сюрприз поджидал меня в другой комнате. Там на пьедестале во весь рост стояла корова. «Симментальской породы!» — сразу определил я, так как перед поступлением в летное училище год проучился в Воронежском сельскохозяйственном институте и запомнил, что эта порода считалась одной из лучших в мире.

Корова была почти как живая, с черными белыми пятнами, и даже на вымени у нее помимо четырех развитых сосков можно было различить еще два маленьких. Над каждым соском была кнопка.

— Вам молоко или сливки? — спросил Гаффни. — Молоко, — ответил я. — Какой жирности? — улыбнулся генерал. Я на секунду замялся: — Не очень жирное. — Заказ принят, — сказал Дейл. Он набрал какой-то код, поставил под вымя три кружки из белой небушеющей пластмассы — для гостя, для себя и для офицера связи. Потом предложил всем нажать кнопки над соском.

Молоко ударило в кружки веселой струей. Я осторожно сделал глоток — оно показалось мне настоящим.

— Замечательно! — искренно похвалил я. Гаффни был очень доволен.

— Таких чудо-коров во всей Америке только три, и одна из них у меня, — рассмеялся Дейл. — Я вам открою секрет: корова заправляется молочным порошком, который смешивается внутри в определенных пропорциях с водой. Смешивание происходит за счет центробежной силы.

Генерал шутливо чокнулся своей кружкой с моей кружкой и снова с улыбкой произнес вчерашний тост: «Я хочу, чтобы наша дружба никогда не кончалась...»

Публикацию подготовил
Олег ЧЕЧИН

Россия — страна неординарная. А неординарных личностей в ней столько, что хоть на экспорт вывози. Неординарный певец пришил себе на грудь Георгиевский крест, неординарный монархист высочайше пожаловал президенту титул Великого князя, неординарный спикер такого наговорил, что вся пресса хором ахнула, неординарный бизнесмен — тот и вовсе на дружеской пирушке правительство низложил. Еще интереснее — отдельные неординарные священнослужители в уличную политику подались. Воззвания подписывают, статьи о текущем моменте сочиняют, на манифестациях выступают не то с проповедями, не то с лекциями о политическом положении... Вот вы сразу подумали на Глеба Якунина. А еще кого-нибудь припоминаете? Нет? Тогда знакомьтесь — оппонент отца Глеба — диакон Русской православной церкви Виктор Николаевич Пичужкин.

Май 1991 г. Митинг в поддержку Ельцина и Попова у Моссовета

Первая жизнь

Первая жизнь Пичужкина на первый взгляд никак не стыкуется с его нынешней принадлежностью к духовному сословию. Как будто это и не диакон будущий был, а кто-то совсем другой.

Витя родился в селе Макеево, что в Рязанской области, за год до начала коллективизации. Отец его не только безропотно свел в колхоз всех своих коров и лошадей, но и стал впоследствии председателем этого колхоза. В год начала великих репрессий семья перебралась в Москву. Пока шла война, Виктор ударно трудился на оборонном заводе. Когда страна разоблачала «кремлевских врачей-убийц», солдат Пичужкин как раз охранял Кремль от внешних и внутренних врагов (годы службы в кремлевском полку отец Виктор считает лучшими в своей жизни). Потом он попал в знаменитое Деятое управление госбезопасности — берег покой вождей во внешней охране правительственных дач в Сочи, Цхалтубо, Боржоми, Мюссере. Умер товарищ Сталин — и вскоре Пичужкин из «девятки» ушел. Снова работал на заводе, поступил

ДВЕ ВЕРЫ ДИАКОНА ПИЧУЖКИНА

Широкой публике отец Виктор практически неизвестен. Зато для большевиков, регулярно буздящих подле музея В.И.Ленина, Виктор Николаевич — авторитет не меньший, чем трибун Виктор Анпилов или пролетарский стихотворец Борис Гунько. Без пламенной речи Пичужкина не обходится практически ни одна коммунистическая сходка — будь то «празднование» годовщины Советской Армии, день памяти Сталина, «Народное вече» или пикетирование «враждебного» посольства. Рекруты «Трудовой России» и иже с ними отца Виктора уважают, идут к нему за советом, утешением, благословением. Даже ласковое прозвище ему придумали, своеобразную партийную кличку: «красный поп». Хотя, конечно, Пичужкин отнюдь не поп — чином не вышел.

Для нас же Виктор Николаевич интересен своими тремя жизнями и двумя религиями.

Январь 1992 г. Митинг в поддержку коммунистов

на курсы стюардов во Внуковском аэропорту, летал на первых отечественных реактивных пассажирских самолетах, экстерном закончил старшие классы в школе рабочей молодежи, и тут...

Вторая жизнь — первая вера

...и тут вдруг поступил в духовную семинарию. Бывшему бригадиру комсомольско-молодежной бригады, бывшему сержанту МГБ стукнуло к тому времени уже тридцать пять лет. Отчего такой решительный шаг?

«У нас ведь вся семья в Бога верила. Особенно мать. И отец верил, хоть и председателем в колхозе был. В церковном хоре он даже пел. А я... я, знаете ли, еще в 1945 году пробовал на богословские курсы поступить — тогда в Москве открылись такие, — но не прошел по конкурсу. В армии когда служил — натальный крест в гимнастерку зашивал. В комсомол, правда, вступил, но иначе ведь нельзя — кремлевские курсанты все комсомольцами были. А в семинарию я пошел, наверное, из-за того еще, что тогда гонения на церковь начались как раз. При Хрущеве-то —

очень много храмов закрылось. Я и решил: коли так — значит, пора».

После рукоположения отец Виктор закончил заочно еще и духовную академию, семнадцать лет служил: сперва в Москве, потом в Подольске.

Третья жизнь

Третья — совсем уж странная — жизнь началась для Виктора Николаевича в 1989 году. В марте митрополит Ювеналий отстранил его от службы «с причислением за штат» за тягчайшую по церковным меркам провинность — «кошунственное отношение к святым дарам».

«Мыслимое ли дело — выбросить святыне дары на помойку?! Я бы такого и под страхом смерти не сотворил. Оговорили меня, ох, как зло оговорили...»

Отец Виктор полагает: это была месть за «правдоискательство». Дьякон тогда все писал народным депутатам и архиереям Церкви — о тех безобразиях, которые, по его мнению, творились в приходе. Уже после изгнания Пичужкина староста храма, кстати, была переизбрана, а настоятеля перевели служить в другое место.

Пичужкин же остался безработным посреди шумной Москвы, в которой до него, кажется, никому дела не было. Соорудил плакатик, вопиющий о несправедливости, и принялся «скандалить»: пикетировал попеременно то резиденцию Патриарха, то Московское епархиальное управление. В перерывах — снова писал письма или отправлялся на демократические митинги — поддерживать будущего президента России.

В июле прошлого года церковное запрещение в священнослужении с отца Виктора сняли. Но подходящего прихода он себе до сих пор не нашел: предлагают все больше дальние церкви, а годы уже не те, чтобы в электричках каждый день трястись.

Уличный «политик по несчастью» стал уличным политиком-профессионалом. Кумиры тоже поменялись: Пичужкин разочаровался в Ельцине и примкнул к Анпилову.

На склоне лет Виктор Николаевич остался совершенно одинок (если не считать, конечно, преданного кота Рыжки да почитателей-единомышленников). Жены нет, детей тоже. Соседи по коммуналке в гости, похоже, и не заглядывают вовсе. Да и чего они не видели у Пичужкина дома? Комнатки, правда, две, но совсем махонькие, обои на стенах вытертые, на полу вместо ковров — картонки. Двух одинаковых стульев не найдется, не говоря уж про кресло какое-нибудь, все украшения — иконки да «фирменный» антиельцинский плакат на видном месте. А к чаю гостям отец Виктор может предложить разве что тарелку каши-геркулеса. Бедно живет дьякон, очень бедно. Три года уже ни копейки не получает. Проедает потихоньку то, что скопил за годы службы в церкви.

«Нет, никакого капиталиста из меня не получилось бы, нет... Я и не беспокоюсь, что дьяконом остался, ничуть, ничуть. Тем более, что скоро, может, и умирать. Главное, я пожил как человек на земле, честно, стукачом не стал... Хотя, конечно, есть другие грехи перед Богом».

Отец Виктор и Ельцин

«Я ведь Ельцина очень уважал поначалу. И тогда, когда он Москвой командовал, и позже. Я думал, что он против спекуляции, против разграбления страны. И еще нравилось, что он в трамвае ездит, что питается, как все, что лечится, как все. Его били без конца: то с моста сбросят, то еще что. А я всегда защищаю того, кого бьют, даже если и враг. Когда председателя Верховного Совета выбирали — в девяностом году, — так я Ельцину через депутата одного иконку передал — для поддержки. Слушаю потом — Ельцина избрали! Через месяц встречаю его на Варварке — он без охраны шел. «Здравствуйте, — говорю, — Борис Николаевич. Я — Пичужкин, я вам четыре письма отослал и иконку. Как, помог вам Николай Угодник на съезде?» «Помог», — отвечает. И все, дальше пошел. А посмотрел на меня так, знаете, свысока... Я тогда не понял еще, что это за человек. Это уж потом, когда он в «господина» превратился, стало ясно, кто таков. Ведь он же нас напрямую в капитализм ведет...»

Я вот сейчас думаю — как же это он партбилет на стол бросил? Это же все равно что я бы крест перед патриархом оземь швырнул. Нет, нам бы не такого руководителя надо, а другого, который к народу бы поближе был. Вот Анпилова, например...»

Отец Виктор и Анпилов

«Простой он, хороший. Когда станет большим человеком, может, и зазнается... Да нет, не зазнается. Пока я жив — зазнаться ему не дам. Если буду у Анпилова духовником — все будет хорошо, все у него получится, чего он хочет.

Я Виктора Ивановича все время призываю: не надо ругаться, не надо ничего делать скверного, плохого. Мы ведь должны нести любовь, культуру, благородство, чтобы народ нас узнавал не по красному знамени нашему, а по благородству. Анпилов мне верит.

Видите — ребро ему сломали. Значит — мученик уже, мученик за идею. И те, кто на митинги наши приходит, — тоже мученики. Святая церковь говорит: кто прожил жизнь честно, кто желал счастья не только себе, кто не шел на сделки с совестью, кто не эксплуатировал, не спекулировал — тот может назвать себя мучеником. Я так людям на митингах и говорю: вы — мученики, а я, наверное, ваш пастырь...»

Мне даже стыдно немного, каким я там

у них авторитетом пользуюсь — прямо как Патриарх. Недостойн я, наверное, такого».

Вторая вера

«Христос учил: «Будьте всегда едины, как един Бог»; «Там, где вас соберутся двое, трое во Имя Мое (т.е. во имя истины), там буду и Я»... Как не вспомнить тут слова Маркса о том, что социализм — это товарищеский способ жизни! А разве не этому учил нас Ленин?»

Из статьи В.Пичужкина «Христос был коммунистом» (Коммунистический дайджест, 1992, № 1)

«Мне многое не нравилось в коммунизме. Но все познается в сравнении. Когда я сравнивал ту власть, что была, с той, что теперь... Ведь прилавки были полны в магазинах, и каждый месяц снижение цен. И люди-то как братья жили. Все общее было, никаких замков на дверях. Ели из одной миски, весело жили. Вечером — гармошка, балалайка, песни. У кого-то день рождения — так весь барак празднует. Хорошо жили. И воздух даже не такой, как сейчас, а чистый, прозрачный был...»

Много лишнего говорят про те времена — а вы не верьте. Всякая власть — от Бога. Сталина обогнали. Ленина тоже обогнали. Из мавзолея хотят его вынести — боятся даже мертвого. Ну нельзя же так! Даже если он и грешник был. Апостол Павел говорит: борись с грехом, а не с грешником. Не нам, малодушным людям, судить усопших. И потом — ведь есть же у верующих святыни — мощи, например. Не нужно его трогать, чтоб не ранить живых людей. Они ведь с верой к нему идут...

Да-да, коммунизм — это разновидность христианской веры. Истинный коммунист, он, знаете, иноку сродни. А извратить можно что угодно, даже Евангелие. Под именем Божьим ведь и инквизиция была, и секты разные. Иуды везде найдутся — они любое хорошее начинание испачкают. Так вот и с коммунизмом вышло — испачкали его, измарали. Но он — живет. Так что у меня есть две веры: в Бога и в коммунизм. Можно даже написать: в коммунизм СВЯТО верую...

Вот вы спрашиваете: не обидно ли, что «красным попом» называют... Нет, не обидно. Наоборот. Мы ведь когда в церкви служим — облачаемся в одежды разного цвета. Если служим Божьей Матери — в голубые, если Святым Апостолам — то в желтые, если Преподобным Отцам — то в зеленые. А вот когда мы служим мученикам, мы одеваем как раз одежды красного цвета. Для меня служить мученикам — высшая награда...»

Кирилл РЫБАК

ДОЛГИ НАШИ — КАРТОЧКИ ВАШИ

Суммарная задолженность находящихся «на карточке» предприятий приближается к триллиону рублей. Месяц назад темп роста долга был равен 10 миллионам рублей в сутки. Сейчас он еще больше.

Закона о банкротстве пока нет. И предприятий-банкротов тоже нет. Но первый шаг к их появлению правительство сделало. В Министерстве промышленности России на промышленные предприятия ведется специальная карточка. «Сидеть на карточке» — значит быть должником государства. Причем «сидят» самые разные предприятия: от мелких заводиков до гигантов-монополистов. К примеру, долги АвтоВАЗа на карточке составляют 10 миллиардов рублей.

Как сообщили в Минпроме Российской Федерации, в карточке числятся почти

все российские предприятия. Из них лишь считанные единицы ничего не должны государству. В число потенциальных банкротов не входят также государственные предприятия, принадлежащие теперь акционерам или трудовым коллективам. Их деятельность в основном приносит прибыль. Однако такие предприятия составляют всего 5 процентов от общего числа фабрик и заводов.

Российское правительство пока оказывает помощь должникам. В ближайшее время им выделят кредит в размере около 50 миллиардов рублей. По расчетам правительственных экспертов, этих денег хватит для взаимных выплат предприятий друг другу. Многие производства оказываются должниками государства просто потому, что их продукция куплена смежниками, но не оплачена.

Среди предприятий-должников находятся и монопо-

листы. Поскольку им запрещено самостоятельно устанавливать цены на свою продукцию, ее выпуск, как правило, убыточен. Но пока в отрасли не появятся конкуренты, правительство прощает долги подобного рода.

Окончательно установить, какое предприятие чего стоит, может только рынок. Но действий одного правительства для этого недостаточно. Парламент должен принять соответствующий закон о банкротстве. Но о каких рыночных законах можно рассуждать, если у нас законодательно запрещена продажа земли!

Значительное препятствие на пути к рынку — косность мышления руководителей предприятий. Эти люди не хотят рисковать. Желая сохранить прежде всего собственное кресло, они предпочитают находиться под постоянной опекой государства. Вверенные им предприятия продолжают оставаться убыточными,

структурная перестройка экономики затягивается. По отношению к таким предприятиям необходимы самые жесткие меры.

Помощник министра промышленности Виталий Меньшиков считает, что складывается «довольно плачевная картина». Причем с каждым днем она все хуже: если два месяца назад для поддержки предприятий было бы достаточно два миллиарда рублей, то теперь эта цифра возросла почти в 20 раз.

Жесткая кредитно-финансовая политика правительства приведет к тому, что большинство «карточечных» предприятий рано или поздно обанкротятся. Чтобы этого не произошло, необходима срочная смена собственника. Пока же процесс реорганизации и приватизации идет слишком медленно и 95 процентов предприятий остаются в собственности государства.

ЕДИНЫЙ БЛОК КОММУНИСТОВ И ДЕМОКРАТОВ... НА ПАПЕРТИ

О сложном положении российской прессы в условиях рынка наш корреспондент беседует с заместителем начальника Управления средств массовой информации Министерства печати и информации России Юрием Мичуриным.

— Верно ли, что все издания сегодня разорены или на грани банкротства?

— Только в этом году мы зарегистрировали около 1700 изданий, и что-то никто — ни старые, ни новые — пока не объявил нам о прекращении своей деятельности. Некоторые из-за экономических трудностей пошли на сокращение тиража. «Правда», например. Журналы начали выпускать сдвоенные номера. Словом, нет уже прежнего ритма выхода прессы. Но, возможно, завтра перед кем-то и встанет недовольный вопрос — быть или не быть?

— Перепадает ли хоть что-нибудь от правительственных щедрот независимым изданиям, которые никогда не жили за чужой

счет, а сегодня тоже — в нужде?

— Недавно мы выделили помощь «Независимой газете». Мы рассматриваем заявки всех изданий, которые к нам обращаются, независимо от их политической ориентации. Чтобы решение не было тенденциозным, мы подключаем к нему и Верховный Совет, и другие организации.

— Как вы определяете сумму помощи?

— Мы возмещаем разницу между старыми и новыми ценами на бумагу и услуги. Сумма зависит от тиража издания — колеблется от нескольких сотен тысяч до миллионов. Миллионные тиражи «Труда» и «Комсомольской правды» — соответственно и поддержка. Учтывается, что эти издания распространяются не только в России, но и за ее пределами. На местах российской прессы сейчас перекрывается кислород даже чисто экономическим путем. Украина берет процент за услуги распространения российских газет, исходя из цен мирового рынка. То есть подписчикам на Украине придется платить гораздо дороже, чем в России...

— Если к вам обратятся все существующие в России издания, вы сможете раз-

дать «всем сестрам по серьгам»?

— Что вы! Министерство финансов выдало нам совершенно недостаточную сумму — 374 миллиона рублей. Если поделить на 300 изданий, которые к нам обратились, получатся жалкие крохи. Волей-неволей приходится выбирать. И очень не хочется делить по принципу «наши» — «не наши». К нам, например, приходит много писем в поддержку газет «Советская Россия», «Гласность». У них тоже есть свои читатели, и вопрос об этих изданиях у нас тоже на повестке дня.

— А газета «День» у вас денег не просит?

— Видимо, столь оппозиционная газета не может поступиться принципами до такой степени, чтобы протянуть руку демократам — даже за деньгами. Долго молчала, терпела и «Советская Россия». На днях, когда мы уже сверстали все программы помощи на ближайшее время, обратилась и она. Газеты «Правда» и «Рабочая трибуна» подали заявки чуть раньше... Многие издания не имеют на счету сегодня уже ни копейки от прежней прибыли. Наша дотация не может в полной мере компенсировать потери от роста цен.

Поэтому мы подготовили проект постановления ВС России, где предусмотрели ряд мер по экономической защите печати: освобождение от налога на добавленную стоимость все газеты и журналы (за исключением эротической и рекламной прессы), ввести льготное кредитование изданий, обязать Центральный банк выделять кредитные ресурсы для прессы до 10 миллиардов рублей. ВС обещал рассмотреть наш проект сразу после съезда — вот мы и ждем решения...

Аэлита ЕФИМОВА

СТРАШНО ДАЛЕКИ ОНИ ОТ НАРОДА

С 1 июля российское правительство намерено ввести внутреннюю конвертируемость рубля. На практике это означает, что из внутреннего оборота полностью вытесняются все иностранные валюты. Выражаясь понятнее — прекращают свое существование валютные магазины, рестораны, отели. Worse не обязательно, что при этом их закрывают. Обязательно иное — в качестве оплаты принимать рубли, а не доллары или фунты. Экспортеры российских товаров с введением внутренней конвертируемости всю валютную выручку должны будут продавать государству. Правда, по фиксированному курсу. Если захочешь приобрести что-либо за рубежом — покупай у банка валюту.

Однако намерение правительства вызывает множество сомнений. Мы попросили прокомментировать введение внутренней конвертации заместителя начальника экономического управления Министерства внешних экономических связей России Владимира Голякова.

— К настоящему времени добиться внутренней конвертируемости практически невозможно, — считает он. — Не думаю, что условия для вытеснения доллара созреют и к июлю. Этому мешает целый ряд обстоятельств.

Первое — отсутствие протокольно оформленных отношений в области денежной политики со странами Содружества. Планируемое некоторыми из них введение собственной валюты (латы, литы, гривны...) вызовет огромный приток рублей на территорию России. Естественно, это «лишние» деньги для нашей экономики. Рубль опять подешевеет, цены поднимутся. Экономическая стабильность будет подорвана, а без нее никакая конвертируемость невозможна.

Во-вторых, правительство пока не создало стимулов для притока валюты в казну. Непомогут большие экспортные налоги вынуждают наших производителей отказываться от поставок за границу. Соответственно, нет валютного дохода у государства. Поэтому невозможно обеспечить валюту всех желающих купить что-либо за рубежом. А свободное приобретение валюты — одно из основных условий внутренней конвертируемости. Не поможет нам и валюта стабилизационного фонда, выделенная МВФ. Почти наверняка эти деньги разойдутся по предприятиям без какой-либо отдачи. Ведь предприятия сейчас тратят средства впустую — ширпотреб директорам покупают, автомобили. А на обновление производства, закупку иностранных линий будут просить валюту у правительства.

Еще одна причина — малочисленные инвестиции в нашу экономику. Именно поэтому отсутствует стабильный приток иностранного капитала. Вызвано это тем, что структура цен в нашей промышленности не соответствует мировой практике. И это прежде всего отпугивает иностранных предпринимателей.

По сведениям из осведомленных источников, сразу после возвращения Егора Гайдара из Вашингтона должны начаться переговоры с Центральным банком России, посвященные грядущей конвертируемости. Специалисты ЦБР критически отзываются о планах введения внутренней конвертируемости.

Замначальника управления международных операций ЦБР Виктор Раков охарактеризовал правительственную затею как чисто директивную и экономически не продуманную. По его мнению, внутренней конвертируемости должна предшествовать внешняя.

— Если на конвертируемости рубля внутри страны настаивает МВФ, то сейчас есть все основания для того, чтобы скорректировать требования валютного фонда. Ведь Россия стала его полноправным членом, и правительственная программа реформ должна быть скорректирована. Польский вариант, при котором внешней конвертируемости

предшествует внутренняя, нам не подходит. Наши страны экономически настолько различны, что каждая должна идти своим путем.

Таким образом, отношение специалистов к курсу правительства на внутреннюю конвертируемость довольно критическое. Это показывает сомнительность самой затеи.

Мы часто пытались выяснить, почему внутренняя конвертируемость должна вводиться именно с июля. Но никто не смог нам этого объяснить. Вполне возможно, что такой человек все-таки есть. Это Егор Гайдар. Шагающий вперед, и даже бегущий вперед паровоза экономической реформы.

Или еще кто-то из правительства, страшно далекого не только от народа, но и от специалистов собственного аппарата.

Дмитрий ЛОВЯГИН

ЕЩЕ НЕМНОГО, ЕЩЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ, А ПОТОМ ВСПОМНИМ О БРАТСТВЕ

На 20 процентов по сравнению с первым кварталом прошлого года уменьшился национальный доход в Украине, а объем промышленного производства сократился почти на 16 процентов, сообщило министерство статистики республики по итогам первого квартала года. По данным министерства, падение производства охватывает большинство наиболее важных отраслей хозяйства.

хстане, в вынужденных отпусках находятся более 6 тысяч рабочих и служащих. По прогнозам специалистов, летом 1992 года в результате массовых банкротств количество безработных может достигнуть 80 тысяч человек.

Главными причинами спада стало разрушение хозяйственных связей между республиками СНГ, а также самими предприятиями металлургии и горнорудной промышленности, которые преобладают в экономике Казахстана. Руководство республики пытается исправить ситуацию — создает крупные отраслевые и технологические комплексы, ориентирует их на интеграцию с другими республиками, в первую очередь с Россией.

Правительство Беларуси приняло решение запретить на 1992 год вывоз из республики кожевенного и мехового сырья и аннулировать все выданные ранее лицензии на экспорт этой продукции. Запрет мотивируется «критическим положением» на кожевенных, обувных и меховых предприятиях Беларуси, которые вынуждены сворачивать производство из-за недостатка сырья.

Премьер-министр Молдовы Валериу Муравски на совещании представителей животноводческой отрасли оценил положение в животноводстве республики как катастрофическое. Основанием для подобной оценки послужило то, что из-за

отсутствия кормовой базы за последние 2—3 месяца поголовье скота в республике сократилось почти на 30 процентов.

Премьер-министр заявил, что, если в ближайшее время не будут изысканы средства для закупки комбинированных кормов, положение в животноводстве еще более осложнится.

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В РОССИИ...

По данным Министерства труда и занятости населения Российской Федерации, каждый рубль, добавленный к пенсии, пособию и заработной плате бюджетных работников, оборачивается ростом цен минимум на 1 рубль 20 копеек.

41 крупное предприятие прекратило работу в Каза-

Вячеслав БАСКОВ

А ТЫ — ПЫХТИШЬ НА БЮДЖЕТ?

Концентрированных супов появилось в продаже опять много, но берут их по-прежнему мало. Они невкусные. И все одинаковые. Разные только названия — «борщ», «суп куриный», «суп мясной», «суп рисовый с курицей»...

Концентраты имеют свою долгую историю. Во время второй мировой войны наших солдат кормили концентратами — видимо, американскими. Наши появились семь лет спустя после окончания войны. Тогда было выстроено предприятие, которое существует и поныне. Оно называется «Колосс». «Колосс» теперь объединяет несколько заводов в Москве и в других городах, однако только одно, головное, специализируется на выпуске разнообразных супов, запеканок, изделий из картошки... Головное предприятие действительно колоссальное — оно занимает огромную территорию, имеет высокие, многэтажные корпуса, один из которых недавно построили иностранцы, и продолжает строиться.

Директор «Колосса» Виктор Тихонович Кабанов, начальник основного производства Валентина Михайловна Гудочкова и начальник лаборатории Тамара Васильевна Коршунова посмотрели на меня с удивлением, когда я им сказал, что их супы невкусные и, в сущности, одинаковые. Оказалось, что они так не считают. Они сказали, что это у меня что-то со вкусом. Они, наоборот, совершенно серьезно считают, что если «суп куриный с макаронными изделия-

ми» состоит из: макаронных изделий, куриного фарша, жира, лука, моркови, корня белого, зелени, соли, перца черного и вкусовой приправы; «суп вермишелевый с мясом» из: макаронных изделий, мяса, жира, лука, моркови, соли, зелени, перца и вкусовой приправы, то это два разных супа. А если «суп-пюре картофельный с копченостями» из: сухого картофельного пюре, копченостей, жира, лука, моркови, соли, зелени, перца и вкусовой приправы, то это какой-то третий суп.

Если вдаваться в кулинарные подробности, то в куриный суп не всякая хозяйка положит еще какой-то жир, лук и черный молотый перец. Обойдется она без обжигающих рот пряностей при варке и нежного супа из копченостей. А то, что в домашней кулинарии ни один нормальный человек не употребляет таинственной «вкусовой приправы», то есть глутамината натрия, нет никаких сомнений. Это изобретение государственной кулинарии. В общественном питании глутаминат натрия кладут в котлы с супом, с гарниром, на противни с мясом, в фарши — всюду, потому что строго дозированный глутаминат натрия — не только продлевает жизнь живого продукта, но и действительно обостряет вкусовые качества. Глутаминат натрия усиливает еще и запахи, действует на наше обоняние.

Импортные концентрированные супы имеют разный вкус. Тамара Васильевна, Валентина Михайловна и Виктор Тихонович спокойно, даже не вдаваясь в

дискуссионный тон, заверили, что как раз импортные концентраты нашпигованы химикатами. Это прозвучало страшно. У импортных супов такая привлекательная упаковка, а вкус их такой аппетитный, что даже в лучшие годы такой концентрат мы считали деликатесом. Вот что значит быть непросвещенными! Несмотря на малое количество отравы (глутамината натрия) в супах отечественного производства, головное предприятие «Колосса» затоварено. В день посещения завода меня провели в цех, где делают мороженые картофельные биточки. Холодильные камеры были забиты до потолка. А конвейер еще продолжал слабо вращаться по горизонтали, сбрасывая новые коробки. Коллектив цеха ожидал отпуска на вынужденные каникулы. В отделе сбыта инженер Марина Ивановна Миронова с тихой грустью рассказывала о том, как весь отдел целыми днями обзванивает магазины и предлагает хотя бы коробочку супов, запеканок, котлет — чего угодно, лишь бы взяли. В январе удалось сбыть магазинам бывшего Киевского района всего 5580 килограммов продукции, в середине февраля лишь один гастроном № 2 взял 360 килограммов «супа куриного с макаронными изделиями». А в сутки комбинат выпускает 82 тонны супов. Но так — по всем районам. И так — по всем журналам, хранящимся в отделе сбыта: записей мало, чистых листов — много. 1200 человек трудится не покладая рук на головном предприятии «Колосса», и

каждый член этого славного, дружного коллектива не уверен, что завтра он будет делать работу, которую так любит. В отделе сбыта похвастались, что «Колосс» не только отправляет супы по первому согласию магазина в любом количестве, но и сопровождает коробки заранее вычисленным «прейскурантом». Это чтобы магазинные бухгалтерши не трудились лишнего, поберегли себя. Согласно этому документу, например, «суп мясной с макаронными изделиями» весом 150 граммов должен стоить 6 рублей 30 копеек. Магазин вправе набросить 25 процентов от стоимости пакетика. То есть — 1 рубль 57 копеек.

Однако в магазине № 14 Ленинского РТО этот суп оценен в 8 рублей 76 копеек, в магазине № 2 Ленинского РТО — в 8 рублей 77 копеек, в Смоленском гастрономе его оценили, наоборот, в 7 рублей 68 копеек, в магазине на углу Безбожного переулка — в 9 рублей 86 копеек, в магазине на Неглинной улице — в 9 рублей 85 копеек, а в киоске «Мороженое» у станции метро «Кировская» — в 9 рублей 84 копейки. Такая же история со всеми супами, выпущенными на «Колоссе» и попавшими на магазинный прилавок: в «прейскуранте» написана одна цена, на прилавке товар появляется по другой цене, в каждом магазине по своей. Так что на «Колоссе» зря трудились счетоводы: магазинные счетоводы своего не упустили, все рассчитали по-своему.

На «Колоссе» стопор со сбытом объясняют тем, что работники торговли у нас очень плохие. Дескать, цены, устанавливаемые «Колоссом», не так страшны для покупателя, как магазинные. Но чтобы прийти к такому простому выводу, не нужно быть большим специалистом в концентраторах.

Скорей всего, дело в том, что «Колосс» и магазины вовлечены в мнимую рыночную экономику. Наши экономисты никак не отделаются от иллюзий, что рыночную экономику можно создать с участием государственных предприятий. Это заблуждение живет потому, что государственные предприятия не требуют сложной налоговой системы, которая совершенно необходима там, где субъектами рынка выступают частники. Достаточно назначить предприятию процент отчислений — и государственный бюджет пухнет автоматически, быстро и бесхлопотно. Именно на выравнивание государственного бюджета, на его, как теперь говорят, оздоровление и рассчитано «высвобождение цен». А что при этом чувствуют работники предприятий, торговли, покупатели — лирика.

В прошлом году «Колосс» получил прибыль 72,5 миллиона рублей — и 46 миллионов отчислил в бюджет. В нынешнем году, по утверждению главного экономиста «Колосса» Сергея Петровича Железнова, предполагаемая прибыль составит 258 миллионов рублей, отчисления в бюджет — 280 миллионов.

Советские магазины всю их жизнь были убыточными сами по себе. Но теперь они тоже обязаны делать в бюджет отчисления — для этого им разрешили набавлять цену товара от себя на 25 процентов. На примере супов любой человек видит, что надбавка делается почти произвольная. Некоторое цифровое сходство вызвано, скорее, телефонными разговорами: «Ты сколько набавляешь? Ну и я сделаю столько же».

Раньше перед государственными предприятиями была задача выполнить план. Теперь энергичными экономистами поставлена новая задача: пополнить бюджет. Но что нам с вами до государственного бюджета! Разве государственная казна тратится на асфальтирование тротуаров? Или на выравнивание мостовых? В поликлиниках — очереди, в детских садах — очереди, в школах — скученность, артисты — бедные и больные, высшая школа погрязла во взятках... И все тому подобное. Словом, непроизводительная сфера в полном упадке. Нам говорили, что много денег забирает армия. Однако наша армия в таком состоянии, в каком были шведы под Полтавой. Когда 19 августа 1991 года в Москву утром вошли танки, то на Кутузовском проспекте один танк задымил: испортился. Образовалась пробка. Танк чинила вся улица...

Нам говорят еще, что дорого стоят бюджетные организации. Какие? Бывшие министерства взяты, кажется, на содержание своими предприятиями. Осталась только одна беспризорная организация, которую никто не хочет содержать, — КГБ. Именно нынешние анонимные отчисления позволяют содержать КГБ, вернее, МФБ. Работая, таким образом, на бюджет из последних сил, люди укрепляют пошатнувшегося было колосса. В самом деле, время идет, а здравоохранение не улучшается, культура гибнет, детство и материнство в панике, пенсионеры в отчаянии... Куда же истекает бюджет, пополняющийся день ото дня? Частники охотно платили бы налоги на содержание армии, больниц, школ, театров — и ни копейки не дадут добровольно на МФБ.

Получается, нынешняя кутерьма с «высвобождением цен» просто-напросто исправляет сталинские ошибки в экономике: государство отказывается отныне субсидировать предприятия, кино, театры, больницы — все, дескать, должны зарабатывать себе на жизнь сами. Оставаясь государственными. Но ведь это означает не что иное, как реставрацию социализма: сейчас государственные институты становятся на ноги, крепнут в борьбе за существование, ежедневно побеждая покупателя. Государство же избавляется от балласта — от предприятий и учреждений, которые не могут содержать себя сами. И когда государство окрепнет, а мы привыкнем к новому масштабу цен, то еще некоторое время просуществует иллюзия,

будто социализм возможен. Государственный социализм.

Почти два года нам говорят, что приватизация наступит вот-вот. Даже Конституция СССР не запрещала гражданам проявлять самостоятельность. Но приватизация означает, что государство должно отнять хлеб у самого себя. Потому что помимо МФБ государственный бюджет десятилетия терпел дачи, санатории, курорты, заповедные тихие лесные уголки, спецмагазины, спецсвязь, спецтранспорт, спецбольницы, спецлекарства, спецзащиту — весь дежурный набор так называемых «привилегий» для неисчислимого государственного аппарата, который ничуть не уменьшился, а даже, говорят, пополнился.

Мы живем во время, когда вдруг выяснилось, что государства как такового в стране нет. Оно не способно разработать налогового законодательства, чтобы ненароком не задушить, скажем, рыночное движение, или детские культурные мероприятия, или искусство. Все помыслы разработчиков устремлены к сохранению бюджета таким, каким он был при Брежнев. Нет, при Горбачеве! Очевидцы настаивают, что Леониду Ильичу и не снилась такая дача в Форосе, которая была в безвозмездном пользовании скромнейшего Михаила Сергеевича и его домочадцев. Опубликованная в газетах налоговая система вызвала оторопь у специалистов: о, мало нашлось людей, которые поняли ее! А понимать ее нечего: как бы хитро или глуповато ни была она составлена, вся она — ради сохранения статей бюджета.

Словно бы не пройдет и года после полной приватизации и люди не спросят, на что идут их налоги. Этим интересуются налогоплательщики во всем мире, кроме нашей страны.

Во всяком случае, такого еще никогда не было, чтобы отчисления в бюджет превышали прибыль предприятия, как это происходит с «Колоссом». Прежде отчисления в бюджет составляли определенный процент. Поражал этот процент своим размером всегда: Госплан был личной бухгалтерией партии и правительства. Госплан рассчитывал прибыль предприятия и назначал ему процент отчисления. Теперь принцип тот же, только процент отчислений — воровской: не от того, сколько тебе запланируют, а от того, сколько ты зарабатываешь. Больше зарабатываешь — больше и отчислишь. Но и больше тебе останется. И пошла гонка цен на государственных предприятиях!

Наши экономисты никак не разочаруются в светлом будущем! Они все стараются кому-то доказать, что оно возможно. Только нужно сильнее, еще сильнее верить в него! Вот бог является только истинно верующим. Так и коммунизм — верить в него тем проще, что уже готова пища светлого будущего: концентрированные супы марки «Колосс». Они немножко невкусные, немножко мутные, все одинаковые, зато капелька отравы в них хорошо пахнет. ■

Аэлита ЕФИМОВА

ГУЛЯЙ, ДОЛЛАР: ОТ СТА РУБЛЕЙ И ВЫШЕ!

Еще недавно витрины валютных магазинов были закрыты от света светонепроницаемыми шторами. То ли из гуманных соображений, то ли — чтобы народ не злиться. Нынче на каждом шагу — «валютка». «Садко», «Калинка», «Монтана», «Ирландский дом»... Сколько магазинов — столько и названий. Заходи и смотри. Можешь — покупай. Оказывается, кто-то рядом с нами кушает омаров и авокадо, пробует артишоки и папайю.

Генеральный директор объединения «Росинвалютторг» Евгений Иванов рассказ о своих «Березках» начал так: «Не представляю, чем бы я питался, не будь валютных магазинов. Одними монопродуктами, наверно». «Чем-чем?» — переспросила я. — «Ну, молоком, макаронами...»

По словам гендиректора, в валютных магазинах сегодня может покупать любой гражданин — советский, иностранный — все равно, была бы валюта. Как поведал мне директор магазина «Садко», пять-шесть посетителей из десяти приходят не купить, а поглазеть. Пока я беседовала с Булгаковым, несколько раз в торговом зале звучала сирена. Оказывается, товары в «Садко» защищены охранной сигнализацией — на каждой вещи спрятан датчик, который срабатывает при выходе. В день таких случаев больше десяти. Порой ловят за руку иностранных туристов и студентов. Но чаще — граждан СНГ.

Около сорока процентов «валютной» публики — не иностранцы. Наполовину они — элита, люди искусства, бизнеса. Наполовину — криминальные слои.

На отечественном рынке сегодня мало качественных товаров. На руках же появилась огромная масса долларов. По оценкам экспертов — примерно четыре-пять миллиардов. Откуда деньги? Десятки тысяч людей ездят за рубеж и обратно, еще больше граждан теперь получают валюту, не пересекая границы. Если до прошлого года вся торговля за СКВ осуществлялась через объединение Минторга РСФСР «Росинвалютторг» (90 магазинов «Березка» в 30 городах России), через спецпредприятия Министерства торгового флота «Моринторг» (магазины «Альбатрос») да через интуристские бары и можно было точно сосчитать, сколько в России валютных магазинов, — теперь даже приблизительной цифры никто не назовет. Зато известно, сколько валюты от такой торговли получает государство. Так, например, «Росинвалютторг» отдает в госбюджет половину (!) прибыли.

Теоретически открыть валютный магазин может любой частник. Надо только пройти регистрацию в Министерстве внешних экономических связей и получить разрешение Центрального банка России на валютную торговлю. Затем надо поехать на международную выставку в Сокольники или на Красную Пресню, познакомиться с «фирмачами» и быть готовым к первому вопросу, который они зададут: «Валюта у вас имеется?».

Валюта нужна не только для того, чтобы купить товар. Начальный капитал в свободно конвертируемой требуется прежде всего для переоборудования рублевого магазина в

долларовый. В России нет соответствующих валютному товару холодильных установок, расчетных узлов, кассовых аппаратов, электроники — все это закупается за границей. Чтобы учитывать спрос и принимать заказы, необходимы компьютеры. Итого: в оснащение небольшого по европейским стандартам (около 500—600 квадратных метров) супермаркета необходимо вложить полмиллиона долларов. Если есть еще миллион, чтобы заполнить полки, — дело, в сущности, сделано.

Миллион — минимальная сумма, которая требуется для поддержания нормального ассортимента. А нормальный ассортимент — это когда круглый год свежие фрукты и овощи, 20—30 наименований мороженных морепродуктов, десятки видов молока, сыров, напитков, кондитерских изделий из разных стран. Некоторые продукты закупаются в России, в экологически чистых районах. Они требуют и специальной, фирменной упаковки, а значит, дополнительных расходов.

Узок круг товаров в большинстве российских валютоток. Даже самые крупные и престижные магазины Москвы, такие, как «Садко» и «Калинка», не в состоянии тягаться с западными, разве только по ассортименту продовольствия. На промышленные не хватает торговых площадей. У нас вообще нет больших магазинов. Столичные ГУМ—ЦУМ—Пассаж, пожалуй, и все. Вскоре, правда, советско-швейцарское СП «Садко» построит новые магазины, рестораны, цеха по производству колбас и булок в райо-

не Выставочного комплекса на Красной Пресне — тогда, может, и наш «калашный ряд» приблизится к европейским образцам.

Короче говоря, частная торговля на валюту в ближайшие годы конкурентом «Росинвалютторгу» не будет. «Росинвалютторг» существует более тридцати лет. Сегодня он не только хочет, но и может стать базой для создания мощного торгового дома. Закупать товар у инофирм и распределять между мелкими российскими магазинами. А также на договорных условиях консультировать частных, помогать с кредитами, добиваться отсрочки платежей. Без знания западного рынка, без представлений о приличном ассортименте, убежден гендиректор «Росинвалютторга», частные торговцы прогорят. Можно ведь товар приобрести в Бельгии, а можно и в Португалии.

Глава всех «Березок» уже заметил симптомы перенасыщения отечественного рынка валютной продукцией. Распродажи, уценки, остаток товара на складе в долларовых магазинах теперь не редкость. Очереди у «валютки» тоже поубавились — спрос упал. Если раньше наибольшим успехом у покупателей пользовались сигареты «Мальборо», то с появлением коммерческих ларьков валютные цены на них пришлось сбить на 40 процентов. А на первое место по спросу вышли такие продукты, как йогурт, сливочное масло и сыр.

Избыток валютного товара заставляет «Росинвалютторг» придумывать новые формы работы. Снабжать импорт не только свои магазины, но и заводить контакты с биржами. Валютными, разумеется. То, что не проходит в столице, биржевики по своим каналам «сплавляют» на периферию.

Пока валютная торговля идет по цепочке валюта—товар—валюта. Поскольку на рубль еще не махнули рукой, а правительство даже обещает его стабилизировать, возможно, и он скоро станет звеном цепочки. Получится: валюта—товар—рубль—валюта. В любом случае рубль обязан конвертироваться в доллар, поскольку товар ввозится из-за границы. Иначе это не торговля. Некоторые фирмы, правда, лукавят с нами, рекламируя себя по ТВ: «Покупаю за доллары — продаю за рубли». Такого не бывает. Значит, вырученные рубли вкладываются в российское сырье, это сырье идет на экспорт и на валюту опять закупается товары ширпотреба, продаются в России за рубли, и все — по кругу. Возникает стопроцентный бартер, а не долгожданное торжество рубля.

Переход на внутреннюю конвертируемость, когда во всех расчетах будет участвовать только рубль, а не доллар, валютным магазинам не страшен. Во-первых, в скорый переход никто не верит. Иностранцы и сегодня приходят в валютный магазин, жалуются, что не могут обменять свои доллары на рубли: в банках нет наличности. Возможно, у правительства есть какой-то особый, неизвестный мировой экономике план и в разгар лета рубль вдруг да и станет конвертируемым. Что ж, тогда в магазинах придется открыть обменные пункты. Потребуется дополнительное количество валюты для нового обслуживающего персонала, для оборудования самих пунктов — в Европе, например, они защищены небьющимся стеклом и охранной сигнализацией.

Выходит, стабилизация грозит неприятностями опять же мелким магазинчикам. Новые расходы и новые, рублевые, многозначные цены могут оказаться им не по силам. Психологически ведь гораздо легче заплатить 30 долларов за килограмм сыра, чем потратить три-четыре тысячи в рублях. Контингент покупателей в валютках изменится с переходом на рубли — иностранцев станет больше. Но сам доллар устоит. И валютная торговля вместе с ним.

Пока у нее нет конкурентов. Коммерческие ларьки — не в счет. Они живут сегодня благодаря узкому ассортименту товаров низкого качества, которые выгодно продать за рубли. Скажем, если колготки «там» стоят 50 центов, здесь они уходят за 100 рублей. В валютном же магазине можно купить колготки и за 75 центов, и за 14 долларов. Первые выкинешь через неделю, вторые и год прослужат.

И сами валютные магазины очень разные: есть дорогие, а есть дешевые. Магазин «Садко» не позволяет себе торговать товарами из восточных стран — у него клиенты более состоятельные, чем, к примеру, у «Ирландского дома». К «Ирландскому» на машине не подъехать — туда захаживает, в основном, гуляющая публика, с одним-двумя долларами в кармане. Но и тот и другой магазины — процветают. У каждого — своя торговая ниша, свои покупатели. Как на Западе.

Похоже, доллар нашим рублем, даже очень длинным, в ближайшее время не перешибешь. Если, конечно, не развивать производство, не вводить новые технологии, не увеличивать товарную массу...

А пока — гуляй доллар! И на него — все те, кто способен заработать свободно конвертируемую наличность.

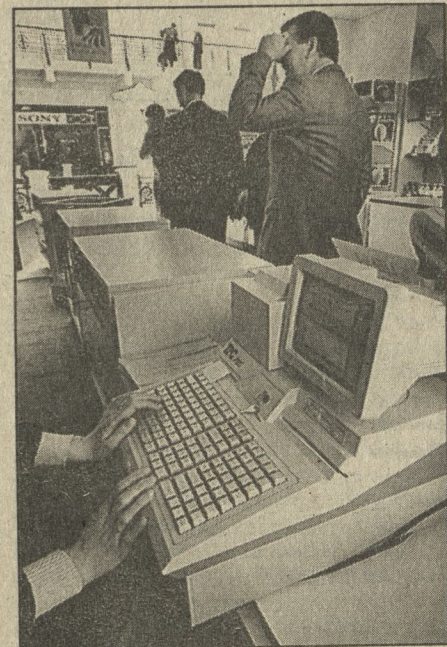

Фото В.Шишова

— Николай Васильевич! Когда только начиналась приватизация, едва ли не раз в месяц появлялись новые правила. Сегодня существует единый порядок?

— Из множества рассмотренных вариантов было, в сущности, только два принципиально разных — бесплатная приватизация и за деньги.

— Сейчас идет какая?

— Бесплатная. И наш департамент занимается разработкой всех юридических документов, нормативных актов, положений, согласно которым квартира из муниципальной собственности переходит в частную.

— Если житель Москвы хочет приватизировать квартиру, куда он должен обратиться?

— Прежде всего в районно-эксплуатационное управление (РЭУ) по месту жительства. В Москве таких РЭУ около 500. В них выдают документы для приватизации. Там же можно выяснить — подлежит данная жилплощадь передаче в личную собственность или нет. Если возникают спорные вопросы, надо обратиться в следующую инстанцию — районный комитет. Комитетов в столице десять. Существует еще и Мосприватизация, она занимается оформлением уже готовых документов.

— И все это за бесплатно?

— Нет, конечно. Перед визитом в РЭУ надо заплатить 320 рублей в отделении Сбербанка. Из них 120 рублей поступает на счет того районного управления, которое оформляет конкретную квартиру в собственность. Так что у чиновников есть прямая материальная заинтересованность — принять как можно больше посетителей.

— Большие очереди в РЭУ, в комитетах, в Мосприватизации?

— Везде разные начальники, разные и порядки. Недавно мне пожаловались, что в одном РЭУ записи на прием ведутся чуть ли не на месяц вперед. Приехал туда и выяснил — в управлении принимают только по пять человек в день, зато в строго назначенное время. Никто из посетителей под дверью не томится, но действительно, для получения документов, надо подождать несколько недель. Общая же ситуация такова: никаких существенных трудностей у тех граждан, которые имеют юридические права на приватизацию, не возникает.

— Тогда зачем ваш департамент?

— Для решения спорных вопросов. К тому же постоянно возникают новые проблемы. Например, сейчас началась приватизация кооперативного жилья, и правила будут иные, чем для обычных квартир. Появились товарищества с ограниченной ответственностью — они желают приобрести дом

ОПРЕДЕЛЯЙТЕСЬ: ВЛАДЕТЬ ИЛИ НЕ ВЛАДЕТЬ?

По понедельникам с десяти до одиннадцати утра у кабинета

Николая Маслова
выстраивается очередь. У каждого посетителя, как правило, несколько вопросов, на которые нигде, кроме как в этом ведомстве, ответить не могут. Николай Васильевич, заместитель руководителя Департамента муниципального жилья, занимается приватизацией квартир в Москве. Точнее, помогает решать проблемы, возникающие при передаче жилья в частную собственность.

в собственность целиком. Поймите, до нас никто и никогда не занимался таким делом. Мы нарабатываем опыт на практике, и именно от нас зависит, как будет выглядеть эта приватизация в жизни. Если что-то не нравится, мы готовы к конструктивной критике, прислушиваемся к ней, вносим изменения в документы.

— Вы ведете статистику переданных в частную собственность квартир?

— На днях приватизирована сотысячная квартира.

— Много или мало?

— Это говорит о том, что процесс пошел. В Москве приватизировано столько квартир, сколько по всей России.

— Кто из жителей прежде остальных пожелал иметь частное жилье?

— Можно выделить несколько основных групп. Первая — уезжающие за рубеж граждане. Они либо сдают в аренду частную квартиру, либо продают ее с аукциона. Вторая группа — одинокие пенсионеры, желающие завещать жилье родственникам. Следующая группа — тоже одинокие пенсионеры, но продающие свою квартиру незнакомым людям, чтобы выручить средства на существование. Конечно, выглядит кощунственно, но если о таких явлениях не говорить, это не будет означать, что их нет в жизни. Четвертая группа — молодые семьи. Они порой просто хотят иметь частную квартиру. К тому же, имея собственность, можно в ипотечном банке — под залог недвижимости — взять ссуду и открыть собственное дело. Думаю, подобная практика скоро станет очень популярной. Я перечислил, повторяю, основные группы, но можно назвать еще десяток категорий потенциальных частных.

— А если кто-то не хочет превращать муниципальное жилье в собственное? Зачем человеку, например, платить налог на недвижимость, когда он и так до последних дней проживет в своей квартире. Да и квартиру сдать в аренду можно, не превращая ее в личное жилье.

— Уже создана муниципальная инспекция, и она будет строго следить — кто и на каких условиях сдает квартиры, имеет на это право или нет. Должен же когда-нибудь быть здесь порядок?! Что касается нежелания превращать муниципальное жилье в собственное, то тут у жителя полное право выбора. Просто надо уяснить — сейчас переходный период. У каждого еще есть время подумать и определиться. А вскоре произойдет очень четкое разделение — на коммерческое жилье, частное и муниципальное. И вот тогда условия для приобретения жилья в собственность будут иные.

— Жителям объявят, что переходный период заканчивается, определяйтесь?

— Обязательно. На раздумья будет время. Но пора понять — чтобы появился рынок жилья, с приемлемыми ценами, с достаточным предложением и умеренным спросом, нужно сегодня создавать рыночные условия. Мы их и создаем.

К. ПЕТРОВА

Рис. А. Зосимова

РАБОЧИЙ, КОЛХОЗНИЦА И КУКЛА БАРБИ

— Не подскажите, где находится ВВЦ?
— Что?

— Всероссийский выставочный центр.
— Вы, наверное, не там вышли. Здесь рядом ВДНХ, а где Всероссийский центр, честное слово, не знаю.

Город умеет сопротивляться новым названиям. Переименовали ВДНХ в ВВЦ, а никто и не заметил. Как и прежде, москвичи ходят на ВДНХ.

Старая добрая ВДНХ ударились в коммерцию. Павильоны разделены между биржами, фирмами, совместными предприятиями. В павильоне «Металлургия» на стенах развешаны кофты и юбки, за стеклом — пакеты с розовым бэби, купающимся в волнах ослепительно голубой пены. Продукция западных фирм, которые собираются с нами торговать. Кроме этого, в павильонах видеосалоны и неизбежные коммерческие киоски.

Реклама. Реклама. Реклама. Реклама. Еще реклама. Выцветшие ленты кумача полощутся над призывом партии к советскому народу. Но, подойдя поближе, видишь, что это — призыв покупать депозитные сертификаты. Наверху, на павильоне «Центральный», гордо сияют огромные золотые буквы: «СССР».

От всего этого голова идет кругом. С фотографии на стенде всеми 32 зубами улыбается молодой парень, явный передовик, лучший тракторист в колхозе. Подпись под фотографией сообщает, что это фермер, строящий частную гостиницу. Перед павильоном «Центральный» стоит статуя, которую хочется назвать «Кооператор, выходящий из ресторана». У кооператора бычья шея, квадратные плечи, ногами, широкими, как тумы, он тяжело упирается в землю. Зайдя спереди, понимаешь, что это все-таки Ленин. Бог его знает, почему он здесь такой мощный. Вероятно, чтобы соответствовать чугунным воительницам, которые парят под облаками на крышах павильонов. Одного взгляда на них достаточно, чтобы понять, что ты находишься на ВДНХ, а не на ЦВЦ, или ВВЦ, или как ее еще переименовали.

На ВДНХ СССР играет музыка. На ВДНХ

СССР расцветают крокусы. На ВДНХ СССР гуляют парочки и мамы с детьми. На ВДНХ СССР покупают мороженое.

То, что на ВДНХ еще есть посетители, по-моему, самая большая новость. Конечно, их меньше, чем в былые времена. За последние три года их количество сократилось в полтора раза. Но непонятно, зачем сюда вообще кто-то приходит. Что здесь делать? Любоваться рекламой бирж, большинству людей ненавистных? Рассматривать ассортимент коммерческих ларьков, которых полно в каждом районе? Съесть шашлык по 25 рублей порция?

На самом деле ВДНХ предлагает своим посетителям (и всего за 30 копеек) нечто большее. Она предоставляет им свою огромную территорию. А для веселья столица наша мало оборудована. В ней не хватает свободного пространства, в которое тебя готовы впустить.

Недавно я слышала, как трое ребят разговаривали, проезжая в троллейбусе мимо «Макдоналдса»:

— Сдадим сессию, надо будет сходить, — сказал первый.

— Купим бутылку водочки, — сказал второй.

— И принесем ветчины, — сказал третий.

— Соленых огурцов, белого хлеба и копченой рыбы, — добавил первый.

— И пускай остальные едят свои гамбургеры и нам завидуют, — заключили дружно все трое.

Этим ребятам совершенно не нужны были знаменитые «Биг-маки» и напиток «Спрайт» в пластмассовых стаканчиках. Им нужен был стол, несколько стульев и крыша над головой, чтобы посидеть, выпить и потрепаться. Им нужно было пространство.

Точно так же и людей, которые гуляют сейчас по ВДНХ, мало интересуют достижения народного хозяйства, ни капиталистического, ни социалистического. Их интересует возможность купить у спекулянтов бутылку пива, посидеть на весенней траве и выпить это пиво. Самолет

ЯК-42 с гордой надписью «СССР» стоит перед павильоном «Космос» вовсе не для того, чтобы символизировать былые достижения. Он нужен, чтобы в тени от него на лавочке сидели женщины и разговаривали, а ребенок бы в это время нашел железку и стучал ею по шасси. Потом можно будет купить шашлык, если есть деньги, если их мало — пирожок с рисом или стакан сока. Зайти в павильоны и посмотреть на красивые и недоступные вещи: телевизоры, сапоги, посуду, холодильники, компьютеры.

Кстати, некоторые экспонаты продаются. Например иностранные машины. За рубли. «Посмотри, сынок, на эту машинку, — говорит отец мальчику лет семи, — она стоит пять миллионов». «Что ты папа, — отвечает крошка сын. — Это не машинка, это «Феррари» последней модели. У нее знаешь какая скорость?»

Видно, что для него слово «Феррари» означает гораздо больше, чем для отца. Кто знает, может быть подрастет, будет у него эта «Феррари»...

Бедная старая ВДНХ! Как здесь все изменилось! Как не изменилось ничего. Те же павильоны-дворцы, те же колонны с узорами из помидоров и винограда, тот же фонтан «Дружбы народов». Рекламный плакат приглашает на выставку «Барби-шоп», репродуктор сообщает: «В 16 часов в павильоне «Электроника» будет демонстрироваться новый американский триллер: «Некротанка, вызывающая демонов». Молодая женщина, изнасилованная преступниками, вступает в контакт с силами ада...» Одновременно по радио рассказывают о перспективах экономических реформ. Все эти звуки сливаются в тихое воркование. Потом к ним добавляется музыка из магнитофона. Как и 10 лет назад, девушка поет о разлуке.

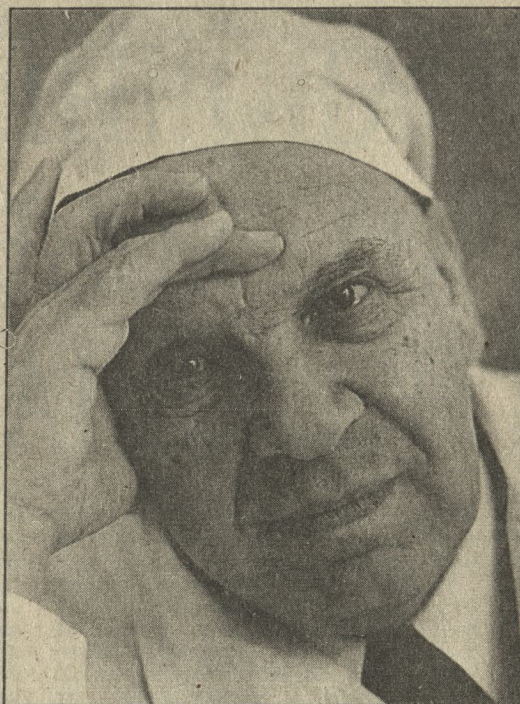
У девушки горе. Ее возлюбленный уезжает. В Америку.

Е. ГОНЧАРЕНКО

Говорят, советской «национальной» чертой характера были страх и осторожность. Но вот не стало «Союза нерушимого», а характерные черты остались — особенно у «старой гвардии». Конечно, это понятно: если человек, чья молодость пришлась на тридцатые годы, за бесцельной тоталитарный период ни разу не попал на лесоповал или на этап или даже не слетел с должности, то не случилось это с ним благодаря обыкновенно семь раз подумать, прежде чем что-либо сказать. Это обыкновенно стало более чем привычкой. Это в крови. Представители «старой гвардии» чаще всего предпочитают не рассказывать о перипетиях своей бурной жизни. А жалы!

Вот, например, мы нашли человека, у которого, так сказать, на руках скончался товарищ Сталин. Человек этот — в прошлом руководитель института реаниматологии Академии медицинских наук, ныне — советник этого института академик Владимир Александрович Неговский. Вместе с бригадой из двух человек из лаборатории экспериментальной физиологии по оживлению организма (так тогда называлось то, что стало впоследствии институтом) Неговского вызвали к умирающему Сталину. Много, очень много интересного мог бы рассказать Владимир Александрович, но... не стал. «Меня просили об этом не распространяться», — объяснил

Фото В. Христофорова

Владимир Неговский

он нам свой отказ.

В общем, вот к чему сводятся те обрывочные сведения, которые Владимир Александрович сообщил настойчивому

корреспонденту при выключенном диктофоне.

Сталина можно было спасти, если бы Берия пустил к нему врачей вовремя. Однако

долго бы он все равно не протянул, поскольку был безнадежно болен: во время вскрытия в мозге Сталина обнаружили литр крови, на печень было жалко смотреть. Реанимировали Сталина примитивными способами и аппаратурой — и не потому, что хотели умертвить, а потому что других тогда не было. Вождь умер, не приходя в сознание. Он не мучился. После того, как констатировали смерть, тело Сталина увезли в «склиф», а Светлана Аллилуева пригласила врачей поужинать, после чего их развезли по домам. Остальные члены бригады, реанимировавшей Сталина, тоже живы. Одна на пенсии, другой работает фельдшером. И вообще, это неинтересная история и неактуальная к тому же.

Больше Владимир Александрович Неговский о товарище Сталине ничего не сообщил. Зато рассказал о становлении науки реаниматологии, которую он основал, о том, как его бригада спасла на фронте пятьдесят человек, и о том, что он решительно против эвтаназии. Искусственное умерщвление безнадежных больных он считает преступным и негуманным.

Владимир Александрович отметил также две основные ошибки отечественных реаниматологов: поздно начинают «оживление» и рано заканчивают его.

Елена АВЕРИНА

УГЛИЧСКИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ: КРЕСТ НА НИХ ЕСТЬ!

Миссия христиан-баптистов с Западной Украины «Добрый Самарянин» за последние месяцы дважды посетила угличские исправительно-трудовые учреждения (колонии). Миссионеры и заключенные вместе молились, осужденные получили в подарок библии. И все это не прошло для колонии даром: заключенные увлеклись изготовлением натальных крестов, а в качестве исходного материала стали использовать содержащие серебро детали дорогостоящего оборудования, находящегося в ИТУ. Обеспечившее руководство ИТУ было вынуждено обратиться не к добрым, но далеким «самаря-

нинам», а к местному православному священнику о. Владимиру. Он выделил для колонии (по накладной) 300 крестов. Эти кресты поступили в магазины ИТУ. И молниеносно были раскуплены. Заключенные просят еще.

Олег ПЕТРОВ

КОНКУРЕНЦИЯ ГАЗЕТ: ПОЛЕМИКА НАДОЕЛА, ХОЧЕТСЯ СРЕЛБЫ

Фотокорреспондент Ярославской областной газеты «Юность» Сергей Беляков выз-

вал на дуэль корреспондента другой областной газеты — «Золотое кольцо». Кого именно — осталось неизвестным, так как публикация, оскорбившая Белякова, была без подписи. В секунданты Беляков пригласил заместителя председателя облсовета Ю.Я. Колбовского и генерала в отставке Г.Ф. Рылеева. Местом дуэли назначили центр города, у памятника Некрасову на Волжской набережной. Выбор оружия предоставили противнику. О дуэли заранее объявили через газету.

В назначенное время Беляков и его секунданты прибыли на место. Собралось множество людей, среди которых присутствовали корреспонденты ярославских газет и съемочная группа местного ТВ. Ждали анонимщика. Вместо него появился ответственный секретарь газеты «Золо-

тое кольцо», инвалид и пенсионер, кстати. Он попытался обратиться все в шутку. И обратил-таки: дуэль отменили.

Однако, пользуясь случаем, представители ярославских газет устроили бурные выяснения отношений по поводу дележа денежных средств, выделенных облсоветом для местной прессы. Заместитель председателя облсовета выразил мнение, что необходимо вернуться к практике содержания единственной областной газеты, которая по понедельникам была бы левой, по вторникам — правой, по средам — молодежной и так далее... Тогда поводов для дуэлей не будет.

Олег ПЕТРОВ

ХОЧУ К ХЕРСТУ ЗА ПАЗУХУ!

Один из сотрудников газеты «Московский комсомолец» (пожелавший остаться неизвестным) сообщил нам, что его родное издание вот-вот будет продано на корню некой французской фирме (название не указываем, дабы не повредить сделке). Состоялась якобы даже редакционная летучка, на которой главный редактор рассказал коллективу о тех благах, которые поимеет «МК» в результате подписания контракта: французы установят в редакции единую компьютерную систему, а в перспективе даже отгрохают для газеты суперсовременную типографию. Непременное условие, которое выдвигают забургорные бизнесмены, — сохранение нынешнего названия газеты — «Московский комсомолец». По словам нашего информатора, сообщение Гусева не вызвало большого энтузиазма среди его подчиненных. Журналисты боятся, что, заключив этот договор, газета перестанет быть по-прежнему свободной.

А вот что ответил главный редактор «МК» Павел Гусев на вопрос нашего корреспондента о предполагаемой сделке:

— Ни о каком конкретном до-

говоре речь пока идти не может. Во всяком случае, это пока только планы. Да, действительно, наша газета ведет переговоры с западными бизнесменами. Но не только с французскими, а также и с английскими, американскими, южнокорейскими. Какое предложение выберет «Московский комсомолец» — пока неизвестно.

О сути предложений иностранцев Павел Николаевич предпочел не распространяться — коммерческая тайна.

Константин ФИШЕР

А В КОМНАТАХ НАШИХ СИДЯТ БИЗНЕСМЕНЫ...

В центре города Туалсе в здании бывшего горкома ВЛКСМ открылся дорогой ресторан. Он называется «Ажен». И предназначен для любителей французской кухни. В меню — бульон «Консоме», суп с луком по-французски, коньяк «Наполеон» и т.д. Лягушек пока нет. Интересно, кто же учредил ресторан? К.Джигун — директор завода по розливу вина и растительного масла. Членом ВЛКСМ никогда не был.

Дмитрий ЕРМАКОВ

МОЧА — НЕ ВОДКА: ПЕЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!

Фото И.Флиса

В Очерском районе Пермской области живет необычный человек — Игорь Кузьмич Каменских. Ему семьдесят лет. У него нет ноги. Но инвалидом себя не чувствует. Живет этот человек весьма своеобразно. Вместе с ним живут две лошади. Почему? «Лошади нужны для красоты и здоровья!» — объясняет Каменских. Как только лошадь начинает мо-

читься, он подставляет бидон или ведро, а затем пьет конскую — парную! — мочу.

«Конская моча — она полезная, — утверждает Каменских. — Ото всех недугов!» Как бы в подтверждение этих слов семидесятилетний Игорь Кузьмич на досуге любит купаться в холодной реке, а также писать философские книги.

Юрий БЕЛИКОВ

Очень личное мнение

Этот случай произошел со мной еще в начале 70-х на Останкинском мясокомбинате, где я работал грузчиком. Двое спорили, где в Селезневских банях окна: слева или справа от входа. Тогда, помню, третий, из деклассированных философов, примирительно сказал: «Не спорьте, мужики, это смотря как входить». Они перестали спорить, а я с тех пор думаю, что значит: смотря как входить — спиной вперед, что ли? Так ведь и до шайки не дойдешь.

Так вот, оказывается, спиной вперед можно не только в баню входить, а идти по жизни.

Вот ветераны Октября помнят, кто у пушки на «Авроре» дернул за веревочку. Ударники индустриализации — кто сколько по пояс в воде стоял на сооружении Магнитки. Участники Великой Отечественной

Александр КАСАТОВ

ГДЕ В БАНЕ ОКНА, ИЛИ ЖИЗНЬ СПИНОЙ ВПЕРЕД

— куда Конев армию повернул.

Про это все их мемуары.

А что в это же самое время людей в лагеря сажали ни за что, что из нормальных людей делали психов — их никогда не интересовало.

Всю жизнь они прошли спиной вперед. Что впереди, куда ногой ступит — неважно, главное — не потерять из виду то, что сзади.

И сегодня так же: на митингах

— старики и старухи, того гляди — инсульт. Ну ты пойдешь же домой, погуляй с внуками, не со своими, так с чужими, невестки и зятя небось из сил выбились на трех работах. Или газеты продавай, еще и деньги зарабатываешь. Нет! Это неинтересно, да и опасно: а ну как тебя мордой да об реальность. А поэтому: «Вперед — лицом назад, спиной вперед». Главное не потерять из виду идеи Октября.

А недавно зашел в редакцию

один защитник «Белого дома». Вот не согласен он с заключением прокуратуры о гибели трех ребят, и все тут. С точностью до сантиметра знает он Садовое кольцо, поворот к «Белому дому» и тот тоннель. У него про это и текст есть страниц на 20 (чем не ветеранские мемуары?). А стал его спрашивать, что за структуры в Москве жизнь определяют, — не знает. Да и не хочет. Он, например, до сих пор уверен, что комсомол существует.

Ходит потому что спиной вперед, а смотрит назад, там у него что-то стоящее было, оно ему дорого, а то, что есть сейчас, — его не интересует. А парню 28 лет. Как он в баню-то войдет? Ведь на ближайшем же обмылке поскользнется! Не истощаются ряды идущих спиной вперед!

«Только сели — звонок. Бабулю какую-то обокрали. Вернулась бабуля с дачи и — здравствуйте. Делать нечего, поехали. А внутри все так и переворачивает... Ну, быстро произвели осмотр, туда-сюда, составили протокол. Бабуля сидит, глазами хлопает, никак не может вспомнить, что у нее было и чего не стало. Ладно, говорим, когда вспомните, тогда и расскажете. Она канючит: «Собачку бы...» «Собачка сдохла!» — отрезаю я — и к двери. Бабка грудью на пути встала: «А следы, милоч?» Они там в поисках сокровищ дверцу из шкафчика с

тивное средство, позволяющее легко и быстро снять нервное напряжение. А по количеству стрессовых ситуаций на душу населения «человек в мундире» даст солидную фору кому угодно.

Так вот американцы (простые ребята!), не таясь, заявляют: да, наши «копы» частенько прикладываются к заветной бутылочке. Больше того, подсчитано, что в полиции служит в два раза больше алкоголиков, чем в банках, магазинах, на почте, т.е. среди гражданского населения. И это несмотря на жесточайший отбор и повышенные требования к здоровью вообще — право на ношение заветной

Елена САЛИНА

...НО У НАС БЫЛО!

70 процентов американских полицейских не видят большого греха в том, чтобы выпить на работе. Что думают по этому поводу наши? Тс-с-с...

потрохами выворотили... Вижу, Серега подмигивает мне отчаянно, мол, немогуту уже. «А здесь, — говорю, — требуется особо сложная экспертиза. Дверцу заберем с собой!» И поволокли мы эту дверь...»

«Я обещал рассказать про завмага? Да ты что? Какие интервью — мы же у него одиннадцать ящиков водки конфисковали. Все управление гудело! А утром мне в Бутырку к подследственному идти, представляешь? Голова раскалывается, сил нет. Хорошо адвокат сердечный попался. Открыл свой кейс, а там бутылка сухенького. Пока подследственного вели, я здоровье поправил...»

«Я тебе так скажу: единственная милицмейская привилегия — водка без проблем. У каждого есть свой магазин, иначе — совсем конец. Подчеркиваю: единственная...»

Из разговорчиков не для печати

Американцы, которые все до-тошно исследуют, прежде чем делать выводы, выделяют две наиглавнейшие проблемы своей полиции. Это эмоциональный стресс и алкоголизм. Одно, как нетрудно догадаться, вытекает из другого, потому что алкоголь — традиционное седа-

бляхи получает лишь каждый десятый соискатель.

Но потом случилась удивительная вещь. Вместо того чтобы впасть в панику, или предаться упоительным разоблачениям, или хотя бы организовать приличную «чистку» своих рядов, они, вконец обнаглев, объявили эту ситуацию если не нормальной, то, по крайней мере, естественной. Алкоголизм, сказали доки-американцы, не омерзительный порок, а болезнь, к которой генетически предрасположены 10 процентов населения. Болезнь эта может не проявиться вообще, и нет никаких оснований отказывать в приеме на службу молодым людям только потому, что в роду у них были алкоголики. Но бесконечные стрессы — ох, уж эти стрессы! — с последующими «расслаблениями» способны привести к химической зависимости организма. И вот тогда человек, не отвечающий, конечно, за свою болезнь, становится ответственным за свой выбор: трезвость или пьянство.

В тот день, когда к нему на плечо опустилась твердая рука инструктора и он услышит: «Хелло, парень! У тебя финансовые проблемы? Мне кажется, они связаны с выпивкой. Не сходит ли тебе к психологу?» — он вынужден будет этот выбор сделать.

Не нужно компьютера, чтобы подсчитать: полицейского дешевле вылечить, чем уволить. Каждый слушатель обходится полицейской академии в 50—80 тысяч долларов плюс оплата последующей полугодовой стажировки. Лечение же в специальном госпитале по знаменитой методике «анонимных алкоголиков» — 300—400 долларов в день в течение 3 недель. В результате 95 процентов бывших пациентов до конца службы сохраняют трезвый образ жизни. А попрекать прошлым у них не принято. Тот самый случай, когда гуманизм идет рука об руку с экономической выгодой.

А у нас?

Если кто-то кое-где у нас порой... а впрочем, давайте поговорим на другую тему. И лучше в сослагательном наклонении. И, разумеется, никаких цифр (а я полагаю, что их просто не существует).

Итак. При схожей организации системы охраны порядка, при примерно одинаковом объеме работы (Москва и Нью-Йорк — мегаполисы с очень высоким уровнем преступности), при идентичности стрессовых ситуаций (огневой контакт, трупы, опасность для жизни), при общих специфических проблемах (и там и здесь досаждают некомплект личного состава, ненормированный рабочий день, нерегулярность питания и т.д.) можно ли предположить, что у нас в милиции сплошь трезвенники? Не противоречит ли это законам природы?

Мне отвечают: цифры не превышают средних по популяции (в дословном переводе — пьют, как весь народ).

Я удивляюсь: как так? Отчего в таком случае американские полицейские пьют вдвое больше? Чего им особенно волноваться? Разве они живут в коммуналках? Или зарабатывают меньше водителя троллейбуса? Разве не застрахованы весьма ощутимо в материальном плане от любой царапины?

А мне отвечают: вот так!

Нашлись добрые люди, растолковали. Просто мы считаем по-разному. У нас — алкоголик, когда руки трясутся с похмелья. У них — при первых финансовых затруднениях.

Тверь. Нанесено ножевое ранение в живот находящемуся в нетрезвом состоянии К., 1968 г.р., приемщику посуды. В результате оперативно-разыскных мероприятий установлено, что преступление совершил сосед по дому, дознаватель ЛОВД, лейтенант милиции... 1963 г.р., также находившийся в нетрезвом состоянии.

Ставропольский край. В городе Минеральные Воды инспектор розыска ГАИ, старший

лейтенант милиции... 1963 г.р., находясь вне службы в нетрезвом состоянии, в кафе, при попытке разнять конфликтующих посетителей утерял табельный пистолет с 8 патронами.

Екатеринбург. Прокуратурой Железнодорожного района возбуждено уголовное дело в отношении участкового инспектора, младшего лейтенанта милиции... 1969 г.р., который, будучи в нетрезвом состоянии, сорвал с головы женщины меховую шапку. Задержан на месте преступления.

Пермь. Возбуждено уголовное дело в отношении командира роты отдела охраны, старшего лейтенанта милиции... 1963 г.р., и дежурного ПЦО того же отдела, лейтенанта милиции... 1960 г.р., которые, будучи в нетрезвом состоянии, отобрали бутылку водки у К., 1932 г.р.

По сводкам МВД России

Все же понятно, что пьянство — лишь следствие и бороться с ним — все равно что с высокой температурой при воспалении легких. Но фатальна ли причина и нельзя ли как-нибудь ослабить, смягчить влияние непрерывной цепочки эмоциональных стрессов? Давайте посмотрим, что придумали в США.

При каждом полицейском департаменте работает группа примерно из 10 профессиональных психологов. Психологи работают по контракту, что позволяет им оставаться гражданскими, а значит, независимыми специалистами, каждый из которых курирует несколько мелких подразделений полиции. А в подразделениях на связь с ними периодически выходят инструкторы — так называемые параспециалисты («пара» в переводе с греческого «возле», «около»). Инструкторов выбирают среди тех же полицейских, может, чуть более опытных и внимательных к сослуживцам, и обучают в течение всего 5 дней.

Задача параспециалиста — всегда быть рядом, всегда в центре конфликта, чтобы вовремя поддержать, успокоить коллег, перераспределить роли, дать кому-то отдохнуть, то есть по возможности купировать стресс.

Не позже чем через 12 часов после завершения опасной ситуации инструктор обязан провести дебрифинг. Все участники операции, в том числе спасатели и медики, если в них была необходимость, усаживаются кругом и вместе пытаются восстановить ход событий. Кто где был, кто что видел, кто как действовал. Цель дебрифинга — дать выговориться каждому, снять сомнения в правильности его действий, облегчить душу и придать уверенности в себе. Это своего рода

катарсис или, если хотите, сеанс групповой психотерапии, где сосед извлекает соседа. А инструктор, умело направляя беседу, фиксирует реакции окружающих, чтобы всеми своими наблюдениями поделиться потом с психологом.

Если и спустя несколько дней кто-то остается подавленным или, наоборот, чересчур раздраженным, если видно, что у человека «не все в порядке», психолог, после личной консультации, решит, есть ли опасность для здоровья, — одному назначит лечение, а другого порекомендует временно отстранить от работы. Нельзя сказать, что психолог прямо указывает заместителю шерифа, как тому поступить. Это не так. Но то, что к рекомендациям специалиста прислушываются очень внимательно, — факт.

Помимо прав у психолога есть и святая обязанность — держать в тайне все, что он услышит от своего пациента. Закон о конфиденциальности разрешает ему даже в суде отказать от некоторых показаний.

Эта схема — заместитель шерифа — психолог — параспециалист — служит как бы амортизатором между утопическим представлением обывателя о полицейском-роботе, обязанном ежеминутно рисковать жизнью, и реальным полицейским-человеком со всеми его страхами и сомнениями.

Кстати, расхожее мнение, что американский полисмен чуть что — стреляет, не более чем миф. Когда наши командированные жалостливо пересказали в Штатах любимую милицмейскую поговорку: «Не выстрелишь — убьют, выстрелишь — посадят» — их быстренько успокоили: «Коллеги! У нас есть такая же: «Не выстрелишь — встретишься с шестью, выстрелишь — встретишься с девятью». Шестеро, как известно, несут гроб. А девять человек составляют большое судейское жюри, проводящее «крутые разборки» по поводу применения оружия.

Да, действительно, стреляют без предупреждения, но только на верняка. Чуть ли не в каждом полицейском участке стоит тренажер — система правильного реагирования, моделирующая с помощью компьютера до 500 различных ситуаций. Вот человек засунул руки в карманы. Что у него там? Вот он начинает вынимать руку. Уже стрелять? А если в руке зажигалка? Но в руке оказывается пистолет. Теперь-то можно? Но человек собирается сдать оружие... и так много-много раз. Полицейский ловит именно ту долю секунды, когда необходимо принять решение. Чтобы потом нести за него ответственность, разумеется. Здоровый автоматизм в принятии этого решения уже нарабатан.

Так же четко регламентированы и другие сферы его деятельности, до мельчайших подробностей проиграны все возможные варианты, чтобы не тратить времени зря, когда промедление равнозначно смерти. Это, конечно, требует значительных усилий в учении, но колоссально помогает в бою.

Наши законы противоречивы, инструкции расплывчаты, а плохо обученный, смехотворно экипированный и социально неустроенный милиционер всегда «крайний». Он пьет, по законам природы он не может не пить. А его лечат молчаливым сочувствием попеременно с громкими разоблачительными кампаниями.

Добрые врачи запикивают суровый диагноз поглубже, обкладывая его со всех сторон мягкими подушками в виде «синдромов» и «симптомов», потому что бдительные кадровики зна-

ют только одно обезболивающее — увольнение. В прошлом году из российских органов милиции по отрицательным мотивам было уволено 3492 сотрудника из начальствующего состава и в 2 раза больше (7797) рядовых. О пьянстве как таковом в статистике вообще нет ни строки, оно числится лишь сопутствующим обстоятельством. Правда, известно, что 60 процентов милицеевских преступлений совершается в нетрезвом виде. Насколько сильно это «обстоятельство», не знает никто.

Иркутская область. Старший сержант милиции... 1964 г.р., в квартире сестры после употребления спиртных напитков с целью самоубийства произвел выстрел в голову из табельного оружия. Был доставлен в больницу, где через три часа скончался.

Томск. Около 3 часов ночи в своей квартире после ссоры с женой покончил жизнь самоубийством через повешение капитан милиции... 1953 г.р. Проводится расследование.

Приморский край. Около города Находка в лесном массиве обнаружен труп старшины милиции... 1950 г.р., покончившего жизнь самоубийством через повешение.

Чувашия. У себя дома покончил жизнь самоубийством через повешение заместитель начальника РОВД, майор милиции... Мотивы устанавливаются...

По сводкам МВД России

Автор благодарит сотрудника НПЦ психофизиологии и психологии труда МВД РФ, кандидата медицинских наук Юрия Назаренко, прошедшего полугодовую стажировку в США, за помощь в подготовке материала.

спорт

ГУД БАЙ, АМЕРИКА!

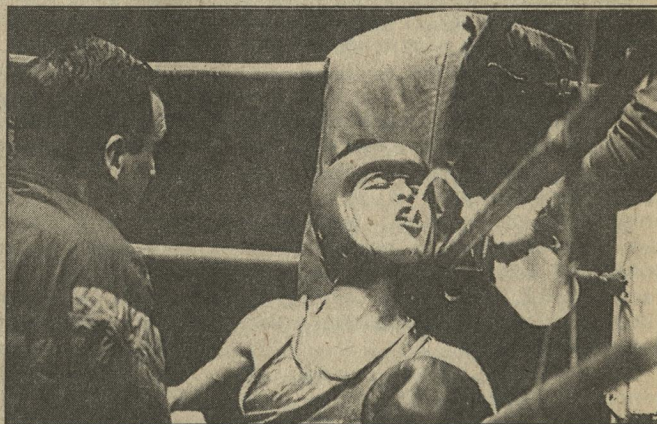
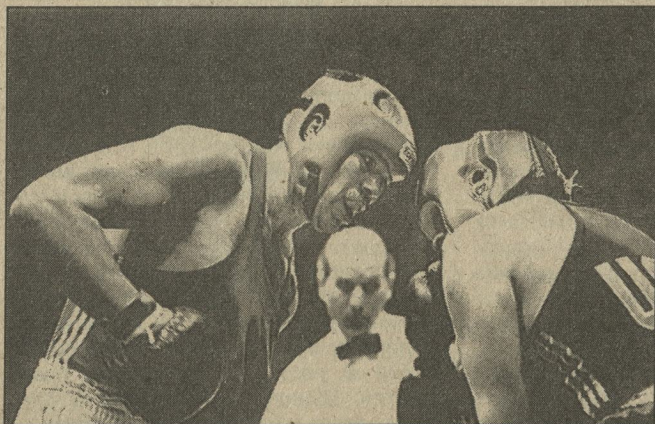
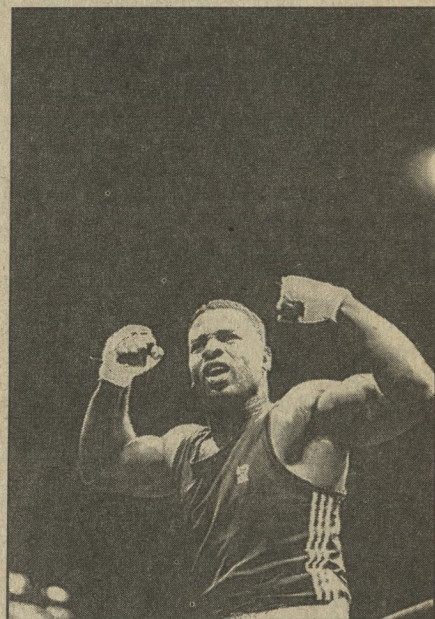
Еще одна утрата — канули в Лету ежегодные встречи советских и американских боксеров, что проводились регулярно с 1969 года. И вот последняя, прошедшая в конце марта в «Олимпийском».

Впрочем, горевать, возможно, не о чем. Потому что год от года эти встречи становились все менее интересными. Поскольку традиционными были во всех отношениях: по традиции победа, и с крупным счетом, доставалась сборной СССР, ныне СНГ, по традиции в нее входили несколько «первых номеров», а американцы по той же самой традиции привозили второй или третий состав. Так, в составе нынешней сборной США было 10 серебряных призеров страны и лишь 2 чемпиона. Сборная СНГ была

представлена куда сильнее. В нее входили серебряный призер чемпионата мира—91 Александр Лебзяк (категория до 75 кг), серебряный призер чемпионата мира—89 и серебряный призер последнего чемпионата Европы Евгений Судаков (до 91 кг) и чемпион мира—89, обладатель серебряной медали прошлого года чемпионата мира в Сиднее Андрей Курнявка (до 81 кг). И поэтому результат матча — 9:3 в нашу пользу — вполне закономерен. Нокауты американцы избежали, зато нокадаунов было 3, и 3 боя завершились досрочным поражением заокеанских гостей.

Игорь ОРАНСКИЙ

Фото В.Левитина

Михаил МАСЛОВ
Владимир ШИШОВ (фото)

NO DUBOSSARAN?

«Н а войне как на войне». От этой банальной фразы отдает смертью. Даже на такой «домашней» войне, как в Приднестровье. «Домашней», потому что противостоящие стороны воюют около своих домов и полей и строго соблюдают перерыв на обед, прекращая всяческую стрельбу.

Приднестровский узел, как известно, крепко завязан руками политиков Молдовы, Украины и России. Каждая из этих стран сумела приложить немало усилий, чтобы вооруженный конфликт приобрел чисто националистическую окраску. Дикая, первобытная злоба на людей, живущих на другом берегу, превратила вполне мирных приднестровцев в непримиримых истребителей румын — так они называют всех обитателей Молдовы. Благо этой злобе есть чем питаться — ежедневно гибнут люди, и не только в боях. Карательные от-

ряды ОПОНа (отряды полиции особого назначения) проводят в целях устрашения круглосуточные рейды за головами врагов с левого берега. Потом обезображенные трупы без вести пропавших граждан находят то в виноградниках, то на огородах, на так и не вспаханной этой весной земле.

Счет жертв уже пошел на сотни, и конца кровавой бойне пока не видно. О чем могут договориться крестьяне, взявшие в руки автоматы и гранатометы, если сын с яростью говорит об отце:

— Пусть только мне он попадется, убью.

То же самое говорит брат о брате, волею судеб оказавшемся по другую сторону баррикад, — знакомая историческая картинка времен гражданской войны.

Никто не знает точных цифр о численности вооруженных сил Приднестровской Молдавской Респуб-

ки (ПМР) — военная тайна, тщательно охраняемая от посторонних. Более менее известен лишь состав свежеспеченных армий по ту и по эту сторону Днестра. Молдова призвала под свои знамена русских, румын и, естественно, молдаван. Русских, кстати, почти насильственно заставляют отправляться в окопы. Каким способом? Очень простым — грозят увольнением с работы, лишением жилья. Еще одна интересная деталь: несмотря на отрицание Румынией своего участия в войне, в Приднестровье уже захвачены в плен ее подданные — солдаты и офицеры регулярной армии.

Проезжая по пустынным трассам Приднестровья, четко ощущаешь всю тревожность временной тишины, готовой в любую секунду разорваться автоматной очередью или снайперским выстрелом. Через каждые триста-четыре метра стоят наспех оборудованные огневые рубежи. Сваренные из толстых стальных листов доты, окопы или просто наваленные друг на друга мешки с песком — вот главные символы некогда мирного края.

Невероятно трудно было работать с фотокорреспондентом, перебираясь вдоль линии фронта, — встречали нас, мягко говоря, недружелюбно и с большим подозрением. И, хотя, как уверяли нас в правительстве ПМР, республика настроена демократически, общение с добровольцами происходило совсем на другом языке.

На одной из баз командир, внимательно изучив наши документы, заявил:

— А ваш журнал любит искажать факты.

На вопрос: «А вы когда-нибудь его читали?» — он полез в карман, вытащил засаленную бумажку и продолжил:

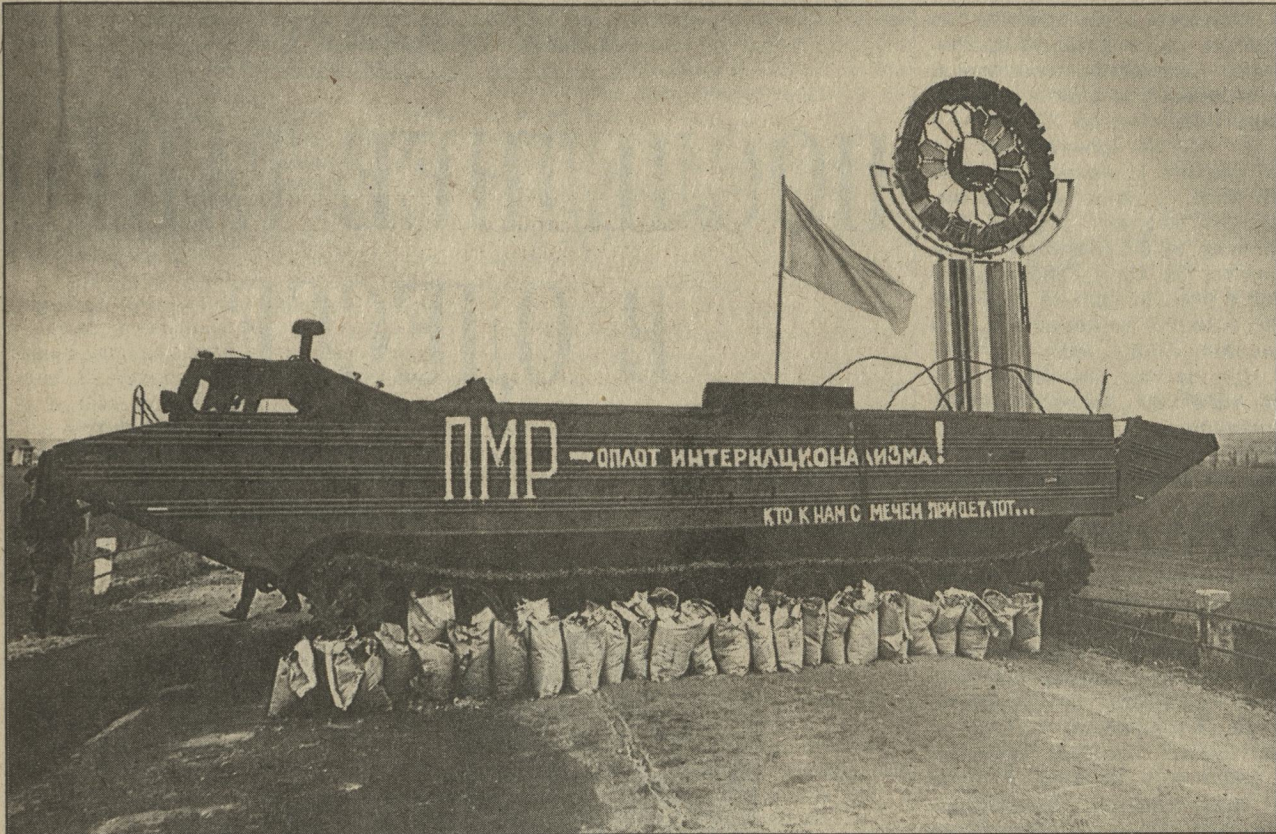
— Вот список изданий, которым, как нам сказали, можно доверять.

Заинтересовавшись, кому же в самом деле можно доверять, мы взглянули на этот список. Он был совсем небольшим. Вот его первые строчки — Невзоров, «День», «Советская Россия», «Народная правда»...

Через пару часов около другого охраняемого объекта нам жестко посоветовали попросту убраться подальше-поздорову. Такую «заботу» оказывали... москвичи. Но не простые жители столицы, а активные члены печально знаменитых организаций «Память» и «Трудовая Россия». По их словам, они приехали в Приднестровье защищать русских от румын и...жидов.

Немало разговоров мы услышали о девушках-снайперах, воюющих на

стороне Молдовы. Они прибыли из стран Балтии, где в прошлом профессионально занимались спортивной пулевой стрельбой, и, самое главное, им хорошо платят — до 25 тысяч в месяц, не считая премиальных за каждого убитого. Наемники, да еще женского пола, — нечто новое в милитаристской практике СНГ. К нашему приезду из 60 снайперш в живых осталось 56. Одну казаки даже захватили в плен, но больше ее никто не видел, остается догадываться, что с ней сделали. Кстати, девушек спрашивали, что же ими движет, на что они без малейшей закомплексованности отвечали:

— А нам все равно, за кого воевать, лишь бы платили по 200 рублей в час...

Вряд ли можно сказать, что жизнь в Дубоссарах и окрестностях полностью парализована. Напротив, помимо войны люди озабочены чисто житейскими делами — добычей продуктов, воспитанием детей и гаданием насчет своей будущей судьбы. Конечно, заманчиво добиться суверенитета, хорошо при этом понимая, что ПМР — один из самых развитых промышленных районов в регионе. И если раньше правительство Приднестровья выдвигало только экономические требования, то сейчас, как и следовало ожидать, эти требования стали исключительно политическими. Полная независимость от Молдовы — главный рефрен в несмолкаемых митингах и разговорах на улицах и площадях местной столицы — Тирасполя. А в Молдове, в свою очередь, всеми путями, законными и не очень, пытаются захватить лакомый кусок в виде мощных заводов и электростанций.

А в результате этих политических игр и амбиций гибнут обычные люди. Или, что самое страшное, привыкают отвечать насилием на насилие. И снова гибнут...

Несмотря на перемирия, постоянные переговоры и периодические договоренности о прекращении огня, бойцы гнут свою линию, продолжая вести перестрелки и игнорируя приказы командиров. Стоит лишь сделать кому-то пару-тройку выстрелов, даже в воздух, — и на другом берегу незамедлительно последуют ответные очереди, перерастающие в шквальный огонь.

И никакие уговоры и обещания о мире сегодня уже никто не слышит. Потому что сквозь автоматный треск и уханье мин трудно услышать человеческое слово. На войне как на войне...

Дубоссары—Москва

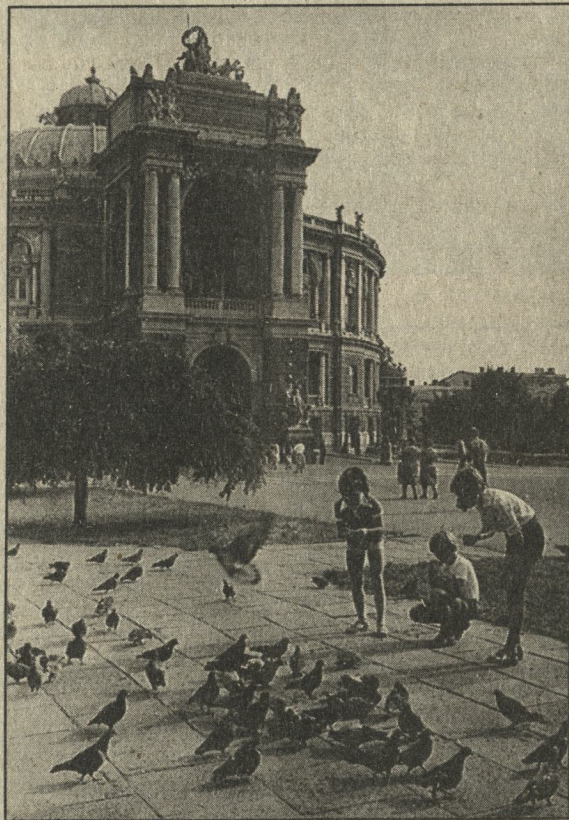
Алла БОССАРТ

ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО В ОДЕССЕ

— Что-то у нас климат испортился...

— Да нет, на улице-то тепло, это из квартир дует!

Из одесских наблюдений Валерия Хаита
и Георгия Голубенко

Ничего, впрочем, страшного не случилось, и я, может статься, вообще ничего и не заметила бы, если б меньше любила Одессу и не так давно знала бы ее. Живем же мы в безрадостной, пронизанной метастазами митингов Москве и без труда находим радость в новой тряпке, хорошей бутылке, свежем романе или солнечном деньке.

Но потому все мы, столичная деревенщина, дети безграничной, размытой во всех смыслах Москвы, потому мы и влюблены без памяти в Ленинг-

рад, Таллинн, Тбилиси и Одессу — что это принципиально иные структуры, доступные описанию, вызывающие острые, непосредственные реакции слуха и зрения.

На примере Петербурга мы увидели, как, дивная, царственная корректность превратилась в областное запустение.

С величайшей скорбью свидетельствовали паралич Тбилиси, Еревана, Киева.

Но все перестроечные годы, что не была в Одессе, я почему-то выносила

ее за скобки разрушения. Верилось, что «Мама» устоит. Выстоит, опираясь на два упругих живительных ветра — с моря и из степи.

Наше время можно назвать по-разному — временем великих разоблачений или нуворишей, великой депрессией или великим исходом. Так же горько и так же справедливо будет назвать современную нам эпоху временем великой эрозии городов.

...Здесь не бывало плохой погоды. Помню солнечный февраль, когда смерзшийся песок на пляже искрился кварцем, словно снег, и легкие скорлупки ракушек хрустели под ногами, а льдины громоздились в море и ближе к горизонту начинали походить на новостройки.

А в октябрьском тумане? В плотном, бело-голубом тумане, как снятое молоко в погребке у Перль-Мольки... Только торт оперного театра выплывал из молочной запруды и тихо колыхался.

А летом? О Господи, летний Привоз, двоюродный брат Эдема! Замечтался опрометчиво, хвороба бледная, возле пышной королевы фруктовых рядов — получай, чтоб помнил: «Купи груши, борзца!»

А весной, первого, например, апреля? Ну, этого не забыть. Это ежегодно, как на сборы — на одесскую юморину, предаться трехдневному курсу вольготной фонетики и круглосуточного карнавального шатания вдоль ампирических фасадов, где каждый лепной завиток трепещет от сдержанного смеха, а на розовое небо наклеены детские ладошки платанов, — предаться терапии, по которой год томился наш общий астенический синдром.

Мне хочется писать про вчера и ужасно не хочется — про сегодня. Потому что сегодня — пустые улицы, тесный молчаливый транспорт и Привоз, который потрясает только ценами. И глупо размалеванная толпа свирепо регочущих подростков на Дерибасовской первого апреля. Им очень нужно повеселиться, а делать это они не умеют. Те же, кто умеет, уехали или устали.

Как устал Валера Хаит, умный, прекрасный и в прошлом веселый человек, который на вопрос, намерен ли он уехать, отвечает: «При малейшей возможности — нет». Когда КВН был еще игрой и праздником, а не супершоу, молодого капитана одесской команды знала вся страна, и замечательно сказал его соперник Матвей Левентон: «Мне очень нравится эта Хаит-компания». Моти больше нет в живых. Погиб в автомобильной катастрофе Слава Харечко, человек с уникальным талантом игры. Нам казалось, что геройская шалость Славы, спустившегося на одной из первых юморок с Потемкинской лестницы на горных лыжах, будет запечатлена в

веках, как шаловливый подвиг Сергея Уточкина. Однако молодые одесситы не помнят ни москвича Славы, ни старого своего земляка-летчика, ни более молодого земляка — таксиста Фиму Выдомского, что подытожил цитаты, съехав по знаменитой лестнице на своем «Запорожце». Он был другом юморины, другом основных одесских шутиков — журналистов из «Вечорки», сам писал хорошие одесские рассказы, теперь сменил одесское такси на брайтонское и рассказов больше не пишет. Мало кто помнит Мотю Левентона. И ни разу телевизор не напомнил никому о светлом, талантливом, необычайно добром докторе Альберте Аксельероде, Алике, который вылечил кучу народу и миллион лет назад придумал КВН — род творчества для таких, как Харечко, Хаит, Юра Рост и немногие другие, отмеченные безымянным богом Игры.

Алик, Слава, Матвей, Виктор Ильченко — ушли туда, откуда не возвращаются. Пол-Одессы, как и пол-Москвы — поближе. Но куда бы ни исчезали из городов их жители — в безвозвратную даль или даль возвратную, — города пустеют почти одинаково. Прав Хаит, говоря, что пространство не выдерживает отъезда людей — достигая критической массы, исход рвет само пространство.

Жванецкий писал, что Одесса держится на трех китах — флоте, искусстве и медицине. Но есть и четвертый, самый главный, и я удивляюсь, почему президент всемирного клуба одесситов его не отметил; наверное, просто вынес за скобки. Я говорю об одесском языке. Когда в двадцатых годах евреи начали осваивать Палестину, был из тысячелетнего небытия извлечен мертвый иврит, извлечен и возрожден, ибо верно провозгласили идеологи колонистов, что народ без своего языка есть народ обреченный.

Язык и народ взаимно создают друг друга. Одесский язык — это язык народа по имени «одесситы», и он не похож ни на один другой. Где все те смешные, жовиальные люди, что еще недавно, еще пять лет назад, праздно кучковались с утра до ночи по всей Дерибасовской и неутомимо кричали за вздорожание и футбол? Одесский язык, как и одесский смеховой пафос любовно культивируется, как в колбе, в клубе «Джентльмены» — талантливых птенцов Хаита, в театре «Комедиум», в театре «Ришелье» — но Дерибасовская замолчала. Замолчал Привоз. Замолчала Молдаванка.

— Ну, ты знаешь, это не совсем так, — возразил мой друг Женя Голубовский, лучший городской репортер из всех, которых я встречала в своей жизни, человек, знающий «за Одессу» вдоль и поперек по обеим осям пространства и времени.

— Я проэкспериментировал, —

улыбается Женя. — Зашел в первый попавшийся двор на Молдаванке и назвал выдуманную минуту назад фамилию: Ковалевские. Жила, дескать, тут такая семья, не помнит ли кто. Ой, что тут началось... Повывезли старики, старухи — ой, Софа, или вы слышали за мадам Ковалевскую? Или! Их Буся играл на скрипке? А сама мадам любила жарить скумбрию на балконе вечером? Нашлись родственники, кредиторы, и — был сыгран целый спектакль размером во двор. Я думаю, Одессу еще можно возбудить... Хотя возбудить старца становится все труднее и труднее...

Женька, славный мой скабресник. Ведь это еще — кто возбуждает. Таких игроков-умельцев осталось-то... Ты, да Хаит, да Гарик Голубенко, да Миша-одессит, который, впрочем уже и не одессит, как и Лившин Сема, и Юра Макаров, и Роман Карцев, и Витя Лошак, и Олег Сташкевич, 20 лет назад придумавший слово «юморина».

— Михал Михалыч, почему вы бежали? Ведь это произошло до того, как Одесса стала совковым городом?

— Сейчас она стала не совковым городом, а мусорным ящиком. А мы с Ромой и Витей Ильченко сбежали именно тогда, когда она стала совком. Одессой всегда командовали киевские наместники, приезжие эмиссары под девизом: «Наведите порядок, наконец!» А новости в нашем городе порядок — значило сровнять его... И металлическая глота сравнивала, подравнивала все своеобразие. Ну и когда она наехала на наш театр миниатюр — мы не вынесли.

...Платаны, затянутые в серо-голубую кожу, кончились. С Пушкинской мы свернули на Приморский бульвар. Черный Александр Сергеевич стоит здесь спиной к горисполкому, как когда-то называлась мэрия (ах, эти игры нам милы!) — и с легкой победительной улыбкой смотрит сквозь бульвар на особняк графа Воронцова, одного из первых одесских наместников. Говорят, в те мрачные времена по поводу этого бюста шла большая ругань: богема, вольнодумец, чуть ли не декабрист, соблазнил жену самого генерал-губернатора Бессарабии! Есть Пушкину над чем усмехаться, воцарившись между двумя дворцами, русским и киевским, профилем к черноморскому флоту, словно живая притча о суете и вечности: «ars longa, vita brevis».

Однако латынь хороша для эпитафий на цоколях памятников. А на каждом отрезке короткой жизни нужна некоторая деятельность, некоторая суета, чтобы подпитывать вечное — и искусство, и море, и юмор, и климат.

Лет восемнадцать назад Женя Голубовский привел ко мне в гостиницу небольшого ярко-рыжего человека.

Ярко-зеленые глаза человека сияли наивной хитростью.

— Вот и скажи ей сам, — без предисловий буркнул Женя и ушел на балкон, разметав седые лохмы.

— Вы должны нам помочь! — закричал рыжий человек. — Ведь они ничего не хотят слушать! У нас есть улица Бебеля и нет улицы Бабеля! Это же анекдот! Абсурд! Нонсенс!

(Так и по сей день. Пристрастие одесских властей к немецким социал-демократам поистине трогательно: Бебель, Либкнехт, Клара Цеткин, Роза Люксембург, не говоря уже о Карле Марксе; кстати, Ленин Владимир Ильич, ни разу — в отличие от Бабеля — Одессу не посетивший, представлен четырьмя улицами, одна из которых — Ришельевская, без малого сотней памятников и портом Ильичевск.)

— Багрицкий, вы понимаете, Багрицкий! — кипятился рыжий. — А Ильф и Петров? А? Как вам это понравится? Нет улицы Паустовского! Вернее, есть, но где? Это же смешно! У черта на рогах! Нонсенс! Он там и не был никогда!

— Одну минуточку! Давайте же позначимся!

— А! — отмахнулся рыжий человек.

— Ну, Брыгин, Брыгин! Моя фамилия Брыгин! Не в том же дело! А поинтересуйтесь узнать за Адама Мицкевича! Вы думаете, где висит его доска? На том доме, где он жил? А?

Я пожала плечами.

— Ха-ха! — дико захохотал Брыгин. — Именно на другом! На соседнем! Потому что он красивее! А Вера Инбер? Доску повесили, а даты жизни переврали! Бред! Анекдот!

— Так чем же я могу...

— У меня, у меня лично есть часы Бунина и автограф Чехова! Не говоря уже об остальном! А они не хотят ничего знать! Послушайте! — он остановился и толкнул меня в плечо. — Вы должны с кем-нибудь поговорить. Вы официальное лицо. Одесситы вас не забудут. Я собрал грандиозный материал, нужен музей! А не получается форменный абсурд! Нонсенс! Анекдот!

Три дня я ходила по инстанциям. Пушкин, казалось, сочувственно вздыхал, заведя меня у дверей исполкома. Мне говорили:

— А холера? Канализацию надо было налаживать, а не музей!

(Не наладили.) Говорили:

— Что писатели, писатели! Еще неизвестно, как их оценят!

А Никита Брыгин показывал мне маленькие солнечные дворы, где на блоках между шаткими балкончиками были протянуты веревки, на них пелась кальсоны и лиловые трико; где тучные женщины (и среди них, вероятно, мадам Ковалевская) жарили рыбу; где старики в белых соломенных шляпах, склонив друг к

другу головы и подставив венозные руки к большим мохнатым ушам, громко кричали за политику; кошки мягко и брезгливо выпрыгивали из мусорных ящиков, а по голубым плитам итальянской лавы, стуча когтями, бегали большие собаки. Возле одной из подворотен красовался облупленный медальон с непривычными глазу инициалами: «О.С.Пушкин».

Спустя лет пять Никита Брыгин открыл в Одессе литературный музей и стал его директором. Вскоре его обвинили в какой-то растрате, и небольшой ярко-рыжий человек с сумасшедшими глазами умер от инфаркта.

Юморина добилась, чтобы одну из улиц назвали наконец именем Ильфа и Петрова.

Одиноко кружа сегодня старым маршрутом первоапрельского парада древних автомобилей, я забрела во двор, где в тот далекий веселый день артисты, студенческого театра Олега Сташкевича Игорь Кнеллер и Людмила Сафонова играли «Записки сумасшедшего». Кнеллер руководит сейчас театром «Комедиум», Сташкевич работает в Москве у Жванецкого, Жванецкий финансирует иронический журнал «Магазин», где главным редактором — Семен Лившин, большой одесский фельетонист, пламенный мотор жизнелюбных первоапрельских праздников времен обильного солнца и смехом застоя. А двор? Двор по спуску Жанны Лябурб пуст, конечно. Стала взрослой и, скорее всего, уехала девочка в окне второго этажа, наделенная, как все одесские дети, самостоятельным чувством юмора — она громко смеялась, и безумный Поприщин, в обиде на весь свет, сварливо оборачивался к ней и крутил пальцем у виска...

Первое, о чем я услышала, приехав нынче на юморину, — это о диком погроме кладбищ. Молодые ухари — может быть, из тех, кто с улюлюканьем носился первого апреля по Приморскому бульвару, косноязычным матом выражая радость бытия, — прошлись революционным рейдом по могилам, круша памятники. В этом кабаньем акте не было даже низкого, омерзительного смысла национальной ненависти — громили подряд русские, еврейские, немецкие, украинские, греческие могилы, руководствуясь сугубо эстетическими мотивами: с особой яростью обрушивались на наиболее ценные, красивые мемориалы.

Перевезенный в Октябре с дачи крупного одесского негодяя, семьдесят пять лет Одессу украшал мраморный «Лаокоон» — копия XVIII века. 30 марта скульптуре отбили руки. А за неделю до этого уничтожили мемориал Ахматовой на 11-й станции Фонтана.

— Ломали церкви, но на памятники еще никогда здесь ни у кого рука не

поднималась! — когда Женя Голубовский перестает улыбаться — это признак ярости, форма ужасного гнева.

— Город заполнили мутанты. Пришлось, кому город ничего не дал. И этот город, его культура им мешает. Одесса всегда была островом в бушующем море. И пока оставались люди, мы могли противостоять разрушительным процессам. Но потому Одесса всегда и стояла костью в горле у Киева. Раздражало, что на таком пятнышке может работать столько художников, столько поэтов. Причем они непрерывно уезжают, а на их место прет и прет новая поросль. Дыхание моря или степи, или черт его знает чего еще, но — уникальная плотность творческих людей. Если бы пришли разумные правители... Одессе надо дать свободу дышать. Украинизация погубит ее безвозвратно. Одесса — не украинский город, так же как и не русский и не еврейский. Одесса — это Одесса!

«Я не знаю вообще: Одесса — Украина ли? Мне это надо еще доказать!» — заметил Жванецкий. Одесскому отделению Руха доказывать ничего не надо. Оно и само вам докажет, что празднование двухсотлетия Одессы в 1993 году — акт незаконный. А вся беда в том, что Екатерина, гадина такая, хоть и отбила два века назад крепость Хаджибей у турок, хоть и заложила город и нарекла его Одессой — а все же уничтожила украинскую вольницу. И когда недавно какую-то социал-демократическую улицу переименовали в Екатерининскую, черноморское казачество вышло на манифестацию протеста. Ну как тут не вспомнить чудный лозунг нынешней юморины: «Жида, москаля, хохлы, греко-римляне — геть с нашей родной скифской земли!»

Языковые, как и вообще национальные, битвы — ведь не причина и даже не сама болезнь. Они — производные той общей паранойи, которая вызвана методическим истреблением индивидуальности на всех уровнях — от личности до нации. Подравнивание личностных черт под формат металлургической плиты — вот что вызвало бред ревности и преследования, манию разрушения и убийства. Кабаноголовые мутанты лишены национальности. Культура является объектом их клыкастых рыл сама по себе.

Неповторимость — один из признаков культуры. Кому, почему так остро требовалось превратить Одессу в двадцать шестой украинский город, по количеству областей? Тем же, кто видел судьбоносный смысл в обмолоте 72-го или 126-го российского областного центра Санкт-Петербург. Тем же мутантам.

Одесские писатели. Одесские врачи. Одесские капитаны. «В Одессе

каждый юноша, пока он не женился, хочет быть юнгой на океанском судне», — писал Бабель. Капитанство было золотым запасом одесской культуры.

Миша, сын врача, мог гордиться дружкой с лучшими капитанами одесского флота. Свидетель Жванецкий:

— Флот разбили еще при Брежнев. Все те, кто уничтожал одесское капитанство, — живы, здоровы, процветают. Масик, например — человек, абсолютно искавший и разгромивший флот, — из обкома партии пересажен в Киев, заместителем председателя Совета Министров Украины. Шел планомерный отстрел «белых» — пассажирских — капитанов. Выкинули из флота и сгноили самых заметных — Дашкова, Назаренко, Дондо. Недавно умер блестящий Никитин, командовал теплоходом «Одесса». Судили его за то... за все! За то, что на судне появлялся с роскошной собакой, за то, что одевался прекрасно и требовал того же от команды, за то, что советских пассажиров обслуживал, как американцев... Он мог ночью сбежать из компании: чувствовал, что на судне неладно, — хотя там оставался его заместитель, оставалась вся команда. Приезжал — и правда, носовой конец оборван. Я видел, как он ночью ходил по судну — громадная фигура, красивый человек — тайно, находясь в отпуске, поднимая на свой теплоход и шупал все, платком вытирал пыль... Были обезглавлены ведущие суда одесского флота. Убиты самые яркие его люди.

За годы советской власти в Одессе построен один театр и разрушено около двадцати, разрушается красивейший в стране оперный театр, разрушается и закрыта публичная библиотека, закрыта консерватория, закрыто уникальное театральное художественное училище. Фасады, увитые старыми мощными лозами, роняют пластиы штукатурки. По улицам идешь, перешагивая через собачьи экскременты, даже коммерческие палатки захолустно убоги. И — пустыня улиц! — где одесские красавицы? Уехали, матушка...

Остров Одесса, бедная моя Атлантида. Вот и навели порядок. И даже само море, древний Понт Эвксинский, не избежал общей участи.

Когда город не поэтически, а физически сползал в море — проблема всех приморских городов, которую столетиями решает мировая общечеловечность, — одесские власти выдвинули гениальное решение: построить волнолом.

— Море — оно туда-сюда шуровало, и было очень красиво, были камни, на которых одесситы сидели, как чайки, сидели рыбаки, и мы, дети, ныряли с этих камней, — мечтательно улыбается Жванецкий... — Мы часто ре-

зались, но вода была, как йод, от нее все тут же заживало. Пляжи, правда, оползали. Умные коммунисты убрали камни, засыпали все песком, и метрах в ста пятидесяти от берега море наше забетонировали. Одесса, видимо, перестала сползать. А вода теперь вся отравлена. Она стоячая. И если кто пописал в море — это навек. Мы раньше никогда не болели, хотя свободно могли кушать грязными руками, ну такие не очень чистоплотные люди населяют Одессу. А теперь болеем. От воздуха, от моря, от питьевой воды — мы болеем, потому что живем на трупе. Мне тошно об этом говорить, я засыпаю. Ну и темку вы выбрали.

Не говорите, Миша! Мне ли не знать. Или я не живу на трупе? Или я не болею страшной бледной немочью? А болезнь эта такова, что все время хочется принять триста капель эфирной валерьянки и забыться сном. И увидеть себя молодой на заливном солнцем цветущем бульваре. И зеленый Ришелье словно соткан из бронзовой лисы. А вокруг него клубится вся Одесса.

Потемкинскую лестницу оцепили матросы. На верхней ее площадке — очень старый, очень почетный гость, настолько старый, что в молодости сам мог ревновать свою жену к Александру Пушкину, крепко прижимал к себе пилу, как бы намереваясь сделать харикири. На самом же деле он должен был перепилить деревянный шлагбаум и тем символически начать праздник. Стойкие черноморские моряки, напряжив шею, сдерживали новые и новые волны толпы. Парень в тельняшке и алой пиратской косынке возвышался на цоколе Ришелье,

нежно обнимая дюка за талию. Он размахивал ракетницей и орал:

— Немного поднапряг, граждане! Еще не вечер! Рассыпсы, морячки!

И граждане города Одессы поднаперли. И морячки рассыпались. В лице старика появилось отчаяние камикадзе. Он оскалил свои крупные вставные зубы и, оглашая Потемкинскую лестницу самурайским воплем, кинулся вниз. Толпа хлынула за ним.

Мы с дюком остались вдвоем. Он легко прыгнул с цоколя и, в своем балахоне, с голыми жилистыми ногами, в легкомысленном веночке из лаврового листа, крепко повел меня в медленном танго, интимничая:

— Никакой я не француз, если разобраться! Кого там только не было — жизнь, ма шер... А то оставайся, скоро сезон начнется. Город-то какой, ма шер! С туристами — два миллиона.

— Не могу я, ваша светлость, не вольна, — ныряла я в книксенах.

— Нонсенс! — заорал тогда Ришелье и стал трясти меня за плечо. — Форменный анекдот!

И просыпаюсь в слезах, на солнечной скамейке. Внизу стынет порт. За спиной беснуется бульвар. Направо Олександр Пушкін мнет в руке подвязку графини. Налево удирают два пацана, вырвав сумку из-под моего дружеского локтя. Над их головами реет белесый надутый презерватив.

Матушка-мама, пожалей же, наконец, о своих бедных дитятках.

ВСЯ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ — РАЗДЕНЬСЯ И ЖДИ...

Алла Максимовна Кирмусова ведет набор в школу стриптиза «Таис».

В нашем обыденном сознании стриптиз — это дело сугубо женское. Вроде профессии воспитателя детсада. Ан нет. На Западе давно уже смекнули, что и мужчинам есть чем поразить воображение публики. Потому умудренная опытом Алла Максимовна приветствует на «смотринах» не только «девочек», но и «мальчиков». Недостатка нет ни в тех ни в других. Полюбившихся Кирмусова возьмет на четырехнедельное обучение, за которое «студенты» выложат по две тысячи рублей каждый (не такая уж, кстати, крупная сумма).

Занятия — в просторном зале, с хореографом, с чашечкой кофе в перерыве, с надеждами на сытую и привольную жизнь. Это не то, что год назад. Тогда Алле Максимовне, одержимой идеей отечественного стриптиза, приходилось работать черт знает где, да еще полулегально, под вывеской «школы артисток оригинального жанра». Зато уж теперь, думаю, «артистки» «первого призыва» не жалуются: патронесса устроила им ангажементы в рестораны Германии и Италии. Пускай танцуют, пока молодые! Да и Европе скучающей — какое-никакое развлечение: восприв-

«Кто пришел? Английская газета?

Пускай дают сто долларов и проходят», — Алла Максимовна закуривает хорошую сигарету и требует, чтобы звали следующего «мальчика». На сцену выходит юноша в белых трусах (мне тут же вспоминается медкомиссия в военкомате). «Подвигайтесь под музыку», — просит Алла Максимовна, с прохладцей оглядывая тощую фигуру. Юноша неуклюже бродит взад-вперед под магнитофонное мяуканье Полы Абдул. «Двигайтесь, двигайтесь!» — настаивает Алла Максимовна. Потом поворачивается к своей ассистентке: «Попа у него хорошая...»

Вокруг снуют фотографы, утомляя глаза вспышками. За право «пощелкать» здесь они своевременно заплатили. В отличие от незадачливого коллеги из английской газеты, который ушел несолоно хлебавши.

шая ото сна Россия, с истомой на лице, последние лоскуты с себя снимает, покачивая бедрами и дразня упругими грудями. Come on, baby, come on! Нет, определенно надо принять ее в Международный валютный фонд...

А представьте, что будет твориться в ресторанных залах, когда на подиум взойдут «Russian boys», «пол-Европы по-пластунски пропахав». (Кстати, если интересуетесь, то информирую: в мужском стриптизе не предполагается демонстрировать самую интимную часть тела, она остается сокрытой от наблюдателей). И, спасенный красотой наших торсов, мир будет долго помнить «Сережку с Малой Бронной и Витьку с Моховой». Отличный повод для развития чувства национальной гордости, не так ли?

У Кирмусовой — двойное гражданство: наше и немецкое. Плюс обилие связей, что и позволяет ей находить хорошие контракты для своих воспитанников. Отнюдь не все они отправляются раздеваться на Запад — некоторые оседают на родине. Впрочем, тут кое-где у нас порой не обходится без неприятностей... Вот есть на Таганке валютный бар — «У Петра» называется. Наша героиня подписала с ними договор, и ее

«девочки» принялись дарить тихую вечернюю усладу посетителям. «Но тамошний управляющий — Андрей — очень непорядочный человек. Через две недели, когда этот Андрей стал склонять девочек к сожительству и они отказались, он их просто выгнал. Теперь я злая как собака...»

Видать, должно пройти еще немало времени, прежде чем в нашем некультурном, понимаете ли, «совке» осознают, что стриптиз — не для разнузданных страстишек, не порно какое-нибудь, а особая форма искусства, если хотите. Что если девушка добровольно осталась в наряде Евы, то это только так, для хорошего настроения хмельных завсегдатаев. Да не согрешат они с ней в сердце своем. Надо похлопать в ладоши и проводить артистку благодарным взглядом, лишенным всяческого вожделения. После чего спешить не за кулисы, а к жене. К своей милой, заждавшейся жене. Вот что такое цивилизованный стриптиз! Всякий здоровый полноценный мужчина меня поддержит. Всякий полноценный мужчина только так и воспринимает обнажающуюся женщину с соблазнительными формами.

Кстати, о формах. Алла Максимовна поведала мне, на что она обращает внимание при отборе учеников. «Мальчики» должны быть вообще спортивного телосложения и иметь ладные, извините, задницы. Эта часть немаловажна в мужском стриптизе. А для женского требуется красивая грудь и, опять-таки, «хорошая попа». «А ноги?» — спрашиваю. «Не обязательно. Ко мне толпами приходят из хореографических училищ — эти костлявые, плоскогрудые. Двигаются-то они великолепно — ну и что дальше? Кого это заведет?» Лицо же, судя по всему, остается вообще где-то за рамками «программы». Да и к чему особая красота его: не паранджу ведь стягивают с себя артисты...

У Кирмусовой нынче полно хлопот: надо шить костюмы, арендовать за-

лы, ездить в Германию и обратно, отваживать нахальных богатеев, предлагающих «бабки» за «услуги» той или иной девушки. Алла Максимовна уже привыкла к сплетням о себе: на всяк роток не накинешь платок. А еще такая пословица уместна: взялся за гуж — не говори, что не дюж. Но иногда уж очень доминает пресса. Недавно, например, газета «Взгляд» (приложение к «Московской правде») напечатала статью, которая вывела Кирмусову из себя: «Там обо мне написано такое... Вы знаете, я вообще-то из очень интеллигентной семьи и никогда не позволяю себе таких выражений, которые мне приписал автор. Когда мои родители прочитали эту статью, я испугалась за их здоровье: там я выглядела какой-то вульгарной «телкой», которая нанимает девиц и делает из них проституток. И это писал человек, который ни разу со мной не общался, не был ни на одном отборочном конкурсе. У меня нет сил судиться с каждым таким «козлом» — можете так и написать... Поэтому великое счастье, что я вам даю интервью: я уже просто боюсь открывать рот».

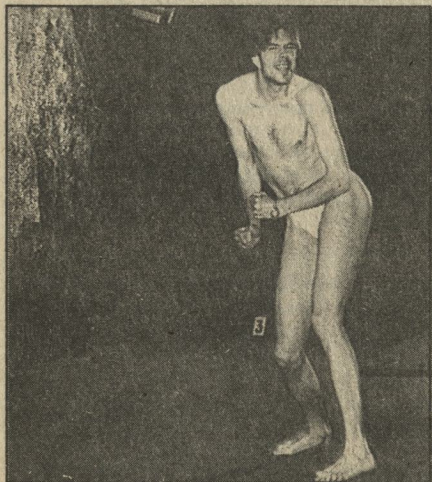
ружности — пришел одетым не во что-то там, а в «тройку», при галстукке. Алла Максимовна смеется: «А вы случайно не научный работник?» Оказывается, тренер...

«Я думаю, — мечтает Кирмусова в маленькой раздевалке после конкурса. — Я думаю, что открою бар для богатых немолодых дам, которые будут ходить смотреть на «мальчиков».

А хозяйка, в свою очередь, будет ходить и считать денежки «богатых дам». По условиям игры всякий, кто окончил «Таис» и работает «по профилю», отчисляет определенный процент школе. Проценты текут в долларах, лирах, долларах. И в рублях, конечно, тоже. Алла Максимовна не выдумывает возвышенных глупостей, не скрывает, что коммерческий интерес для нее тут основной. Дело свое не считает очень уж доходным. Но и других занятий для себя не признает. «А чем еще заниматься женщине?! Ну рассказывают про этих деловых женщин, которые где-то там на бирже. Но я не такая. Посмотрите на меня: могу я работать на бирже?»

Я внимательно посмотрел и сказал: «Нет, не можете».

Алексей БЕЛЯКОВ
Фото Е.Диакура

Один из явившихся «на смотрины» — мужчина лет тридцати недурной на-

Письма

РОССИИ МЫ НЕ НУЖНЫ

Грустно мне стало после прочтения заметки Е. Степанова «...А кушать ездуйте в Латвию...» в 11-м номере «Столицы». Отчасти я даже готов по-человечески понять автора: чудовищное, невообразимое хамство продавцов в московских магазинах действует на нервы (я убедился в этом на собственном опыте), и потому его нескрываемый восторг — ему не нахамили в латвийском магазине — вполне объясним. Но меня удручает, что человек, называющий себя русским писателем, увидев на прилавке кусок колбасы или говяжьей вырезки, рисует такую идиллическую картину нашей жизни, что дальше некуда.

Я живу в Латвии постоянно, а не в доме творчества и все больше убеждаюсь, что никто из россиян (ни демократы, ни люди с невзоровскими взглядами) не понимает нас, русских, оказавшихся волею судьбы в Прибалтике. Россиян мы не нужны. Никого не обвиняю, но просто хочу предупредить: коммунизм уже давно мертв и противостояние «демократы» — «коммунисты» — достойные истории. На первом плане сейчас национальные отношения, связанные с ними противоречия и как следствие — проблемы межгосударственных отношений. Никто не будет благодарить Россию за политику односторонних уступок всем подряд. Эти уступки по общепринятым у нас волчьим законам будут считаться проявлением слабости государства, и российское руководство добьется не уважения, а презрения, потому что в странах, далеких от демократии (в том числе и в Латвии), уважают только силу и ничего больше.

Лиепая

В.КАЗГУНОВ

ДЕПУТАТСКАЯ ЗАБОТА ВЫХОДИТ ПЕНСИОНЕРУ БОКОМ

Со дня пришествия к власти «радетелей о народном благе» в 1917 году и по сию пору дню и ночью поются гимны в честь многострадального советского народа. Вначале — во славу будущих строителей коммунизма, теперь — в защиту социально не обеспеченных слоев населения. И вся кипучая деятельность народных избранников направлена, если верить их словам, на претворение в жизнь одной цели — невиданного повышения нашего благосостояния. Но не кажется ли уважаемым «слугам народа», что все их законодательные акты выходят как-то боком «простому советскому» человеку?

Вот один из последних примеров. По новому закону все работающие пенсионеры имеют право получать пенсии и надбавки к ним. Хорошо это или плохо? Судите сами. Доцент-пенсионер А.

получает зарплату 1500 рублей плюс пенсия 410 рублей и компенсация 200. Итого — 2110 рублей в месяц. Доцент-инвалид Б.: пенсия 410 рублей плюс компенсация 210, итого — 610 рублей в месяц. Вот и получается, что одному три горошка в ложку, а другому — пшик. А в целом — забота о пенсионерах!

Не лучше ли хотя бы компенсации тех, кто продолжает трудиться, передавать неработающим пенсионерам? И совсем не помешало бы перечислять им 50 процентов пенсии работающих пенсионеров, чтобы те не засиживались на своих местах до склеротического маразма.

Кто имеет возможность работать после 60 лет? Во-первых, те, кто всю жизнь занимал тепленькие местечки (в первую очередь партийные функционеры), а во-вторых, те, кто имеет протекцию, в-третьих, те, кто сумел сохранить силу и здоровье, работая ни шатко ни валко.

Так в чьих же интересах принят этот закон? Ответ: только не в интересах труженика. Он настолько устает, что рад пойти на заслуженный отдых сразу же после шестидесятилетнего юбилея. Неработающий пенсионер (тем более инвалид) по-прежнему гол как сокол.

Тула

И.ХУДЯКОВ

ШКОЛЫ ДЛЯ ЧИНОВНИКОВ?

Открытое письмо руководителю
департамента образования
г.Москвы Кезиной Л.П.

Уважаемая Любовь Петровна!

Когда с экрана телевизора, с трибуны городского Совета или правительства Москвы звучат претензии к строителям за невыполнение планов по строительству новых школ и дошкольных учреждений, я, как член бюджетной комиссии, знаю, что претензии справедливы. Но, к сожалению, вынужден предъявить такие же претензии и лично к Вам за невыполнение обещаний по освобождению школьных зданий, занятых бывшими РУНО и их службами. В 1991 году из 33 управлений народного образования 26 были размещены в школьных зданиях. Районные управления ликвидированы, и, казалось бы, правительство начнет возвращать школы детям: в августе руководимый Вами Комитет сообщил, что «планирует освободить и передать указанные школьные здания под учебные цели в период формирования новой структуры управления в городе, и прежде всего в Кировском, Перовском, Тимирязевском, Фрунзенском районах». Но одно дело — пообещать, другое — выполнить обещанное.

В Тимирязевском муниципальном округе на пятачке городской территории с радиусом в 200 метров за последние 37 лет построено три школьных здания. Жителям надо бы благодарственные письма писать отцам города и руководителям образования, а они пишут супрефекту и депутату жалобы: занятия детей ведутся только в одном здании и, разумеется, в две смены. Второе

— передано художественной школе, а третье — поделено между «вечерней школой и службами управления народного образования» (два этажа — вечерней школе, три — службам).

Ваш департамент планирует «изготовить в 1993 году документацию на ремонтные работы (возвращение классным помещениям на втором и третьем этажах первоначального вида, т.к. сейчас они переоборудованы в кабинеты) с последующим включением объекта в план капитального ремонта. До начала ремонта в здании временно размещены службы управления народного образования». Теперь уже всего Северного округа. Этот ответ поступил в марте 1992 года.

Какой оперативный темп работ по сносу перегорода в классах!

Как руководителя, столь бережно относящегося к своим сотрудникам, Вас можно понять. Вот если бы такое же отношение продемонстрировать и к ученикам младших классов стоящей рядом перегруженной 163-й школы!

Вы прекрасно понимаете, что если в бюджете города нет средств на строительство новых школ там, где они действительно необходимы в первую очередь, то на ремонт школьного здания, используемого не по назначению, этих средств тем более не найдется. Значит, вопрос необходимо решать внутри департамента, силами и средствами, имеющимися у Вас.

Очевидно, нужно только желание. А его нет. Поэтому нет поиска нестандартных решений:

- организации учебы малыми группами в уже существующих кабинетах;
- организации занятий старшеклассников в пустующих днем классных помещениях четвертого и пятого этажей;
- подключения небольшого строительного кооператива из 3—5 человек к сносу перегорода и возвращению классным помещениям их первоначального вида...

Возможны и другие варианты, но... как не хочется выселять из здания 60 человек централизованной бухгалтерии и 80 методистов окружного методического центра!

(Постойте! Ведь правительство объявило о резком сокращении аппаратов РУНО. Откуда же взялись 80 методистов в одном округе?)

Наблюдая за деятельностью первых лиц в правительстве города, непосредственно ответственных за разрешение этой общегородской проблемы, Бакирова Э.А., Коробченко В.А. и Вас, все чаще убеждаюсь, что дела не всегда соответствуют обещаниям, даваемым с трибун и в средствах массовой информации. Не могу лишь пока объяснить причину: то ли отсутствие воли по выполнению своих обещаний, то ли обещания выдавались вопреки внутренним убеждениям...

В.В.ПАРИНОВ,
член СДПР, депутат Моссовета

ТАНЯ ОВСИЕНКО: «Я БЫЛА ОБЫЧНЫМ КОСТЮМЕРОМ...»

Таня Овсиенко — одна из самых ярких «звезд» нашей сегодняшней эстрады, чемпионка всевозможных хит-парадов. Такие шлягеры, как «Музыка нас связала», «Наступает ночь», «Где ты мой, новый герой», прочно завоевали популярность.

— Таня, расскажи для начала немного о себе. Кто ты? Откуда?

— Я киевлянка, из простой семьи, мой отец — шофер, мама — лаборант... Стать пе-

вицей я не собиралась, работала в гостинице «Интурист» администратором.

— Как же ты оказалась в легендарном «Мираже»?

— В «Мираже» было много ребят из Киева, с некоторыми из них я дружила. И вот однажды солистка «Миража» Наташа Ветлицкая предложила мне стать... костюмером группы. Я согласилась. И почти год проработала простым костюме-

ром. Потом Наташа ушла. Андрей Литягин, руководитель ансамбля, стал искать другую солистку. Искать он долго. И, видимо, отчаявшись, совершенно неожиданно предложил познакомиться мне. Я даже не ожидала. Да и не готовила себя к сцене. Я тогда весила где-то килограмма шестьдесят три. Но — я рискнула... Начала работать. За месяц я похудела на восемнадцать килограммов. У меня началась бешеная практика. Я давала по три-четыре концерта в день. Все было интересно, внове. Я проработала в «Мираже» три года (целую жизнь!).

— Но потом ты все-таки ушла. Почему?

— Однажды я приехала домой в Киев, с гастролей в Луганске. Включаю телевизор. Диктор объявляет: «Поет новая солистка группы «Мираж» Катя Большшева». У меня случился шок. Я долго не могла прийти в себя. Я тут же позвонила Литягину, пыталась выяснить, что же происходит?

Он сказал:

«Я — руководитель, что хочу, то и делаю. А я хочу, чтобы вы с Катей работали вдвоем, то есть вместе».

Я, конечно, не согласилась.

— Таня, прости за нескром-

подвыпившая женщина, почему-то называвшая писателя то папушкой, то сыночком, чем сбивала публику с толку. А в самый разгар презентации в центре внимания оказался мужчина, который сказал следующее (цитирую по моей магнитофонной записи): «Ребята, давайте выставлять свои произведения в музее Ленина. Я помогу. Давайте заниматься теннисом. Я сплю один час. Но попробуйте меня догнать!»

Мамлеев презентацией остался доволен.

Рубрику ведет Евгений СТЕПАНОВ

ный вопрос, ты была высокооплачиваемой артисткой в «Мираже»?

— Нет.

— Ну сколько ты получала за концерт?

— Семьдесят рублей. А жилось мне тогда совсем не сладко. Я только обживалась в Москве, снимала квартиру. Без прописки...

— Ты проработала в «Мираже» три года. Уйдя, ты оказалась никому не нужной?

— Со мной рядом, слава Богу, были мои друзья, которые меня и спасли, поддержали в трудный час.

— Назовешь их?

— Конечно, тем более, что об этом никто из журналистов меня почему-то никогда раньше не спрашивал. Это Владимир Дубовицкий, известный продюсер. Его «дети» — это и Витя Салтыков, и Ирина Аллегрова... Он находился рядом со мной и как продюсер, и просто как близкий человек. Никто в меня тогда не верил. А Володя поверил. Потом мы вышли на замечательного композитора Виктора Чайку. Он сделал мне репертуар.

— Танюш, я знаю, что у тебя очень открытый, хлебосольный дом...

— Да. Но в Москве я до сих

пор не прописана, квартиру, как всегда, снимаю.

— Ты не замужешь?

— Официально нет. Хотя живем мы вместе с Володи Дубовицким. У нас хорошая, дружная семья. Но штампа в паспорте нет. Я считаю, что это неважно. Главное, чтобы люди берегли, жалели, любили друг друга. Володя — опытный человек. И не боится своим опытом поделиться. И я его очень уважаю. Как творческую личность.

— Происходит ли в твоей жизни что-то смешное?

— Расскажу такую историю. В марте прошлого года в Тамбове мои фэны устроили небольшой фейерверк. Открыли крышку огнетушителя, пена полетела на сцену, я вся вымокла, ужасно испугалась, даже охрипла от страха.

— Чем ты любишь заниматься помимо музыки?

— Люблю просто сидеть дома и принимать гостей. Люблю готовить. Обожаю игрушки. В каждом городе их мне дарят...

— Что ты ненавидишь?

— Одиночество. У меня всегда, как ты знаешь, полно гостей. Но если никого нет, то рядом моя собака, кокер Майк.

— Ты хочешь детей?

— Конечно, это же мечта любой женщины. Мне кажется, если бы я не была артисткой, я была бы хорошей домохозяйкой, сидела бы дома, воспитывала бы детей...

ПРОКАТИЛАСЬ ДУРНАЯ СЛАВА...

Народный артист России Александр Малинин (настоящая фамилия Выгузов), известный своими песнями патристического содержания, отказался принять участие в фестивале искусств «Пробуждение». Причина?

Певец — по словам директора фестиваля Игоря Королева — был согласен выступать только за СКВ.

МАМЛЕЕВ — ПИШЕТ, ПУБЛИКА — МЛЕЕТ

В галерее «Возрождение» состоялась презентация книги «Вечный дом» популярного писателя русского зарубежья, члена ПЭН-клуба Ю.В.Мамлеева. Презентация прошла в духе сюрреалистической, потусторонней прозы Юрия Витальевича. Вечер вела некая

ВЫ ХОТИТЕ ИМЕТЬ ЗДОРОВОГО РЕБЕНКА?

Детское отделение «Медицинской лиги» готово Вам в этом помочь.

В однодневном хирургическом стационаре оперируют детей по поводу:

- все виды грыж, варикоцеле, крипторхизм, фимоз, водянка яичка, опухоли кожи и подкожной клетчатки, ритуальные обрезания;
- глазные операции: близорукость, птоз, косоглазие, дермоидные кисты, холязион;
- ортопедо-травматологические операции: рубцовые контрактуры пальцев кисти, стоп, сросшиеся пальцы, добавочный палец, застарелые повреждения сухожилий сгибателей кисти, неправильно сросшиеся переломы и др.

Мать находится с ребенком, и через 3—6 часов они отпускаются домой.

Работает прививочный кабинет для детей, состоящих на учете у невропатологов, аллергологов и других специалистов. Врач-иммунолог подбирает календарь прививок индивидуально и при необходимости их проводит на месте.

Наш адрес: 117607, Москва, ул.Раменки, д.27, детская поликлиника № 13, консультативный центр.
Проезд: ст.метро «Проспект Вернадского», авт.715 до остановки «Магазин «Спорт».
Телефон: 932-54-01

ЛУКЬЯНОВ И БРАТ

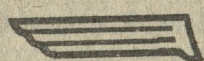

☎ 949-70-73 факс: 949-70-73

Купят у ВАС:

тонер 1215, рико M100
картриджи ЕПС, ЕПЛ, А15, А30, 1215
селеновые барабаны
дисководы 3,5 и 5,25 дюйма, мониторы, принтеры

Кто не помнит крылатого призыва:
«Летайте самолетами Аэрофлота!»
Как будто у нас были другие авиакомпании.

И ВОТ ОНИ ПОЯВИЛИСЬ

Авиатранспортное объединение
«ИМПУЛЬС-АЭРО» авиационной компании
«Полет» занимается грузовыми и
пассажирскими перевозками российских и
зарубежных бизнесменов над территорией
СНГ.

«ИМПУЛЬС-АЭРО»

- Берет на себя заботу о страховании.
- Страховой договор заключается с каждым пассажиром в отдельности.
- Страховка зарубежных бизнесменов может достигать 75 тыс. долларов согласно Женевской конвенции.
- Услугами компании пользуются многие зарубежные фирмы, в том числе французская нефтедобывающая фирма «Эльф».
- Самолеты «ИМПУЛЬС-АЭРО» работают в режиме такси. И летят согласно Вашему маршруту.
- Если Вы не хотите расставаться с Вашим автомобилем — можете взять его с собой в полет. Компания также может арендовать для Вас автомобиль или микроавтобус.
- В недалекой перспективе будет налажена радиотелефонная связь с землей во время полета.
- На борту горячее питание, вода и ликеро-водочные напитки.
- Компания гарантирует отличный сервис.
- Что может быть удобнее для делового человека, чем чартерные рейсы?

Наши контактные телефоны: (095) 556-54-83, (095) 166-21-00 (факс)

Уважаемые господа!

ВАШ ОФИС — ВАШЕ ЛИЦО

и если Вы хотите со вкусом и современно обставить его элегантной мебелью для Ваших сотрудников и клиентов, то общество «Тринити» приглашает Вас на выставку-продажу офисной мебели из Швеции.

Вам будут предложены комплекты офисной мебели современного дизайна, изготовленные лучшей шведской фирмой «ТУААВ», являющейся ведущим поставщиком этого товара на европейском и мировом рынке.

Цены, в которые входит доставка мебели в г.Москве, ниже европейских.

Добро пожаловать!

**Наш адрес: Москва, Ленинский проспект, д.64,
магазин «Мебель». Телефон 137-02-91**

**Выставка открыта с 10 до 19 часов
ежедневно, кроме воскресенья.**

TRINITY

Фирма «Тринити» приглашает Вас посетить магазин «Подарки» по адресу: Тверская-Ямская, д.7.

У нас широкий выбор товаров высокого качества производства ведущих мировых фирм:

- аудио- и видеотехника
 - электробытовые приборы
 - ювелирные изделия
 - часы
 - мужская и женская одежда.
- Оплата в СКВ.

Тринити-графикс

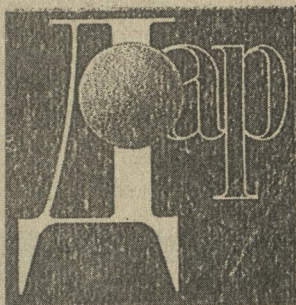
это печати и штампы в компактной оснастке с уникальным набором шрифтов;
это визитные карточки современного дизайна на всех языках мира;
это фирменные бланки, факсимиле, экслибрисы, монограммы;
это срочное изготовление Ваших заказов.

**Адрес: ул.Б.Серпуховская, д.72, стр.2
Тел.: 237-51-35, 125-44-73, 202-26-62;
ул.Чернышевского, д.47/24**

ЕЩЕ ОДИН МУЛЯЖ

Журнал «Дар», № 1, 1992

Подражание чужим формам при отсутствии содержания — давняя российская традиция. Нынче она соблюдается все чаще при помощи создания новых органов печати. Первый номер нового «литературно-художественного» журнала «Дар» — это неуклюжее поползновение продолжить на нашей почве дело Хью Хафнера, создателя знаменитого «Плейбоя»:

интеллектуальные интервью чередуются с неприязнительными ню, лагерная проза Андрея Синявского — с описанием похождений советской стриптизерки в Югославии. Есть и собственные находки: вместо обнаженного женского тела на вкладке, которую можно вырвать и повесить над кроватью, — Никита Михалков в белом костюме. Весьма оригинально обозначен и адресат нового издания: на его обложке крупно набрано «журнал для талантливых». За одно априорное признание дарований потенциальный читатель мог бы простить многое, если бы в своем кредо издатели «Дара» не уточняли, что одновременно это «журнал для себя, для собственного интереса». Словом, для себя, талантливых. Создатели нового журнала, отпечатанного на приличной бумаге в Чехословакии, явно подэкономили на макете, удивляющем банальностью, но, демонстрируя «собственные интересы», пытались взять реванш по части фантазии, использовав набор имен, который действительно поражает воображение: Кушнер соседствует с Газмановым,

отец Александр Мень — с «лав стори» Есенина и Айседоры Дункан, Михаил Эпштейн и Шнитке проложены интервью с супругой Константина Борового. Винегрет приправлен посланием Патриарха всея Руси и программной статьей Андрея Нуйкина, из которой мы узнаем, что «у нас о многих важных сторонах жизни нет особых журналов». «Дар» обещает восполнить эти пробелы, причем гарантирует, что «не станет поднимать на щит Диогена с его парящей над плотскими радостями философской бочкой», что в переводе надо понимать так, что голые задницы будут публиковаться и впредь. Экстраполируя содержание этого номера и рекламу следующего, можно надеяться, что уже в третьем исповедь московской путаны будет оттенена сурами из Корана, а эссе Бродского — главами из личной жизни Аллы Пугачевой. Может быть, будет и кое-что из рецептов полинезийской кухни, а вот выкроек и глав сценария «Богатые тоже плачут», похоже, мы дождемся только на четвертый раз.

Н.К.

ШКОЛЬНЫЙ, ШКОЛЬНЫЙ...

«Твербуль-3, или Школьный театр»
ВОТМ, реж. А.Паперный,
Е.Аршанский

Несколько салонный квазисюрреализм этого спектакля довольно нов для нашего театра. Повествовательное его напряжение держится мифологемой «сна во сне». В этом постоянном «оскальзывании» с текста в сон-текст (как в соп-текст) спектакль решительно «русский»: слишком нечаянна сама действительность, чтобы можно было всерьез удивиться ее призрачности. «Жестокий» мещанский романс, пропетый бродягами, путешествующими в обществе чучела, обрывок какого-то кроваво-авантюрно-пасторального бульварного романа, очень и очень отдаленно напоминающего что-то из Стивенсона

(кораблекрушение, остров)... из Мелвилла (обилие ихтиологических и навигационных сведений)... из Тургенева или Писемского («Мой отец хочет, чтоб я вышла за помещика Назадорова. Я не люблю его...») — все это вплетено в свадьбу в линиям дворе, увешанном бельем. Где, как водится, драка, нож — сбываются романс и роман. Имеется и мертвец — оправдание драмы, единственно и придающее ей смысл. Отказ от «собственных слов», напластование текстов, цитирующих друг друга (так, стараниями звукорежиссера М.Тополева-Солдунова, беспрерывно вибрирует обложенное микрофонами пространство сцены, расслаивая эхом каждое движение, делая его голографическим монументом самому себе), отлично отработанный автоматизм постоянных повторов, жестовых, мизансценических, ритмических тавтологий — все это в пользу спектакля. И все же в спектакле, как говорится, чего-то «не хватает». Может быть — целомудрия. Или такта. А скорее всего сами авторы еще в подзаголовке отказали себе в выходе за пределы прекрасного жизненного периода энциклопедической начитанности, повышенной потливости и обкусанных ногтей.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

СОЦ-АРТ МЕРТВ, А МЫ ЕЩЕ НЕТ

«Чувствительный милиционер»
СНГ — Франция, реж.
К.Муратова

О том, что ребенка, возбудившего «высокие сантименты» в страже порядка, оный нашел в калусте, написано уже столько, что трудно удержаться от этого еще раз. Видно, в свежести такой метафоры есть что-то возбуждающее мысли чувствительных критиков. Д.А.Пригов со своим «Милиционером» тоже закочевал из статьи в статью по тому же калуственному полю, и куда же от них обоих денешься? И собачники

опять творят свое черное, безо всяких кавычек, дело, но уже не наяву, а по телевизору фирмы Sony. И утренняя сценка-ню, когда, торопясь на работу, крутится по малометражке пара не слишком ладно скроенных молодоженов, тоже расписана почти по секундам. Чего же, кажется, в кино-то идти? Однако Кира Муратова, снявшая какой-то не слишком «муратовский» фильм, по-моему, не так сильно заблудилась среди кочанов, милиции и «московского концептуализма», как ее интерпретаторы. Поэтому картину можно и нужно **смотреть**, исходя из нее-самой: она красива, она фактурна, она пластична, она полна почти феллиниевских типажей, она очень точно выстроена визуально, она, в конце концов, снята на отличной пленке. Иными словами, это, конечно же, хорошее кино, а вовсе не комментарий к почившему вместе с ушедшими в небытие десятилетиями соц-арту. Получился не фильм-плакат, несмотря на несомненную и тесную образную связь с «кухонным авангардом», а, скорее, фильм-опера или фильм-балет, положенный на музыку Чайковского для фортепиано и двух человеческих рук, которая никак не хочет становиться постмодернистским кичем. Если вспомнить опять-таки Дмитрия Александровича, то лучше всего такие строчки: Он жизнь предпочитает

смерти
И потому всегда на страже.
Второе, безусловно, сказано про милиционера, а первое — про всех нас.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

«Чувствительный милиционер»

АНЕКДОТЫ С БОРОДОЙ, УСАМИ И В ПЕНСНЕ

Выставка политических комиксов
Музей кино

Политический анекдот долгие годы был едва ли не единственным способом сопротивления и противостояния, то есть «нашим всем».

Интеллигентский фольклор, фи́га в кармане, за которую,

кинематографистов и журналистов (артист, загримированный под вождя народов), доказывая свою дружбу на деле, раздавал всем присутствующим шоколадные (!) конфеты. А я все ждала, как другой, не менее ценный матери-истории персонаж скажет: «Расстрелять, только сначала чаем напоить». Впрочем, за что? — анекдоты-то с бородой.

Марина КАМИНАРСКАЯ

Фрагмент комикса
Т.Мирзашвили

«ГАЛАТЕЯ-92»

«Действуй, Маня!»
К/с «Дипазон», реж.
Р.Ершов

Предваря просмотр своего фильма «Действуй, Маня!», режиссер Роман Ершов с удовлетворением сообщил, что картина рассчитана на широкий круг зрителей, в основном от 12 до 13 лет, и уже отчасти на них с успехом опробована. Более того, младшее поколение жаждет продолжения столь увлекательного фильма... Порадуемся же за наших мальчиков и девочек, которым так пришлось по сердцу современная интерпретация древнего мифа о Пигмалионе. Время диктует свои правила, и потому Пигмалионом в наши дни стал некий гениальный ученый, занимающийся проблемами искусственного интеллекта. Этаким хилый очкарик Костя Фонарев (С.Бехтерев), из тех, кто охотно подставляет обидчику и правую, и левую щеку, что, по мнению авторов, и является самым веским доказательством его

интеллигентности и одаренности. Он-то и создал электронный робот для борьбы с рэкетом. Но вышла серьезная неувязочка: просили электронного «мэна», а получилась «Маня», плод безумных мечтаний тихони-гения, шалющего при виде фотомодели, запечатленной на снимке со всей присущей ей тупостью взгляда. Маня-Галатея олицетворяет, по мысли режиссера, идеальный вариант современной женщины. Наверное, он прав, предлагая в этом качестве верстообразную великаншу, сшибающую врагам головы, бесстрастно пытающую их электрическим током и пр., пр.

Однако авторам фильма показалось обидным всего лишь таким образом подновить благородный миф. Как обойтись в сегодняшнем мире без политического ракурса? Как не связать, скажем, рэкетиров с кремлевскими партократами, действующими вкупе с современной мафией? Не забыты и знакомые образцы «чернухи», «порнухи», «мокрухи». Бегают по экрану лаковая голенькая Маня. Радуют слух самые крутые словечки... Словом, как же не ждать новых экранных приключений богатырши? Тем более, что в финале она обретает способность к человеческим чувствам (что изображено Ю.Меньшовой с той же обескураживающей актерской беспомощностью, с какой сыграна ею вся роль)?

Эльга ЛЫНДИНА

СКАЗКИ С ХОРОШИМИ КОНЦАМИ

Л.Петрушевская
«Лечение Василия и другие сказки»
ВПТО «Киноцентр»

Всю весну в Киноцентре на Красной Пресне шли разборки: кому он принадлежит? Там же всю весну крутили кино хорошее, очень хорошее и не очень. Там же тогда же в магазинчике «Синема» появилась вышеозначенная книжка с картинками Виктора Пивоварова.

Не пугайтесь сочетания имени автора «Трех деvушек в голубом» и «Своего круга» со словом «сказки» — их вполне можно читать на ночь даже очень маленьким детям. Хотя из той же самой материи, что и свидетельские показания Петрушевской из раздела «суд и быт нашей эпохи», скроились эти нестрашные рассказы с хорошим концом, видимо, из-за него зовущиеся сказками. И если только дернуть за этот конец, то дверь непременно откроется и на станции с поэтическим названием «Сороковой километр» все непонятливое найдут то, что так долго искали, а колокольчик будет звенеть, пока колдун не спасет маму с собачкой, и дочь непременно успеет завести часы, чтобы мать продолжала жить-поживать, а к деvушке

Людмила
Петрушевская

Нине вернется все, что у нее было, включая огромный нос, но и он совсем не помешает «счастью в личной жизни», а телевизоры наконец-то погаснут, и все выйдут гулять — чтобы встретиться поскорее, а грузовик с врачом улыбнется друг другу... Наверное, когда произойдет самое последнее из перечисленного, кино в Киноцентре, кому бы он ни достался, будет только очень хорошее.

И.Л.

впрочем, могли и посадить. Увы, в последнее время анекдотов не стало. А жаль, можно подумать, все уже так хорошо. Зато появились комиксы — некогда пошлое развлечение растленного Запада, катящегося, известное дело, в пропасть. Вот и мы, в меру растлившись и набирая скорость в движении под откос, завели собственные комиксы. И оказалось, что на российской почве даже это, глуповатое, на мой вкус, дело можно облагородить, если привить к... политическому анекдоту. Что блистательно доказал Тенгиз Мирзашвили, проиллюстрировав трилогию Юрия Борева «Краткий курс истории XX века в анекдотах и мемуарах по чужим воспоминаниям». В удачности результата может убедиться каждый на выставке политических комиксов в Музее кино. Но только те, кто побывал на вернисаже, смогли прибавить к боревской сталиниане новый замечательный анекдот — выставку открывали сами товарищи Ленин, Сталин и Берия. При этом лучший друг

Наталья ИВАНОВА

«ПЛАТА БЫЛА ОБЪЯВЛЕНА ВПЕРЕД...»

Рассказывают, что в начале 60-х, во времена расцвета нашей первой и, увы, такой короткой весны, в отдел прозы журнала «Новый мир», где сотрудничал тогда Михаил Роцин, пришел ныне покойный Валерий Осипов (автор сценария «Неотправленного письма») и принес свою самую нежную повесть «Серебристый грибной дождь». Когда через месяц Осипов явился за ответом, Роцин (тогда они еще не были друзьями), возвращая ему отвергнутую рукопись, снисходительно добавил: «Сейчас надо писать с подтекстом слева...»

С тех пор много воды утекло, но психология отношения к литературе как к служанке идеологии живет. Я не хочу сказать, что в одних редакциях обязательно держат ухо востро на «подтекст слева», а в других — справа. Но все еще трудно для многих относиться к литературе как к литературе. И виновата в этом отчасти она сама. Ибо она самоубийственно настойчива в своем тяготении к журнализму, публицистике, идеологии. Вернее, так: идеологический по сути своей текст сплошь и рядом притворяется литературой. Имитирует.

Да-да, именно повесть «Имитатор» Сергея Есина я вспомнила, читая новое его произведение под названием «Стоящая в дверях» («Наш современник», 1992, № 4).

«Имитатор», написанный с явным «подтекстом слева» и опубликованный «Новым миром» на излете брежневских

времен, вызвал, скажем так, некоторое оживление в литературных и околитературных кругах. О чем спорили? О чем говорили? Не о литературном качестве, а прежде всего — о прототипах. Повесть была написана на грани другого жанра. Кто-то утверждал, что мы имеем дело с памфлетом, а кто-то пустил словечко: пасквиль. Гадали и разгадывали, тем более что не трудное это было занятие, отчасти даже приятное, щекочущее, как бы. Возвышавшее разгадывающих в их собственных глазах (все сплетни знаю, всю подноготную вижу — перемигивалась осведомленная публика). Герой — да, конечно же, это почти Глазунов! А героиня — да, наверняка списана с Джуны... нет, не совсем... А у кого это недавно жена умерла? А муж? А зять, отправленный по влиятельному знакомству оформлять икс-игрек-руанское посольство?..

В повести были свои находки и свои провалы; что-то получилось лучше, что-то совсем не получилось; что-то было выписано потоньше, а что-то накручено совсем грубо, но дело, повторяю, было не в тонкостях литературных. На фоне монументальных соцреалистических эпоей ехидное перо С.Есина, да еще и пишущего с намеками, с подковыркой, с укусами... нет, как хотите, а задевало. Тем более, что укусы-то были отнюдь не смертельными.

Так вот: герой-художник, сладострастно исповедующийся во всех своих мерзостях, моральных (и не только) преступлениях перед читателем (именно этот «допуск» и оставил, помнится, кри-

тику в недоумении: ведь подлец подлецом, а почему-то исповедуется), поведал и о своем творческом методе. Рисовал-то он, оказывается, по фотографиям. Делил фотографию высокопоставленного портретируемого лица на квадратики и с них срисовывал. Не художник — имитатор. И С.Есин написал об этом методе — имитации — достаточно лихо. И зло. Но..

Не захватил ли изображенный творческий «метод» отчасти (отчасти!) и самого автора? Он ведь тоже как бы поделил прототип (или прототипы) своего героя на эти самые «квадратики» и почти досконально воссоздал деяния (и злодеяния) своего художника! Очень даже узнаваемого: здесь бровь, а здесь — глаз; здесь — деталь из личной жизни, а вот и из общественной...

Повесть (памфлет? пасквиль?) была написана (и напечатана) в те времена, когда она казалась свежим словом, хотя смелость ее, повторяю, была лимитированной.

Что было потом?

А потом были не то чтобы удачи. Публика, захваченная «Имитатором», в новые времена в авторе быстро разочаровалась. Публикации в «Знамени», скроенные по колодке «Имитатора» (например, «Соглядадай»), и вовсе оставили читателя равнодушным. Критика глухо ворчала. То, что казалось смелым раньше, теперь на смелость явно не тянуло — время намеков безвозвратно прошло.

А еще потом... еще потом вместо прозы пошли публицистические статьи, в частности в газете «Правда», где С.Есин более чем скептически и даже очень раздраженно оценивал культурные достижения нового периода.

...Читаю новую повесть Есина и не перестаю изумляться живучести так лихо обозначенного им метода. Теперь уже, правда, автор портретирует не одно значительное лицо, а целый исторический момент. И тоже, как и его герой, делит изображаемое на «квадратики». И тоже пытается тщательно срисовать картинку. Но — насыщает ее совсем иным, выгодным для авторского замысла, как говорили раньше, тенденциозным содержанием. Квадратики располагает по-своему.

Предметом изображения стали три дня в августе: 19—21-е. Поведение и самосознание людей, собравшихся у стен «Белого дома». Людей, крайне несимпатичных автору.

Есин написал вещь, как говорили в старину, «абличительную» — антигигиенический пасквиль. В данном случае получились «Бесы» для бедных, «Бесы», вызванные к жизни новой конъюнктурой, новой расстановкой сил на новом идеологическом рынке. (С учетом спроса на «полоуху» — здесь и «детской» эротике нашлось местечко — «Наш современник» не побрезговал картинками нимфеточного прошлого героини: «Разве пристально не начнет рассматривать свой лепесток, нежный и мягкий бутон, который источает загадку?... меня интересовали открытия, сделанные вместе с мальчишками в подвале на куче каменного угля... Плата была объяв-

лена вперед» и так далее.)

Итак, «бесы», развратители — это, конечно же, по Есину, демократы, прогрессисты. А чистые душою спасители-охранители — это ветераны-коммунисты. Хорошо бы с национал-патриотическим оттенком (недаром имя охранителя устоев, полудворянина-полукоммуниста — Серафим). А посреди тех и других — Людмила, глупая героиня (эдакий символ современной России), которую «прогрессисты» нагло используют. Морально, интеллектуально, физически — всячески. Только вместо Черномора ее перехватывает некий Казбек (имя тоже говорящее, символическое, кстати, и сына-то его зовут не абы как, а Султан: берегись, Россия!).

По замыслу Есина, три августовских дня и две ночи у стен «Белого дома» пили водку, трахались и веселились кооператоры и «кавказцы». Для «кавказцев», кооператоров, а также персонажей с явно еврейскими именами момент был решающим: смогут ли они открыто взять власть в свои руки или придется опять заняться «теневой экономикой»? Остальные пришли туда, как на тусовку, — познакомиться, развеяться, поесть бесплатных пирожков.

Для обычных же, нормальных, по Есину, людей августовские события означали крушение будущего. Крушение «светлого завтра».

А дурочку-героиню, «демократку», ничего не понимавшую в происходящем и ховившую на митинги, дабы найти там себе ухажера, опять-таки употребили. А после употребления — отбросили как ненужную ветошку. В конце повести, осознав свое унижение, она воет, закрыв лицо подушкой.

Повесть написана торопливо, неряшливо, скомканно; каких-либо иных задач, кроме политических, автор и не преследовал. Ему нужна была беллетризация известной по нынешним национал-коммунистическим сходкам и лозунгам навязчивой идеологии. Спорить с идеологией бессмысленно; можно только сожалеть о небезлестном авторе, польстившемся на метод своего героя.

По дошедшим до меня сведениям, С.Есин только что стал ректором Литературного института. Отвечая на вопросы корреспондента, он заявил, что для него не существует ни левых, ни правых, что «ректор ни при каких условиях не должен вступать ни в какие группировки», что «все остатки» от его «политических пристрастий растаяли под гнетом... ответственности». И уж с особой гордостью представил себя в качестве основателя «Клуба независимых».

Что ж, если самое последнее, «горячее», его сочинение под названием «Стоящая в дверях» есть свидетельство независимости, то тогда я отказываюсь понять, чем она отличается от однозначной политической ангажированности.

А о литературе, увы, нам опять не довелось поговорить. По одной лишь причине — по причине ее (в данном случае) имитации.

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Если Вы подписались на журнал

«СТОЛИЦА»,

Вы будете раз в неделю получать
свежие новости из Москвы

По вопросам подписки на наш журнал обращайтесь по адресу:

ECONews BOX 378 GENEVA 1211 SWITZERLAND

TEL.41.22-349.04.50 FAX.41.22-349.05.80

	ЦЕНА НОМЕРА В РОЗНИЦУ:	ЦЕНА НОМЕРА ПО ПОДПИСКЕ:
Швейцария	4,90 шв.фр.	3,43 шв.фр.
Франция	20 фр.фр.	14 фр.фр.
Германия	5,60 н.марок	3,94 н.марок
Великобритания	1,90 ф.ст.	1,34 ф.ст.
Другие европейские страны	3,80 ам.долл.	2,68 ам.долл.
Израиль	5,15 шек.	3,60 шек.
США	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.
Канада	4,85 кан.долл.	3,40 кан.долл.
Другие страны	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.

Mr./Ms. _____

initials

Family name

Address _____

Town/City _____

Postcode _____

Country _____

Please charge: Access/Mastercard/Eurocard ☐ Visa ☐

Diners Club ☐ American Express ☐

Card No. _____ Card expiry date _____

Please find inclose my cheque in favour of ECONews ☐

You will receive my payment on your bank account at SWISS BANK
CORPORATION GENEVA SWITZERLAND No. CO.564.491.1 ☐

Signature _____

72 Weeks ☐

36 Weeks ☐

52 Weeks ☐

26 Weeks ☐

Please send this coupon to ECONews Box 378
Geneva 1211 SWITZERLAND

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

ПРИШЛА ОЧЕРЕДЬ ЕВРЕЕВ

Кадр из фильма «Изыди»

Году этак в 81-м на одной из вгиковских вечеринок меня попросили придумать советский фильм, который я хотел бы посмотреть. Ответ, помнится, был такой: действие должно разворачиваться в 1950 году, герои — двое юношей, влюбленных друг в друга, при этом один из них еврей, другой — офицер МГБ. План сей вызвал всеобщее возбуждение. Как же — в одной картине разом три самые запретные, самые невозможные темы: сталинисты, гомосексуалисты, евреи...

Прошло всего несколько лет, и невозможное стало возможным. Отечественные деятели кино отважились подступить к запретному. Но коммунистическая власть отступала неспешно, отдавала врагу не все бастионы сразу, а один за другим — постепенно.

Сначала, конечно, сталинизм. Оказалось, был такой. Оказалось даже, есть крупная картина про это. Надо только выпустить ее на экраны... Среди причин, по которым сталинская тема исчезла из нашего кино так же быстро, как и появилась, следует назвать особенности эстетической структуры и

нравственной посылки «Покаяния». В каком-то смысле этот фильм, что называется, исчерпал тему, оставив авторам иных работ лишь пространство для вариаций.

Так мы «разобрались» со сталинизмом. Настала очередь евреев. Здесь все пошло гораздо увлекательнее.

Борьба за выпуск «Комиссара» была ничуть не менее героической, чем сражение за «Покаяние», однако результаты победы сил демократии и прогресса были не столь впечатляющими. Внутри страны фильм Аскольдова шел неважно. Революционная тематика плюс устаревшая киностилистика четвертьвековой давности оказались для массового зрителя важнее несомненных режиссерских, актерских, операторских достижений выдающегося произведения. Но главное — отечественному зрителю оказалась, в общем, безразлична тема русско-еврейских отношений, которую интеллектуалы свято полагали едва ли не Самой Важной, Самой Главной, Самой Великой нравственной темой обновленного искусства новой страны. Для массового зрителя «Комиссар» был прежде всего историко-революционным фильмом, а то, что вместо Ленина с кепкой или Сталина с трубкой ему предлагали на сей раз замечательную воительницу и не менее заме-

чательного главу многочисленного бердичевского семейства, имело лишь третьестепенное значение.

Но иное творилось за рубежом. Там буквально обалдели от «Комиссара». Картины не показывали разве что только в Северной Корее. Фестивали, ретроспективы, премьеры, встречи со зрителями — режиссер Александр Аскольдов в одночасье из невезедного стал самым популярным советским кинематографистом. Евреи самых разных стран становились перед ним на колени и целовали ему руки, что, надо сказать, было вполне естественно. Зарубежные кинематографисты на каком-то из многочисленных фестивалей назвали его имя среди тех, чье творчество окажет влияние на кинематограф XXI века, что, безусловно, было преувеличением...

И обо всем этом узнавали совкинематографисты. И все это, конечно, не могло не будить их воображение и самолюбие...

Некоторое время назад в одной из телепередач о кино нам сообщили Страшную Весть. Кинорежиссер Юрий Кара посмел решиться на постановку «Мастера и Маргариты», несмотря на то, что общеизвестно стремление Элема Климова к экранизации данного произведения.

Вспомнил я об этом не для того, чтобы сказать о праве любого режиссера — великого и не очень — работать с любым материалом. А для того лишь, чтобы встал перед нашим взором год 1990-й, когда отечественные кинематографисты ответили на «вызов» Аскольдова залпом из трех картин: «Искусство жить в Одессе», «Биндюжник и Король», «Закат». В основе этих лент лежали одесские рассказы и пьеса Исаака Бабеля. И никто не удивлялся появлению трех фильмов на один сюжет! Наоборот — все этому обстоятельству очень обрадовались и восприняли как ликвидацию запрета на изображение жизни евреев.

Всемирный триумф «Комиссара» был обусловлен, кроме прочего, достаточно высокими, несмотря ни на что, художественными качествами, а «Искусство жить в Одессе», «Закат» и «Биндюжник и Король» ими не обладали, что

не помешало их авторам поездить по свету. Пусть не как триумфаторам, но как вполне уважаемым режиссерам, создавшим фильмы на запретную прежде тему. И тогда уж только ленивый не понял, на чем можно сделать международную карьеру или — как минимум — завести более или менее влиятельных западных друзей.

Таким образом, если выпуск «Комиссара» был акцией единичной, то появление этой тройки означало лишь то, что еврейская тема ставилась на конвейер так же, как за два года до этого — сталинская. И конвейер заработал.

Леонид Горовец сделал в Киеве «Дамского портного». Замечательный Смоктуновский заслуженно получил свою «Нику», но режиссер, в попытках преодолеть театральность первоисточника (экранизировалась пьеса А.Борщаговского), обнаружил недостаточное владение профессией. Однако кто приглядывался к таким мелочам? Первый фильм о трагедии Бабьего Яра, сделанный в Киеве, — чего ж вам еще?

«Мир вам, Шолом!», «Все хорошо!», «Рай и три процента», «Отче наш», «Сны об Израиле», «Гамбринус», «Блуждающие звезды», «Взбесившийся автобус», «Попугай, говорящий на идиш»... Документальные, художественные, художественно-публицистические, телевизионные... Давний и современный еврейский быт, российское открытие Израиля и проблемы антисемитизма. Фильмы эти часто познавательны, иногда в высшей степени злободневны. Но никогда — кроме случая «Комиссара» — не высокохудожественны.

Повторяется история с темой сталинизма. Правда, есть нюансы.

Идучи как-то по грязным улицам столицы, обратил я внимание на расклеенные всюду афиши фильма «Изгой». «В главной роли — звезда израильского кинематографа Йосси Полак» — завлекали они. Станный способ привлечения публики, подумалось мне тогда. Полак — хороший актер, и в фильме Владимира Савельева он играет замечательно, но кто из отечественных зрителей подозревает о существовании этой звезды? Я уж не говорю о том, что израильское кино в высшей степени провинциально, и писать на афише «звезда израильского кино» все равно что «звезда кино Румынии», скажем.

О редком фильме последнего сезона столько говорили и писали, сколько о картине Дмитрия Астрахана «Изыди!». Восторженные рецензии, телепередачи, возмущение по поводу того, что негодяи прокатчики не демонстрируют выдающееся произведение. Один из главных призов фестиваля «Кинотавр», приглашение ленты на элитарный киносмотр в Заречном, снова возмущение — уже по поводу того, что «эти снобы» не

нашли для фильма ни одной награды, сетования на недостаточную торжественность премьеры в Доме кино, традиционные разговоры о широкой демонстрации ленты на Западе, приз актеру на фестивале в Токио, выдвижение на соискание «Ники» и даже... предложение американской Академии киноискусства рассмотреть картину как претендента на «Оскара».

Ситуация совершенно фантастическая.

Конечно же, выражаясь ленинским языком, картина Астрахана очень современная, политически и психологически необходимая. Обязательно должен был появиться фильм о том, что антисемитизм не присущ русскому или украинскому народу, как и любому другому на Земле, а властям в определенные исторические моменты очень выгодно разжигать в массах ненависть к Чужакам, роль которых отведена евреям историей.

Но, с другой стороны, как же можно не обращать внимания на архаичность художественных средств? На театральную мизансценированность эпизодов, на очаровательную старомодность многих актеров, на то, что финальная сцена ориентирована на классические образцы соцреализма? Последний план Мотла Рабиновича, встающего со своими славянскими друзьями на пути «черной сотни», безудержным пафосом вызывает мгновенные ассоциации с «Матерью» Пудовкина, «Арсеналом» Довженко, «Коммунистом» Райзмана, но не поднимается до уровня этих картин.

В общем-то люди, считающие фильм «Изыди!» выдающимся только за то, что

в нем высказаны вышеназванные идеи, правы. Первостепенное внимание к любому рода меньшинствам есть один из главных признаков демократического общества. И если раньше у нас награждались ленты, наиболее точно соответствовавшие принципам «развитого социализма», то теперь пришла очередь «буржуазно-демократических» ценностей. Конечно, хотелось бы, чтобы люди искусства награждались за искусство, но, с другой стороны, уж если американцы порой выдают награды, весьма по этой части сомнительные, то от нас-то чего требовать? Можно лишь предостеречь от гипертрофированного интереса к меньшинствам, столь характерного ныне для Америки. Иван Макарыч и Рувим Соломоныч абсолютно равны в том смысле, что имеют равные права в обществе. Второй может быть более (или менее) интересен лишь как личность, но не потому, что его исторические предки пережили геноцид, погромы и репрессии. Только такая постановка вопроса гарантирует нас от геноцида, погромов и репрессий в будущем.

А что же третий компонент художественной структуры фильма, придуманного мной в 1981 году? О нем пока сказать практически нечего. Представители гомосексуальных меньшинств возникают на наших экранах лишь изредка, как юмористические фигуры фона. Впрочем, в Петербурге, кажется, уже началась работа над серьезным фильмом про гомосексуалистов. Так что лет эдак через пять можно будет дописать историю «запретной» картины, загаданной еще при социализме.

Кадр из
фильма
«Дамский
портной»

Валерий ТУРОВСКИЙ

НА ПОЛПУТИ К УСПЕХУ

Я получил от друга письмо, которое из Израиля в Россию шло всего лишь каких-то полгода. «Иду по рынку, заваленному жратвой, которая буквально ничего не стоит, и почти все время представляю себе наши московские универсамы — уже, наверное, и не представляю».

«Отчего такая несправедливость?» — спрашивает далекий близкий друг. Чем провинилась Россия перед Творцом, что произвел ее в свое самое любимое дитя? И почему в крошечном Израиле, где населения вполонину меньше московского, на пепелище, на пустом месте, только успевая отстреливаться от «друзей»-соседей, создана меньше чем за полвека европейская цивилизация?

«Модная» нынче в печати и на телевидении «еврейская тема» в апрельском телефизре заняла очень заметное место. В апреле завершился документальный сериал «Сны об Израиле», а в канун иудейской Пасхи прошел трехсерийный фильм израильских кинематографистов «Огненный столп».

Взятые вместе, просмотренные встык, эти работы дают законченный ответ на вопрос: «Почему?». Потому что трудятся и любят трудиться, потому что знают цену отвоеванной свободы, знают, что живут в СВОЕЙ стране и жить будут долго. Теперь уже — всегда.

После цветущих, пламенеющих пейзажей Израиля, про который нам всю дорогу ввали, что «сионизм — это расизм», особенно больно и печально смотреть на российский разор, разруху и тщету, безнадёгу. «На задворках России» называется одна из передач Российского канала. Нет, слугавили авторы передачи, заменив помойку более изящным эвфемизмом. И сколько этих российских помок от Магадана до Рязани — с их неухоженностью, с психологией временщиков, махнувших на себя, горемычных, рукой? «Только и остается, что прийти к «Белому дому» да и подпалить себя», — без аффекта, буднично так и так страшно говорит магаданский старатель.

А в это время идет-волнуется съезд антинародных депутатов, который так и не решился решить крестьянский вопрос. И сколько бы этих «Крестьянских вопросов» ни задавало Российское ТВ, без вопроса о собственности на землю мы так и будем топтаться в сенцах мировой цивилизации, являя свету тупое упорство и скудоумное упрямство.

На обоих российских каналах стал очень заметен момент творческой усталости и творческого потускнения. Это общая для всех искусств тенденция. С какой это стати в стране, где ничто не работает, а то, что работает, работает плохо, с чего бы вдруг в этой стране взяться замечательно работающему телевидению? Неоткуда ему взяться и нечего от него требовать того, что оно не может дать по определению.

И если до 18 августа прошлого года телевидение работало на сопротивлении материала, на сопротивлении ненавистной системе и стяжало на этом попрание немалый творческий и политический капитал, то с распадом цензуры, когда, пожалуйста, говорите и делайте, что хотите, вы никого не боитесь, но и вас никто не боится, — тут-то, с разрешенностью и вседозволенностью, стала происходить заминка. Когда можно стало делать все, то в воздухе повис вопрос: «А что нам с этой чертовой свободой делать?»

Телевидение далеко не всегда может серьезно ответить на этот немудрящий вопрос. А несерьезно — может. Тому доказательством — гомерическая, самопародийная телепередача «Оба-на». С набором отменных острот и шуток, с фонтаном издевательского пародирования собственных штампов и стереотипов, она вселяет уверенность, что здоровые силы на ТВ еще не перевелись. Если телевидению достает вкуса и бесстрашия шутить и издеваться над самим собой, то дела, пожалуй, не так уж и плохи.

А как замечательно на Российском ТВ провели презентацию творческого вечера гениального украинского актера Богдана Ступки — вот истинный

праздник искусства театра и искусства телевидения, вот настоящие именины сердца!

Но, к несчастью, на один яркий пример приходится не один тусклый. Скукой и тоской веяло с подмостков Томского театра «Скоморох» на платоновском «Котловане»; собранные в одной теплой компании Сергей Юрский, Леонид Филатов, Александр Калягин и еще целый ряд актеров-первачей так ничего самобытного из своего благородного собрания не выдавали, предоставив своих «Игроков-XXI» как вялотекущее, малоинтересное скоморошье действо. Бывает же так, что от сложения талантов их сумма уменьшается. Господа артисты извоили шутить унылые шутки, а в итоге одна лишь досада и неловкость.

Вообще с шутками на телевидении очень хорошо, как в уже упоминавшейся «Оба-на», то очень плохо. Есть на Российском канале такая обманчиво-смешная передача «Фарс-мажор». Ерническая, местами забавная, она могла бы ненадолго скрасить наши темно-серые будни, если бы... Если бы предметом ее издевательств не стал такой монстр, как КГБ. Сейчас невелика доблесть выступать в роли маленькой собачки, которая кусает труп не ею убитого льва. Впрочем, никто еще не доказал, что лев убит, он только тяжело ранен и оттого еще более опасен. Да и как-то не шутятся у меня шутки вроде тех, что отныне в подвалах Лубянки, переименованной в малое предприятие «Феликс», введены платные услуги. Там сейчас за рубли могут пристрелить просто и без затей, а за СКВ так убьют, что всю жизнь будешь помнить. Мрачноватый, согласитесь, юмор и очень неубедительный.

Я битый час пытался выяснить в «Останкине» подробности снятия с эфира авторской программы Никиты Михалкова «Перекресток». «Стоговались» на том, что ее снял главный редактор студии кинопрограмм, якобы маловысокохудожественные достоинства. Очень может быть, что эта передача, как и многие михал-

ковские передачи и михалковские фильмы, была далека от совершенства. Но если цензура пала, то зачем же ей помогать подняться? Тем более что система доказательств у Н. Михалкова, как я понял, далека от сокрушительной. Состоял Владыка Питирим на службе у КГБ или не состоял — это еще и для Михалкова вопрос. А вот Бурбулис-то курс научного коммунизма читал наверняка.

Когда спор идет на уровне «сам дурак», то как раз делом чести телевидения было предоставить автору саморазоблачительное слово, пусть являет миру простоту и пустоту. А создавать ему ореол мученика и гонимого — слишком много радости, не по чину дают.

По-моему, одно дело в открытую, заблуждаясь и вводя в заблуждение других, читать курс научного коммунизма, а совсем другое дело, когда из-под рясы выглядывает галифе, а на клобуке проступает красная звезда.

Сколь важна для телевизионного ведущего своя собственная интонация, своя тема, свой собственный взгляд, можно проследить на примере двух журналистов — Андрея Караулова и Леонида Парфенова. У Караулова просто врожденный талант любое телеинтервью с любым персонажем превращать в интервью с самим собой, любимым. И главное, ему абсолютно все равно, с кем делать беседу, — лишь бы на гребне скандала, склоки, чего-то жареного или клубничного. С Чурбановым — извольте, с Рыжковым — да пожалуйста, с Майей Плисецкой — и здесь он впереди планеты всей. Майя Михайловна человек сдержанный и интеллигентный, но и та не выдержала, взмолилась, чтобы ее перебивали не так часто, как того Караулову хотелось.

Леониду же Парфенову его герои, прежде всего интересны. И потому со всеми своими противоречиями и заблуждениями они предстают на экране интересными людьми. В беседах с Людмилой Зыкиной и Александром Рудкиным журналист был не так уж чтоб и самобытен. Он вошел в давно опробованную телевидением схему, но со своей, авторской, неповторимой интонацией. Он старается избегать формулировок и оценок своих собеседников. Просто одним взглядом, жестом, усмешкой он дает понять, что эти персонажи — далеко не герои его художественного и политического романов.

По-прежнему очень ровно и на хорошей высоте делается программа «К-2». Мне представляется, что на сегодняшнем российском теленевосклонке — это едва ли не самая устояв-

шаяся, самая осмысленная программа. Впрочем, боюсь, плотное появление в ней Сергея Соловьева может придавить передачу со всей ее командой вместе. Там слишком много массы, много напора, много словоизвержений и натягиваний одеяла на себя. Соловьев человек, бесспорно, талантливый, но без тормозов, без царя в голове. И он все время крутит служебный роман с самим собой, справедливо рассчитывая на горячую взаимность. Догадываюсь, что с таким мэтром, который сам себе режиссер и сам себе редактор, работать просто. Но именно о суровом редакторе и острых редакторских ножницах следует серьезно задуматься команде из «К-2», чтобы не быть погребенными под соловьевской мощью. Иначе, боюсь, «Команду-2» поджидает та же участь, что и останкинскую «Кинопанораму», эту трижды умершую реанимированную покойницу.

Вообще-то хорошо, что телевидение стремится как-то восполнить зрительские знания о наиболее заметных явлениях отечественного и мирового кино. Этот своего рода ликбез просто необходим, чтобы зрители, хотя бы и двадцать, и тридцать лет спустя, смогли бы, наконец, получить представление о работах Алены Рене, Жана Люка Годара, Пьера Паоло Пазолини. И хотя огромной творческой радости от столь поздних знакомств не возникает (все же фильмы стареют стремительно), но рано или поздно упущенное-то наверстывать необходимо. А то так и будем сидеть на голодном пайке «Ленина в Октябре» (мне, правда, больше бы пришлось по душе картина под названием «Ленин в Январе»).

Фильм Михаила Ромма, этот шедевр официозной Ленинианы, был показан в рамках весьма познавательной и поучительной передачи «Киноправда?», которая стала набирать обороты, рассуждать злее, конфликтнее и, что может стать опасным, нетерпимее. Обсуждая картину, киновед Маматова, историк Водолазов и писатель Солоухин камня на камне, кирпичика на кирпичике не оставили от «вечно живого ленинского учения».

Правда, не очень понятно, на кого этот разоблачительный пафос рассчитан. Если на единомышленников ведущих передачи или хотя бы на людей, искренне заблуждавшихся на счет вождя мирового пролетариата и желающих разобраться в извивах его мрачной души, — это одно, и тогда столько пафоса даже не требуется. А если на обзубивших старух и обозленных ветеранов, грудью бросающихся на защиту Музея и Мавзолея, то этих уже не проймешь, не прошибешь никакими аргументами и

фактами. Он для них и сегодня живее всех живых, их последняя сила, их последняя правда, их последнее оружие. Так пусть потешатся напоследок, вспоминая тревожную революционную молодость.

А вот заняться сегодняшними 18—20—30-летними — вот долг и вот задача телевидения, которое получило в наследство исковерканные, закомплексованные, безвольные поколения людей. Неприятные, зажатые, задавленные, истерзанные в очередях за корм — вот коллективный портрет великого и могучего советского народа-победителя. И мне кажется, что передачи вроде «Темы» Влада Листьева, которая от выпуска к выпуску становится раскрепощеннее, искреннее, доброжелательнее, может стать той самой «скорой психологической помощью» для обитателей нашей удрученной страны. Он прекрасно умеет разговорить аудиторию, сделать ее откровенной, когда люди без стыда и боязни рассказывают о самых своих потаенных комплексах и страхах. И тем самым от комплексов и страхов избавляются. Эта «Тема», кажется, может стать темой творческой и профессиональной жизни автора передачи, которая, даст Бог, окажет благотворное влияние на мрачных соотечественников нашего мрачного отечества.

Я сдаю свое дежурство по телеапрелю с чувством некоторого, не очень глубокого удовлетворения. Многие из того, что было на телеэкране, позволяет говорить о том, что местами наощупь, местами вполне осознанно и целенаправленно продолжается поиск собственного лица, собственного языка и, главное, собственной интонации. А ведь точно найденная интонация — и «Итоги» Евгения Киселева служат тому бесспорным доказательством — это половина телевизионного успеха.

В большей или меньшей степени это стремление к поиску своего, собственного, присутствовало в работе апрельского телевидения. Был месяц как месяц — достаточно ровный, обычный, без особых взлетов, но и без вопиющих провалов, в меру скучноватый, как и вся наша сегодняшняя жизнь. А где взять поводов для веселья? Только-то и радости, что хоть что-то стронулось в работе ТВ с точки зрения замедления, что, кажется, ТВ начинает выходить на путь к успеху и проделано несколько уверенных шагов.

НАДЕЖДА БАБКИНА: «ЛЮБЛЮ, КОГДА ЛЮДИ РАДУЮТСЯ...»

Знакомый эстрадный режиссер, услышав, с кем я собираюсь делать интервью, предостерегал: «Ты сошла с ума! Надя Бабкина — это ж чума!»

Но вопреки предсказанию или, наоборот, исходя из него — беседа прошла легко и весело. Встретились мы на репетиции в фольклорном центре — таково новое увлечение Бабкиной. Народная артистка России Надежда Бабкина уже 17 лет руководит хором «Русская песня».

Несколько лет назад она вернулась к первому своему амплу, с которого начинала в ансамбле Д.Покровского, — запела соло — частушки, народные песни, романсы. Концертов и беготни еще прибавилось. Теперь еще центр, тоже «Русская песня».

Фото Т. Кузьминой

— Идея создать центр, конечно, принадлежит вам?

— А то! (Смеется.) Я сначала вообще хотела сделать театр русской культуры на базе ансамбля «Русская песня». Но с театром, увы, ничего не получилось — нет средств. Зато есть центр. Сама ставлю ребятам программы. Поймите меня правильно — я хочу, чтобы было кому продолжить начатое мной дело. Народное искусство — огромное поле для фантазии. Я иной раз уснуть не могу — в голове целыми кусками крутятся отдельные сцены, обряды. Лежишь и думаешь — вот бы инсценировать. По жизни я оптимистка. Обожаю жизнь. Даже когда устану, мне достаточно пять минут отдохнуть, а потом опять «завод» пошел.

— Надежда Георгиевна, а как все начиналось?

— О! История, достойная пера. (Смеется.) Наверное, все начиналось в тот самый момент, когда я появилась на свет Божий. Есть под Астраханью на Волге славное местечко Черный Яр. Я оттуда. У меня отец потрясюще пел и сам аккомпанировал на гитаре. Мама, правда, никогда петь не умела и до сих пор не умеет. Мне нравилось, когда отец пел русские народные песни — протяжные или заводные... Наверное, тогда это все и началось. Я закончила школу, поступила в музыкальное училище в Астрахани. Пока училась, пела в ресторане. Причем все подряд: и современные песни, и народные. И что самое удивительное: меня слушали — не ели и не пили. Просто слушали. А потом один очень хороший человек сказал: «Езжай в Москву, тебе здесь делать нечего». Самое смешное, что в юности мне пророчили меццо-сопрановую карьеру. Я даже арии из опер в училище пела. (Смеется.) А потом в один день взяла да и сорвалась в Москву. Оставила дома записочку и уехала.

— Вот так просто взяли и уехали?

— Конечно же нет. Это сейчас, спустя годы я так легко рассказываю об этом. Вообще-то воспитывали нас строго. Дома всегда был кнутик, и мы с братом — чаще всего я — его от отца прятали, а отец почему-то его всегда находил. Брат-то у меня тише воды ниже травы...

Сейчас ему генеральскую должность дали. Как-то у нас с ним одновременно все получается в смысле продвижения по службе — я получаю народную артистку России, он генеральскую должность... Что-то я немножко отвлеклась...

— **Вы вспоминали, как поехали в Москву.**

— Есть такой фильм «Приходите завтра». Я когда его смотрю — заливаюсь слезами и смехом одновременно. Ведь фрося Бурлакова — это я, Надя Бабкина. Цирк! Приехала Москву покорять. Ни друзей, ни знакомых, я тогда Москву только по картинкам знала, профессора Гнесинки для меня были богами. Подошла к институту — тут прыти моей поубавилось. Столько народа! Я в то время была худющая, коротенькая стрижечка, костюмчик из джерси...

А перед этим я попала в училище имени Ипполитова-Иванова. До сих пор не забуду — девчонки в перерывах между прослушиванием раскрывали свои мешочки, а там сало с луком. И они лопают это сало... А мамаша чья-то бежит и кричит: «Ты яйца сырые пей...» Чума!.. В общем, стала я учиться народному пению в институте имени Гнесиных. Ну а потом моя карьера понеслась хаотично. Все делалось собственным горбом и трудом.

— **А почему вы вдруг запели соло?**

— Видимо, это отголоски детства. (Смеется.) В юности я же пела в ресторане... А если серьезно, то все получилось случайно. В моей жизни вообще ничего по плану не происходит.

В 1990 году я была членом жюри на фестивале в Витебске. Откуда же я могла знать, что организатором фестиваля придет в голову блестящая идея, чтобы вместе в заключительном концерте с лауреатами и члены жюри исполнили песни? А концерт, надо отметить, шел в прямом эфире. Я обалдела. Какой у меня сольный репертуар? Один романс, который мне написал Саша Розенбаум. Пришлось срочно, буквально на ходу за три дня и три ночи что-то придумывать.

По режиссерскому сценарию я должна была спускаться с высокой лестницы на эстраду. Меня объявили, я начала спускаться... И вдруг... у меня из головы вылетел весь текст, а вместо него одна мысль: «Только бы не упасть!» Ноги подкашивались от страха. Дирижер, догадавшись, помог мне спуститься с последней ступеньки. Я вцепилась в его спасительную руку мертвой хваткой, понимая, что сейчас у всех на глазах будет грандиозный провал Нади Бабкиной. А потом подумала: «Да черт с ним. Была не была. Ночной эфир — может, все уже спят давно и никто не увидит...» Вот так с тех пор и пою...

— **Кстати, о репертуаре: некоторые**

вас обвиняли, мол, стащила романс у Малюгина и поет его да еще приплясывает при этом и юбкой размахивает...

— А-а! Действительно, романс «Печали свет...» я услышала в исполнении Саши. Он мне очень понравился, и я захотела его спеть по-своему. Малюгин не возражал. Я спела. Шока никакого не было. Понимаете, я именно так его вижу.

Я не знаю, кто сказал: это — можно, а это — нельзя. Я слышала свадебные песни на похоронах. Они звучали как плач. Разве можно что-либо запретить? Я считаю, что если песня сделана грамотно, вкусно и людям нравится — значит, все правильно.

Еще одно главное условие — исполнитель должен сам кайфовать. Я кайфую. Иначе бы не пела.

— **Что-то мы все о работе да о работе. Может, приоткроете завесу личной жизни? Говорят, что вы не следуете обычному актерскому канону — всю жизнь у вас один-единственный муж.**

— (Смеется.) Точно. Когда-то, много-много лет назад мы познакомились в аэропорту, летели на гастроли. А через неделю расписались. С тех пор и живем вместе. Нашему сыну 18-й год.

Что касается моего быта — так тут скажу сразу: сначала не наладила, теперь уже поздно. Хотя я и не жалуюсь, у меня все хорошо. Просто актерам всегда приходится чем-то жертвовать. Если, конечно, они хотят по-настоящему работать, а не халтурить. Кто-то отказывается от рождения детей, кто-то от замужества... Я же жертвую другим. Спасибо моим домашним, они уже давно привыкли к такой жизни. Наоборот, стараются мне во многом помогать. Когда меня нет, и на телефоне дежурят, и еду приготовят...

Иногда придю домой, усталая как бобик. Володька (это муж) с порога: «Кушать будешь? Я приготовил». — «Да подожди ты, дай немного очухаться». Он обижается. Я немного отойду, поужинаю. «Спасибо», — говорю. А он сквозь зубы: «П-жал-ста». Так и живем.

— **А что вы больше любите делать по дому?**

— Когда выпадает время, люблю убирать квартиру. Делаю это быстро и с удовольствием. У меня от этого поднимается настроение. Хотя в моих условиях не очень-то и развернешься.

— **Неужели у признанной актрисы, народной артистки России плохие жилищные условия?**

— Смотря по каким меркам судить. Трехкомнатная малогабаритная «хрущоба» на первом этаже. Кухня целых 5 метров. А уж коридор-то какой большой! Двум людям никак не разойтись. Недавно было телевидение — так вот им было стыдно смотреть на мою квар-

тиру. А я уже давно смирилась.

Хотя иной раз бывает обидно. Я тут попробовала заикнуться насчет жилья. Мне тут же указали место в ряду. Подумаешь, Бабкина — одна, что ли, в жутких условиях живет? Там вон Тютюкина тоже хочет квартиру. А я точно знаю, что Бабкина — одна. Я всю жизнь пашу и буду пахать, пока сердце не остановится. Но биться насмерть за квартиру я не хочу. И вообще стараюсь уходить от лишних дразг и столкновений. Доказывать что-либо бесполезно. Лучше повернуться и уйти, чем трепать себе нервы и портить настроение. Хотя и в обиду стараюсь себя не давать.

Есть такие поговорки: «Не делай добра, не получишь зла» и «От добра добра не ищут». Мне они не нравятся. Мне надо, чтобы человек ко мне просто нормально относился. А благодарности я ни от кого не жду, а уж когда кланяются да задницу лижут — вообще «терпеть ненавижу». Если такое случается — все, до свидания. Все разговоры закончены. Но если я вижу, что человек искренен, я для него горы сверну.

— **Судя по слухам, имя Бабкиной ассоциируется с шуткой, смехом, куражом и весельем.**

— Все правильно. Обожаю смех, шутку, веселье. Люблю всех разыгрывать. Причем мне важен не столько сам розыгрыш, сколько ответная реакция на него. Нормальный человек правильно отреагирует, если во взрослом человеке сохранилась хоть чуточка детства, не надо стесняться как можно чаще выпускать этого джинна из бутылки. Задор, «завод» должен быть постоянно. Для меня это естественно и органично. Я ничего специально не придумываю, не накачиваю себя. В жизни я точно такая же, как и на сцене. Не люблю никаких масок. Я считаю, что свою судьбу сама себе слепила. Я бы могла нарожать детей, печь пироги, строить заборы, вязать... Песню нельзя пощупать руками. Но мне кажется, как только мы забудем о душе — мы все погибнем.

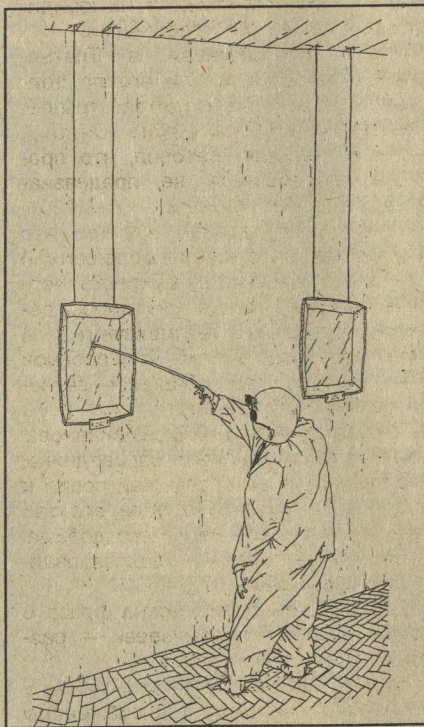
Сцена для меня — жизнь. Отними у меня ее, я завтра же умру. Я выхожу на сцену, смотрю на зрителей, вижу их улыбки. Люблю, когда люди радуются...

Лада АКИМОВА

Николай МАЛИНИН

ПЕРЕЗАЧАТЬ РЕБЕНКА!

**КОГО
И ПОЧЕМУ
НЕ УСТРАИВАЕТ
ПРОЕКТ
ЗАКОНА
О МУЗЕЯХ**

бой мемориал и квартира Маяковского на Лубя... е...

Собственно говоря, этот спор отражает два разных представления о роли музея. Одни считают, что музей — это прежде всего Архив, другие — что Театр. Одни готовы зарыться в пыль веков неметеную и — только чтоб никто над душой не стоял и чтоб тишина была настоящая, музейная. Другим необходимо миганье светомузыки, жизни трепыханье, гроба громыханье, и вообще, чтоб музей был зрелищем.

Театр, я слышал, начинается с вешалки.

С чего начинается музей?

Со старой отцовской буденовки, что где-то в шкафу мы нашли, или с того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять?

Выражаясь профессионально: с коллекции или с концепции?

Если абстрагироваться от политической групповщины, то можно отыскать примеры на оба случая: Эрмитаж и Музей изящных искусств, лю-

Но это — подход абстрактный.

Даже наивный.

Потому что в действительности ни того ни другого — нет.

— А что есть? Можно взглянуть?

— Заходите, пожалуйста. Это

Стол поэта. Кушетка поэта,

Книжный шкаф. Умывальник.

Кровать.

Это штора — окно прикрывать.

И шагом марш до следующей цитаты.

Скучно в музеях, грустно.

Но это только кажется.

И то — посетителям.

Настоящий же музейщик скажет вам, что главное — сохранить. Сбереечь. Донести до потомков.

Ведь музей вроде как причастен Истории? Так пусть История и рассудит. Когда-нибудь. В светлом послезавтра. Потому что пока у нас, как у Фолкнера, понятия «было» не существует. Прошлое — есть. Вон оно, в углу копошится — и ботинком туда, ботинком!

И это парвенюшное бергсонианство не дает нам возможности признать историю за случившееся. Она все еще — случается. Дополняется и переписывается. И потому музей в нашей стране невозможен как жанр. Рано еще, сыро еще.

Впрочем, обиженный хранитель скажет вам, что на интерпретацию просто денег не выделяют. И делать больше нечего, как оставаться поколением дворников и сторожей.

Значит: руками не трогать, за веревочки не переступать, к атмосфере законсервированного вдохновения не приноживаться. Форточки не открывать и в фонды не пущать. Даже собственных научных сотрудников.

И вообще — оставить музеи в покое. Это единственное, что у нас было «как у людей».

Короче, когда был обнародован проект закона «О музейной деятельности и музейных организациях на территории Российской Федерации», как и предсказывала «Комсомолка», разразился скандал.

Конечно, проект выглядит убого.

Во-первых, он начинается со слова «духовность».

Во-вторых, он довольно простодушно повествует о том, как у государства обо всем голова болит и как ему хочется часть своих забот скинуть на чьи-нибудь плечи.

В-третьих, музей в нем приравнен то ли к МП, то ли к А/О. Он может быть в два счета учрежден, в три — реорганизован, в четыре — ликвидирован.

Если приложить к проекту дозиметр допустимой рыночности, он непременно обиженно зачирикает.

Нет, в отношении создаваемых музеев такой подход, видимо, справедлив. И даже неизбежен. Но в отношении существующих...

Вообще в характере законов переходной эпохи — обращать внимание на начало и конец. И плавать на середине. То есть на самое существенное. Типа: умеющий плавать — да выплывает.

Тщательно разработан параграф об организации музея.

Параграф не просто демократичный, а — я бы сказал — демократизующийся по мере прочтения.

Кто имеет право учредить музей? Ну, естественно, «административный орган». Также — «трудоу коллектив». В крайнем случае — достаточно быть «юридическим лицом». А впрочем... Пусть вас! Даже если вы «физическое лицо» (а кто из нас не «физическое лицо»?) — открывайте музей. Дело хорошее.

Ну а что нужно, чтобы учинить музей? «Наличие коллекционного фонда». А ежели нет коллекции? Тогда достаточно «концептуального, программного, научного, экспозиционного и просветительского обеспечения».

Ну а как и концепции нет?

Тогда вполне хватит «желания заниматься музейной деятельностью»! У нас ведь страна ленивых и нелюбопытных, а посему надобно поощрять любое желание.

Резануло в проекте слово «ликвидация».

Уместно ли оно вообще в отношении музеев?

Причин для ликвидации музея предусматривается прорва. Например, «наличие в составе музейного фонда более половины непрофильного материала». Но у всех существующих музеев часть фонда — «непрофильная»! И любой исследователь, привыкший, как капитан к бакенам, к ссылкам (ГБЛ, ГРМ, ГНИМА), с ужасом представит себе, что фонд расформирован — и где искать концы?

Музей может быть упразднен за «отсутствием условия для обеспечения сохранности отдельных предметов». Бог ты мой, это у какого же музея сегодня не течет крыша или не сыпется штукатурка?

А «изъятый в результате расформирования музейный фонд подлежит продаже...». Странно: в первую попытку капитализма молодые русские любители искусства собирали, нынче — мечтают отнять и поделить...

Нет, понятно, что параграф о ликвидации был написан, чтобы дать музеям возможность избавиться от гипсовых лукичей и триптихов на тему «заседание крайкома». Но ликвидация — дело тонкое. И списать в утиль Ремб-

рандта — это только нормальному человеку дикостью покажется. В нашей же стране, где культура самоуничтожения крайне развита, такие вещи — будь объектом Сухарева башня или крымские виноградники — не раз делаются.

А вообще музей это не топор, чтобы швырять его в океан рынка и сочувственно поглядывать: выплывает — не выплывает. Свою помощь государство обещает только в одном случае: «если это обусловлено чрезвычайными обстоятельствами, представляющими реальную угрозу культурному и природному наследию». А какие обстоятельства из сегодняшних не чрезвычайны? И не чрезвычайно ли положение самого государства?

Впрочем, все эти «опечатки» легко объяснимы.

Дело в том, что это даже не проект. Проект проекта. Черновик без подписей и без печатей. набросок, выпавший из пакета законопроектов о культуре. Не прописанный ни юридически, ни даже орфографически.

Однако собравшиеся в Третьяковке музейщики крыли его по полной программе. Руководитель группы, работавшей над проектом, Виталий Колганов жалобно сетовал, что проект-де собравшимся не предназначался. Те дружно смеялись.

Конечно, государство научило нас не ждать от него ничего хорошего. И надуть его (например, выкрасть черновик закона) всегда считалось делом, достойным интеллигента. И слова ораторов о том, что ребенок зачат и потом будет поздно, — звучали вполне убедительно.

И поэтому, когда Алиса Аксенова, директор Суздальского заповедника, заявила: «Дело не в том, как попал к нам этот документ. Но если это так важно — я скажу. Это я его добыла. И не стыжусь этого!» — зал взорвался аплодисментами.

И когда была произнесена фраза о «неприкосновенности музеев» — раздались аплодисменты.

Потом было сказано, что музеи у нас все-таки не были так враждебны мировой практике, как социальное устройство. А пустые залы — это все бездуховность и падеж культуры. А вовсе не бездарность музейная.

Аплодисменты.

Телефонограмма академика Лихачева. «Недостойно жить в стране, правительством которой так относится к культуре».

Овация.

Потом, правда, пошуршав газетами, некоторые наиболее памятливые присутствующие обнаружили, что «телефонограмма» странным образом напоминает многие выступления

академика по поводу минского «Соглашения». А чуть позже и сам Д.С.Лихачев очень удивился, что его пристегивают в какую попало упряжь.

Например, в одну с Невзоровым, который бил в колокола по поводу этого проекта тремя днями раньше.

Понятно, что во дни тягостных раздумий о судьбах родины некоторый консенсус неизбежен, но столь трогательное единодушие удивляет.

И наводит на мысль о тщательном подборе публики.

Неужели никому из пришедших в Третьяковку ничто из проекта не казалось заслуживающим внимания?

Неужели попытка предложить хоть что-то новое — пусть неловко и неосторожно — так уж подла и гнусна?

Неужели им самим не стыдно за пустые залы?

Неужели не страшно за будущее?

Страшно.

За свое.

Ведь собралась в Третьяковке номенклатура. Руководители музейного офицоза. Хранители, которые за 20—30 лет так приносовились к существующему порядку, что воспринимают музей как родной дом. А родной дом — как музей. И очень понятно недоумение главного хранителя ГТГ, которая, рассказав, как 30 лет по углам добро рассовывала, вопрошала: как же теперь со всем этим, а?

Понятно, что их испугало.

Ведь если завтра начнется инвентаризация — а сертификат, предполагаемый проектом, может быть выдан музеем только после нее, — вскроются вещи совершенно невероятные.

Выплывает все то, что годами под прикрытием государственной собственности пряталось, списывалось, продавалось, уходило за границу.

Если, конечно, выплывает...

Потом в музей придут учредители — нормальные люди, которые захотят знать, за что они платят деньги.

Потом попрут энтузиасты, булгаковеды и блоколюбы, захлопают форточки, затрещат ставни, налетит свежий ветер.

Значит, быть кому-то подотчетным, кем-то контролируемым?

И, значит, теперь не министерство культуры, а сами музеи будут выбирать в советский комитет ИКОМ — и такие привычные симпозиумы в Париже, обмен опытом с музеями Бразилии и Сингапура — все это может накрыться?

И, значит, не будет госсобственности — и не на что будет списать и нечем прикрыться? И взять неоткуда?

Значит, конец всей прежней жизни?

Проект суров.

Но это только проект...

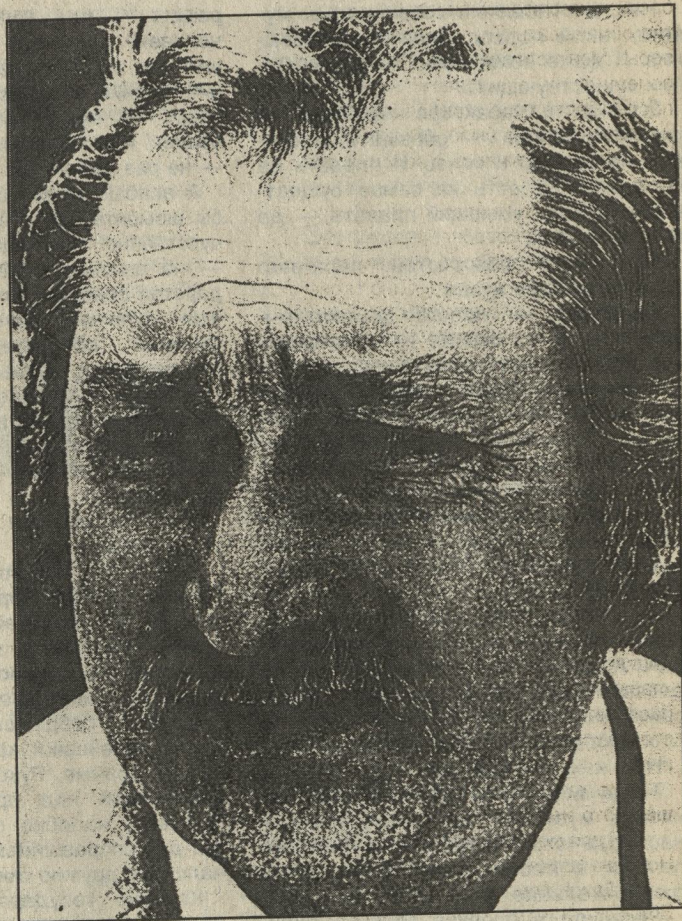
Рисунок А.Червякова

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН:

«ШОУ ДОЛЖНО ИДТИ»

Из авторского предисловия к французскому изданию романа «Место»:

«Роман имеет автобиографическую форму и написан от первого лица... Отдельные детали моей биографии и биографии Гоши Цвибышева, от имени которого ведется рассказ в романе «Место», совпадают. Но в том-то и дело, что в одних и тех же обстоятельствах, под воздействием одних и тех же мыслей и чувств люди могут действовать совершенно по-разному. Если бы автор позволил себе действовать так, как действует его персонаж Гоша Цвибышев, то он никогда не мог бы написать эту книгу, ибо он был бы не ее автором, а ее действующим лицом».

С анкетными данными писателя Фридриха Горенштейна, чьи книги, опубликованные буквально одна за другой в нашей стране в течение минувшего года, стали «гвоздем сезона», я познакомилась, теперь уже кажется, очень давно, заполняя по-немецки его выездные документы на жительство в ФРГ.

Мать умерла по дороге в эвакуацию. Отец погиб в лагере — его арестовали в 1935-м...

— Причем не просто в 1935-м, а в самом его начале, сразу же после убийства Кирова. Мне было три года, я его не запомнил, фотокарточек его, естественно, в доме не осталось. И впервые я увидел отца, когда мне отдали его дело в КГБ, — тюремный снимок...

— Он был, кажется, родом из Австрии?

— Австрийский еврей из Галиции. Еще мальчиком он воевал на стороне красных, и, когда Красная армия уходила в Россию, ушел вместе с ней...

Он был профессор экономики. Взялся с еще несколькими профессорами доказать нерентабельность колхозов. Глупее придумать нельзя! как будто колхозы были созданы ради рентабельности!.. Вот их всех и арестовали — за «саботаж в области сельского хозяйства». Особенно активно участвовала в их разоблачении одна дама, кажется, кандидат наук, но при этом еще и сестра Постышева...

— Вы знали в детстве, что случилось с вашим отцом?

— Да, от матери. Хотя вообще она старалась о нем не говорить. Говорила коротко: это — обман. Мне, ребенку, — потому что больше некому было сказать...

Мать была мужественный и умный человек. Она же им еще тогда, после ареста,

бросила партийный билет. Сказала: хва-тит обманывать! Тогда сказала — не те-перь!.. Меня следователь потом спросил: почему ее не арестовали? А она просто после ареста отца скрывалась. Иначе бы ни ее в живых не было, ни меня...

— Как вам жилось с мыслью об от-це?

— Плохо. Приучился ко лжи, скрывая от всех эту подробность моей биогра-фии. Поэтому и вырос со лживым характе-ром. И принятие режима было, конечно, полным. А что, думаете, я сегодня скажу, что был вундеркиндом? Человек должен быть в молодости глупым. Вундеркиндам я не верю. Только музыкальные вундер-кинды бывают, а в молодости каждый че-ловек должен пройти через глупости...

— Справку о реабилитации вы полу-чили?

— Да, в конце 50-х... Но это смешно все. Хотя тогда — не смешно.

— Отец умер в лагере или был рас-стрелян?

— Да кто у них там в их делах может по-нять? Есть в «деле» отца и приговор, и ме-дицинское свидетельство о смерти — «паралич сердца». Но мне сказали, что это распространенная формулировка рас-стрела... Теперь это все не имеет значе-ния.

— Но для вашего героя Гоши Цвибы-шева это имело значение.

— И для меня имело значение когда-то. Но Гоша Цвибышев — это не я.

— Даже при том, что его судьба — очень типичная? Ведь дети «врагов на-рода» чаще вырастали нравственно увечными, искалеченными...

— Да, но дело в том, способен ли вооб-ще человек на нравственное очищение и возрождение. Гоша Цвибышев смог пройти этот путь. Почему герой именно та-ков? Достоевский, описывая убийцу Рас-кольникову, испытывал к нему симпатию. Почему же мне не испытывать симпатию к человеку, который прошел через такие физические унижения и нравственные низы и все-таки, через все это пройдя, дойдя до какого-то паралича своей дея-тельности, возродился для ее осмысле-ния — а значит, возродился к жизни. Так что в конце пути у него не тупик. Он — па-рализованый, которому бог дал речь и по-мог приподняться...

Из предисловия к роману «Место»:

«Роман четыре года хранился в ящике стола в Союзе и семь лет на сво-бодном Западе, но теперь он может быть особенно актуален, ибо теперь многие его персонажи, смутно мель-кавшие в хрущевском полусвете и брежневской полутьме, стали ясно различимы»...

— Фридрих, как вы сами объясняете

природу этого своего предвидения? Например, то, как точно описана была вами организация типа «Памяти» — вплоть до униформы?

— Люди не обращали тогда на это вни-мания, а все абсолютно было на месте. Просто тогда это было теснее связано с какими-то государственными и партий-ными структурами. Корни, лица — это я не фантазировал, я их знал, я их видел. Я знаю их с 50-х годов, ничего нового. Может быть, только форма организации? Впрочем, ор-ганизации были и тогда. Игорь Огурцов, например. Вы что думаете, он один был? Я их видел, кое-где бывал... Присутство-вал... Конечно, это было отчасти в ином ключе, многое домысливалось, но основа существовала. Нет, я не фантазировал. Ведь даже и пророк прорицает не из воз-духа, прорицать — значит видеть уже вы-росшим дерево из конкретно существую-щего ростка.

— Одна из ключевых для вас тем — то, что есть судьба евреев в России, то, в ко-го они здесь превратились к концу XX века, и то, что их здесь ждет. Мое детст-во в московском дворе в 50-е началось с яркого представления об антисеми-тизме...

— Оно здесь было ярким всегда.

— Но все же эти яркие впечатления — не тот кошмар, который вы описываете...

— Вы имеете в виду активную поддерж-ку немецких акций против евреев?

— Да; вот у вас в пьесе «Бердичев» один из персонажей спасает свою же-ну-еврейку — правда, чтобы потом ее до смерти затравить...

— Так это редкость была. Люди жизнью рисковали. Ведь немец за партизан не так наказывал, как за еврея. Так что требо-вать от людей добровольной жертвы... Речь идет не об этом, а о массовой под-держке законов, установленных немцем, о радости, а то и непосредственном уча-стии в исполнении... Я должен был сейчас поехать в Киев, на Бабий Яр. В Киеве ведь «Бердичев» в журнале «Дніпро» напеча-тали. Но у меня в Москве столько было дел, что теперь уж я как-нибудь в другой раз поеду...

— В пьесе «Бердичев» есть очень неп-риятный и характерный типаж — трус-ливые приспособленцы, такие «асси-миллянты» из Москвы — Овечкисы, а ан-типод их — главная героиня Рахиль, ко-торая не отрекается от своих грязных бердичевских камней...

— Ну да, Овечкисы, Иволгин-Кац... имя им легион. Но ведь это не только евреи. Просто евреи в России в нашем веке не-прерывно находились в таком состоянии. Любой человек, любой нации, да и в любой стране, попадая в такие условия, пытае-тся маскироваться — это закон природы. И камни — не бердичевские, а библейс-кие. В том-то и дело, что Бердичев — это подлинные библейские камни. Рахиль ведь и есть библейская фигура...

В принципе я считаю, что история ев-рейства в России кончилась. Кто хочет — может, конечно, оставаться, но я думаю, что еврейскому народу надо выходить за пределы славяно-германского котла, из Европы — в Израиль, в Америку. Меня очень огорчают евреи, которые сегодня едут в Германию. Жить тут можно, и это единственная страна в Европе, которая вынуждена принимать евреев... Так что немец с большой неохотой, с кислым ли-цом, но принимает...

— А вы-то как в Германии себя чувст-вуете?

— Морально не очень хорошо, в отли-чие от моей семьи, но я испытываю боль-шой интерес к окружению...

— Когда вы уезжали, вы говорили, что теперь будете писать о Германии.

— Теперь я так скажу: Когда пройду че-рез русскую тему, надеюсь написать нес-колько книг о Германии...

— Судя по вашим последним расска-зам, тема войны вас не оставляет?

— Она и не должна оставлять. Тем бо-лее, что Восточная Европа становится все более немецкой.

— А вы по-прежнему этого бои-тесь?

— Пусть они боятся. Многие немцы по-нимают, что этого надо бояться. А то у них была такая эйфория, будто они спустя столько лет выиграли войну...

— Большинство ваших книг обраще-но в историю — и не только относительно недавнюю, скажем, времен вашего детства, но и в глубокую... Я слышала, Фридрих, что вы заканчиваете сцена-рий фильма о Тамерлане?

— Это заказная работа. Но я всегда к таким вещам отношусь серьезно. Сцена-рий уже написан... Это характер чем-то по-хожий на Ивана Грозного (о котором, кста-ти, сейчас пишу пьесу)... В принципе Та-мерлан был человек не только очень об-разованный, это был человек, обладаю-щий безупречной честью. Рыцарь Восто-ка. И когда он достиг власти незаконным путем — он не имел никаких прав на власть, — через убийство, то он заплатил за это и физически — стал калекой, и морально — стал разочарованным, опустошенным человеком. Достижение власти было его мечтой, и после первого же своего жесто-кого похода он хотел уйти, удалиться от всех, стать отшельником.

Но человек, достигший высшей власти, уже себе не принадлежит.

— Вернемся в Россию. Вы упомянули пьесу об Иване Грозном...

— Она пишется трудно. Я вообще сей-час тяжело работаю. Либо постарел, либо материал тяжелый, либо и то и другое. Я кусочками пишу и написал пока только половину. Это будет очень большая пье-са, страниц на 200. Она называется «На крестцах». Потому что тогда Россия стоя-ла на распутье, на перекрестке, она могла пойти в любую сторону. Другой такой кре-стец был при Петре, когда стоял вопрос о

законности передачи власти. То, что во время Петра был убит наследник, ввергло Россию в пучину политического беззакония.

— Но, по версии наших национал-патриотов, все началось с убийства царской семьи...

— Я не стану восторгаться самим фактом убийства и взаимной жестокостью. Однако Николай II не был безвинной жертвой. Его панславизм вверх Россию в пучину первой мировой войны... Во времена Петра произошло роковое преступление, которое лишило монархическую Россию законности передачи власти. Потом пошли сплошные перевороты: Екатерина II, которая организовала путч против законного государя, до нее Елизавета — убийство Павла, 14 декабря — сплошные путчи. Как можно вообще существовать государству на сплошных путчах?

Из предисловия к роману «Место»:

«Именно мое человеческое и литературное отщепенство, от которого я, кстати, всячески безуспешно старался избавиться, доставившее мне немало трудностей в Союзе, которое после эмиграции, особенно в первые годы, не кончилось, а в чем-то даже возросло, — именно это отщепенство в силу обстоятельств и помимо моей воли помогло мне избавиться, защититься от дурного влияния, на мой взгляд, неплодотворного литературного процесса, единого для Союза и для литературной диаспоры. В литературе, как и в жизни, бывают периоды, когда плодотворен процесс — это время расцвета, но бывают периоды, когда плодотворно обособление — это время увядания. Дорогой ценой приходится тогда платить за попытку обособиться от процесса. Мне кажется, я заплатил такую цену».

— Сценарий о Тамерлане, как вы скажете, — заказная работа. Но я помню, что вы в 1970 году исполняли другой «спецзаказ» — сценарий о Ленине?

— Да, о II съезде партии... Он был по ряду причин запрещен.

— Это была чисто коммерческая работа или вас всерьез занимала личность Ленина?

— Отчасти коммерческая. Но эта фигура не может не занимать. Меня и сейчас она занимает. У меня и замысел есть, но все руки не доходят. О нем и о Плеханове. Я хотел бы написать — но не знаю, как это ляжет на мое время...

— А к солженицынскому Ленину вы как относитесь?

— Отрицательно. Это фальшивый образ. И зачем для суждения о Ленине читать Солженицына? Это же идеолог, Суслов наизнанку. Ведь можно читать, например,

Валентинова. Вы читали Валентинова? Там есть замечательные эпизоды. Зачем же опираться на домыслы, когда можно читать показания очевидцев?

— От Ленина — к Троцкому. И о ваших источниках. В романе «Место», в частности, изложена версия убийства Троцкого. Я хорошо помню, как в конце 60-х именно от вас первого подробно услышала историю Меркадера. Вы читали Дейчера, смотрели фильм? Опирались на западные источники?

— Вы же видите, что моя версия не совсем совпадает с подлинной историей. Помните, у меня была знакомая чилийка? Так вот, в ее кругу я встретил женщину, которая была близка с Меркадером. И версия эта исходит от нее. Возможно, то, что я рассказываю в романе, — отчасти версия самого Меркадера. Мы видим, что часть вещей он скрывал и умышленно лгал, но так оно мной и изложено, хотя какая-то доля истины вышла наружу помимо его воли. Какие-то физиологические вещи — и они, возможно, существенно дополняют эту историю...

— Отношения с матерью?

— Да, к примеру, отношения с матерью. У него ведь был эдипов комплекс, и органы знали о нем и использовали это.

Я однажды разговаривал с самим Меркадером — не об этом, конечно, о пустяках. Я познакомился с ним в Испанском клубе, и у нас был недолгий разговор. Это был очень крепкий, уже седой человек, видно было, что он всем недоволен и огорчен. Он из тех людей, по которым, когда встречаешься, сразу видно: ой, как все плохо! Он так прямо не говорил, но видно было, что у него оппозиция ко всему, что кругом происходит.

— Фридрих, а вы — как, довольны тем, что у нас кругом происходит? Ведь вы приехали в страну, где нет даже томат-пасты, составившей главную часть меню Гоши Цвибышева!

— Не преувеличивайте. Голода нет. Есть социальное расслоение. Но оно и тогда было, просто сейчас оно ничем не приукрашено, оно всем видно. Тогда деньги принадлежали паразитам. Теперь будут принадлежать эксплуататорам. Надеюсь, что эксплуататорам, а не гангстерам.

Хотя, конечно, деньги должны принадлежать человеку, который что-то делает. Но ведь раньше они принадлежали бездельникам, которые вообще ничего не делали, — только высасывали соки! Разве это не шаг вперед?

Что такое партия, которая называется коммунистической? Это ведь уникальный организм. Это мафия в чистом виде, это хуже мафии. Мафия хоть защищает людей, которых она грабит, — ту же лавку, которая ей платит, грабит, но и защищает от других, а эта даже не пытается защищать...

— Фридрих, когда все написанное — и очень многое — лежало безнадежно,

без всякой возможности опубликовать, — это не мешало вам писать? Я спрашиваю потому, что вы кажетесь одним из очень и очень немногих, кому это не мешало.

— Нет, конечно, мешало. Но я писал. Знаете, «шоу должно идти», что бы ни происходило. Но это не значит, что было легко. Тяжело было так жить. Я потерял годы, потерял многие ощущения, которые уже невозможно восстановить... Но то, что я хотел сделать, я сделал.

— Безо всякой надежды на то, что все это будет сегодня у нас прочитано?

— Нет, да и кто мог думать.

— Вы ведь не пускали свои вещи по рукам, почти никому не давали их читать?

— Не пускал по кругу? Нет. Это ничего бы мне не дало, только пошло бы мне и людям во вред.

Я не хотел этого и теперь об этом не жалею.

— Вы не считаете, что опоздали?

— Что значит: не опоздал? Чем раньше, тем лучше.

Но, может, то, что меня в первые годы перестройки не публиковали, — это хорошо. Прошла толпа...

Из предисловия к роману «Место»:

«Невыносимость нравственного положения Гоши Цвибышева и нарастающее оттого ожесточение должно было повести его по жизни и повело путями извилистыми, неправедными, бесовскими».

Бесы любого направления, с которыми человек вступает во взаимоотношения, всегда требуют от него гарантий, требуют действия, делающих эти отношения необратимыми».

«Обругай образа», — говорит человеку бес в очерке Глеба Успенского «Тиге воды ниже травы». Бес знает, что воскреснуть от духовной смерти так же трудно, как и от смерти физиологической».

Но все-таки такие чудеса возможны не только на страницах библейских книг».

Беседовала Ирина ЩЕРБАКОВА

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН

Фотография

С народом русским идут грузины,
и украинцы, и осетины,
Идут эстонцы, азербайджанцы
и белорусы — большая семья...

Так пелось радостно в общей колонне под общий шаг, под общий ритм, а вокруг был новый для Митеньки Брондза, студента-первокурсника, город, большой, утренний, свежий, легко дышалось и легко пелось:

И опять спокойно спать не дают матерям и детям,
Все, кто грозит нам войною, будут за это в ответе.

Сначала шли по солнечному асфальту вниз по крутой улице от своего гидротехнического института. С тротуаров, из открытых окон домов, из несущихся навстречу в гору трамваев на них смотрели. «Гидротехнический всегда красиво идет», — долетело с тротуара. Гидротехнический теперь в центре внимания: стройки коммунизма — каналы, рукотворные моря... Обо всем этом кратко, ясно, белым по красному: «Жди нас, Каховское море», «Жди нас, Волго-Дон».

Минет первый учебный семестр, и Митенька поедет на студенческие каникулы в свой тихий, старенький, провинциальный городишко, о котором он, несмотря на новую захватывающую жизнь, вспоминает иногда с такой детской грустью, что, кажется, вот-вот заплачет. Особенно поздним вечером, случалось, даже полночью, не спится на скрипучей низкой койке, от ватного, каменного матраца устают бока, колючее одеяло царапает, холодно до дрожи белая ледяная стена в шестикоечной комнате студенческого общежития. Пять остальных коек занимают Митенькины сокурсники: Посторонко, Палионный, Гацко, Богоутдинов и Булгаков. Посторонко и Гацко храпят густо, хоть и в разной тональности, Палионный посвистывает, Богоутдинов бормочет во сне, Булгаков спит неслышно, как мертвец, на какой бок лег, на таком и встал. И когда не спится под все это чужое храпение, посвистывание и бормотание, то вспоминается мама, десятилетняя сестренка Лина, Митенькина удобная кровать у мягкого настенного коврика. На коврике был изображен тигр, пробирающийся среди зелено-желтого орнамента. Оскаленную, зубастую, родную морду этого тигра Митенька вспоминал здесь, на чужбине, с тем же умилением, с каким он вспоминал мамино лицо или остроглазенькое, остроносенькое личико сестренки Лины.

Мама хотела, чтоб Митенька поступил на физмат в местный пединститут, где она преподавала ботанику. Но Митенька уехал в гидротехнический, «по зову сердца, по зову времени» — как писали газеты. Уехал, чтоб повзрослеть, потому, что счастливое детство в окружении любящих тебя людей может продолжаться бесконечно долго, если не прервать его насильственно. Пройдет время, постыдно нежные щеки Митеньки огрубеют, обветрятся в верховьях и низовьях рек, руки станут шершавыми от прикосновений к бетону и опалубке, он будет носить высокие резиновые сапоги и тяжелый брезентовый плащ с капюшоном, как знаменитый гидростроитель, герой труда, цветной портрет которого изображен был на обложке последнего номера популярного иллюстрированного московского журнала.

Это все будет, все произойдет, но уже сейчас, уже сегодня начинает сбываться кое-что из Митенькиных мечтаний. Перед началом демонстрации, когда праздничная колонна, весело, со смехом и шутками, строилась у института, равняла ряды, разбирала транспаранты, плакаты, портреты вождей, старосту группы Посторонко подозвал декан факультета Белосветов и предупредил, что сегодня вся группа в полном составе должна явиться к четырем часам дня в деканат. Фотокорреспондент московского журнала, того самого, на обложке свежего номера которого

изображен был герой труда, знаменитый гидростроитель, хочет сделать снимки первокурсников-гидростроителей, и партбюро института выбрало для этого ответственного мероприятия именно их группу. Поэтому во время и после демонстрации велено было не потреблять спиртные напитки и к деканату явиться празднично одетыми, в галстуках.

Студентам группы, в виде исключения, по предъявлению студенческого билета, будет предоставлена возможность пообедать в зале профессорско-преподавательского состава. Последнее было весьма важно, поскольку обед в студенческом зале отнимал более часа, и то если удачно сядешь к расторопной знакомой официантке. Студенческий обеденный зал, так же, как и шестикоечная, храпящая по ночам комната, — еще одна спартанская трудность, на которую Митенька себя добровольно обрек. Сидишь на колченогих, расшатанных табуретках в капустной духоте, жадно провожая взглядом пробегающих мимо потных официанток, которые, как цирковые эквилибристы, несли подносы, перегруженные тарелками, исходящими общим паром и издававшими общий аромат все той же вареной капусты.

Однако стоило выйти из обеденного зала на свежий осенний ветер, пройтись по опавшей пахучей листве мимо героического танка на гранитном постаменте, и сразу же с зеленого обрыва открывался вид на большую знаменитую реку, давшую свое имя этому городу. Речное пространство огромно, только по уходящему вдаль мосту можно определить, где противоположный берег, который сливается с горизонтом, и становится понятно гоголевское неверие в возможность птиц долететь до середины. Действительно, кроме водоплавающих крикливых чаек, иных птиц не видно. В теплые вечера городские жители любят собираться у обрыва и смотреть на реку, но Митенька теперь поглядывает на этих праздных любителей снисходительно. Для него река, для него вода — это профессия. Чудесная профессия!

Недавно они, первокурсники, провели первые занятия на гидрологическом посту, здесь же неподалеку, под обрывом расположенном. Измеряли скорость течения и вертушкой и поплавком, измеряли расход воды методом площадь-скорость. Опьяняющее пахло илом, мокрым песком, под специально выданными высокими резиновыми сапогами хрустела прибрежная галька. Видела бы Митеньку мама, видела б сестричка Линочка, видела б Валя Андреева, девочка, в которую Митенька был влюблен без взаимности с восьмого класса. Впрочем, Валя — это смешное прошлое, милое прошлое.

Вот минет Митенькин первый студенческий семестр, и поедет он на зимние каникулы. Сладко мечтается, сладко думается, как будет он подъезжать зимним вечером к родным местам, как увидит он вереницу знакомых, запорошенных снегом елок, как остановится поезд на последнем пригородном полустанке, как потянется длинный серый забор подступающего к самой железной дороге городского кладбища, как проплывут мимо багажные склады, стоящие на путях цистерны, товарные вагоны и наконец — городской перрон с мамой, с Линочкой, может быть, с кем-нибудь из его старых друзей, узнавших о приезде. Сразу же после первых поцелуев еще в городском автобусе начнутся разговоры, рассказы... После отдыха и вкусного обеда с вином, с домашней наливкой, в гости к друзьям... Эх, хорошо все-таки жить...

Потом будет вечер в школе, как в прошлом году, когда Митенька был еще десятиклассником и завистливо смотрел на школьных выпускников-студентов. Митенька был завистлив и тщеславен, эти свои теневые признаки он считал остатками изнеженного детства, которое старался преодолеть. Но, с другой стороны, что в этом дурного, если он выйдет на школьную кафедру, с которой выступают выпускники, и расскажет о своей чудесной профессии... «Сейчас модно говорить о стройках коммунизма, — скажет он, — о каналах, о рукотворных морях. Разрешите

и мне...» И начнет рассказывать об этом без общих фраз, как бы невзначай употребляя профессиональные термины: гидрометрический створ, русловой процесс, смоченный периметр... Было бы также неплохо, если бы за спиной у Митеньки оказалась классная доска и он бегом, небрежно перед глазами изумленных школьников и учителей набросал бы формулу измерения расхода воды: «Расход воды равняется произведению площади поперечного сечения на среднюю скорость течения в данном поперечном сечении».

А в конце выложит свой главный козырь — знаменитый московский иллюстрированный журнал с фотографией их группы гидротехников. И в центре он, Митенька, сосредоточенный на изучении гидрометрических приборов и нечто объясняющий иным, слушающим его. «В центре студент гидротехнического института, отличник учебы Дмитрий Брондз». Ведь Митенька отлично успевает, имеет пятерки по гидравлике, по начертательной геометрии... Будут выступать от разных институтов — от мелитопольского механизации сельского хозяйства, от одесского мукомольного, куда, он слышал, принимали по конкурсу и троечников, медалисты-отличники будут выступать от престижных университетов, от политехнического, от медицинского, а он, Митенька, будет скромно сидеть, снисходительно слушать, аплодировать, а потом скромно выйдет на кафедру, держа в руках иллюстрированный журнал с закладкой на фотографии... Может, даже начать с фотографии: «Здесь говорили о разных институтах и каждый хвалил свое. Наш, ордена Трудового Красного Знамени гидротехнический институт имени Климента Ефремовича Ворошилова в излишних словах и похвалах не нуждается...» И сразу аплодисменты, сияющие мамыны глаза, сияющие глаза сестренки Линочки, Вали Андреевой, отличницы-медалистки, студентки медицинского института...

Впрочем, Валя — милое прошлое. На недавнем студенческом вечере отдыха Митеньке понравилась Светлана Маркова с экономического факультета, смуглая, стройная гимнастка и певица. Тогда, на студенческом вечере она душевно пела, грациозно изгибаясь в бедренном суставе: «Улицу нашего детства хочется мне повидать, утренним солнцем согреться, выйти с друзьями опять в старый наш сад, где у оград юные липы стоят...» Митенька в ближайшее время планирует как бы невзначай подойти к Светлане и о чем-либо заговорить. Надо только придумать о чем, чтоб сразу привлечь внимание.

Митенька спотыкается о булыжник и едва не падает.

— Ты что, с жопы сорвался, — говорит сердито Гацко, — спишь на ходу...

«Подтянись, подтянись, шире шаг...» Митенька пробуждается от своих мечтаний и видит, что колонна уже спустилась с асфальтовой горы на перекресток, где милиционеры и уполномоченные с красными повязками поворачивают демонстрантов в боковые улицы. Там колонны будут дожидаться своей очереди, чтоб выйти на широкий, главный проспект и проследовать по площади у городского парка мимо трибуны с областным руководством. Недавно Митенька с Богоутдиновым ездил обедать в обкомовскую столовую. Богоутдинов каким-то образом разузнал, что иногда, по средам и пятницам, туда пускали с улицы. В обкомовской поели сосиски с картофельным пюре, по стакану сметаны с булочкой и когда выходили, то увидели у бокового подъезда суету милиционеров. Вышел крепкий, черноволосый, с густыми бровями, одетый в полувоенный защитного цвета френч и широкие синие брюки.

— Это сам хозяин, — сказал Богоутдинов, — первый секретарь обкома.

И вот сейчас, после стояния на тенистых улицах, колонна должна была проследовать мимо хозяина, мимо руководства, и надо было проследовать хорошо, четко, подтвердить хорошую репутацию гидротехнического. Тем более, конкуренты были сильные в лице металлургического института. Недаром вчера в институтском дворе разучивали, как правильно кричать «ура». Заведующий кафедрой физкультуры, мастер спорта по гимнастике Валерий Евдохин кричал в мегафон, имитируя начальство:

— Да здравствуют советские гидростроители!

И надо было в уме каждому просчитать до трех, чтоб «ура» получилось стройным: «Раз, два, три». «Ура!» — в радостном самозабвении кричал и Митенька. «Мечтания надо перенести на вечер, — думал Митенька, — вот сбился с шага. Как бы «ура» правильно крикнуть, не подвести коллектив».

Боковая улица, куда свернула колонна, была зеленой и тенистой, потому что осень выдалась на редкость тихой и теплой, без ветров и проливных дождей, сбивающих листву с деревьев. Те листья, которые уже тронуло осеннее увядание, красиво жел-

Рисунок О.Разиной

тели и краснели на деревьях, на траве, на тротуарах, на булыжной мостовой. Колонны в ожидании дальнейших команд разрешено было вольно рассыпаться, аккуратно свернув знамена, транспаранты, а также поставив в строгом порядке портреты вождей. Сразу со всех сторон из разных концов колонны побежали к многочисленным ларькам и киоскам, стационарным и передвижным, к цистернам с надписями «пиво» или «квас», которые окружали уже представители ранее подошедших колонн. Староста группы Посторонко, перед тем, как разбежались, еще раз предупредил:

— Группа ГС-5, напоминаю, перед съемками не потреблять спиртного.

Митенька, в принципе, спиртного не потреблял, однако сегодня, по случаю праздника, хотелось бы и пива, и стаканчик винца, которым торговал в розлив молдаванин. Но вместо того, помня предупреждение и важность предстоящих съемок, побежал к цистерне «квас». Возле «кваса» толпилось выпившего народа даже более, чем вокруг «пива». Это были те, кто уже перебрал и спешил все освежить кваском. Потому Митенька оказался в конце очереди, среди трезвых, главным образом, девушек, и этот конец очереди не приближался, а все удалялся потому, что нетрезвых да плечистых прибывало и прибывало. Однако Митенька и сам устыдился стоять в таком немужском и немужественном положении. Тем более, мимо прошел Леня Булгаков, задевая нечто луковичей. Тогда Митенька от «кваса» отстал и прибрался к «пиву».

«Одна кружка не развезет», — подумал. Не развезло, но тело полегчало, и только тело полегчало, как сразу увидел Светлану Маркову с экономического факультета. После кружки пива она показалась ему совсем красавицей, шла, играя под легким платьем тренированной полочкой, и ела пончик, облизывая по-видимому с губок язычком.

«Что б такое ей сказать, — подумал Митенька, — и как бы с ней заговорить?» И вдруг заметил: на ее смолянистых волосах, на самой макушке, легкой, багровой розочкой лежал осенний листик, очевидно, спорхнувший с дерева.

— Девушка, у вас листик на голове, — само собой сказалось.

— Что? — она подняла неприветливые серые глаза на постороннего, пристающего. Видно, не впервой приставали, отсюда и настороженность.

«Серые глаза при темных волосах — замечательно», — подумал Митенька.

— На вас листик упал с дерева, я сниму, — и, совсем осмелев, быстро снял листик, — я его на память оставлю, как цветок, вами подаренный.

— Я вам ничего не дарила, — сказала Светлана, но уже мягче и вдруг улыбнулась.

— Меня Дмитрий зовут, — заторопился Митенька, ободренный ее улыбкой, — я тоже учусь в гидротехническом.

— Очень приятно, — сказала Светлана и пошла, играя тренированной полочкой гимнастики.

Митенька шагнул было следом, но не решился. На первый раз и того довольно. Пенилось в голове, легким ногам хотелось прыгать, а тут, кстати, оркестры нескольких праздничных колонн объединились, стали кругом и заиграли «Катюшу» — «Расцветали яблони и груши...». Крепкий парень, чубатый, плосколицый, курносый, узкоглазый, выскочил на середину круга, раскинув руки и стуча ногами.

— Казанец пошел, — сказал рядом с Митенькой весело один из прихлопывающих.

Плясал Казанцев, боксер, спортивная гордость гидротехнического. «И я пойду», — вдруг подумалось легкой, смелой от пива, Митенькиной голове. У себя дома, в провинции, Митенька с седьмого класса был участником кружка народного танца при местном доме пионеров. Митенька хоть и не крепок в плечах, но высок, ноги длинные. «И я пойду, — думает Митенька, — вокруг все более народу собирается, может, и Светлана подойдет». Выскочил в круг. Пляшущий Казанцев глянул на Митеньку и подмигнул: «Давай, давай». Пошел Митенька ногами и руками эксцентричные фигуры выделывать. «Эх, выходила на берег Катюша...»

— Длинный дает, — сказал кто-то из прихлопывающих и одобрительно выкрикнул: Давай, давай, длинный! Жарь — кузькину мать!

Однако тут распорядители:

— Строиться в колонны. Разобрать флаги и транспаранты...

Сводный оркестр замолк, рассыпался, каждый к своей колонне устремился. Митенька быстро добежал к положенному ме-

сту и встал в свой ряд одним из первых.

— Все на месте? — тревожно суеился Евдохин, — кого-то не хватает.

Видит Митенька, староста группы Посторонко за локоть Леню Булгакова ведет от молдавского винного ларька, а Леня Булгаков то на одну ногу хромает, то на другую.

— Подводишь, — сердито задыхается Посторонко, — коллектив подводишь.

А Леня Булгаков в ответ только глупо улыбается. «Эх, не видать ему съемок, не быть ему в знаменитом журнале», — с сочувствием думает о Лене Митенька. Но Булгакову море по колено.

— Чего? Я иди могу... Строевым могу, — и шагнул строевым.

— Не задерживать, не задерживать, взять ногу... Песню...

Русский с китайцем братья навек,
Крепнет единство народов и рас,
Руки расправил простой человек,
С песней шагает простой человек,
Сталин и Мао слушают нас...

Поют и впереди: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...» — это химико-технологический идет.

— Жидко поют, — радуется Евдохин, — кто в лес, кто по дрова.

А сзади:

Стоим на страже всегда, всегда,

А если скажет страна труда,

Прицелом точным врага в упор...

— Лихо, лихо отливают металлурги, — тревожится Евдохин, — соперник опасный. Вы уж смотрите, ребята, не подведите. Гидротехнический и металлургический институты — вечные соперники и в спорте, и в прочем.

— Смотрите, ребята, гряните «ура», как вчера на репетиции, — тревожится Евдохин, — не подведите дирекцию и партком.

Вот уж тенистые улицы позади, вот уж залитый солнцем асфальт главного проспекта, милицейское оцепление, блеск дуговых труб. У трибуны маршевый вдохновенный ритм, четкий шаг. Счастливые минуты. Нет больше Митеньки, есть общая колонна, общий строй, единое сердце, единое дыхание.

— Советским химикам — слава!

— Ура-а-а-а!

— Не четко химики крикнули, — радуется Евдохин, — сейчас, ребята, мы...

Пугающе широкая площадь, вся трибуна в пятнах лиц, а в центре лицо красное, как у Лени Булгакова, густобровое.

— Советским химикам... хр... хр... х-х-х-х... — словно харкнуло в микрофон от случившейся накладки.

«Что делать? — единая мысль в единой голове, частичка которой Митенька, — не тот лозунг выкрикнут и до конца не досказан. Кричать — не кричать? И похоже, другой голос, сбоку от чернобрового.

— Советскому народу — слава!

«Раз, два, три — ура!!!» — единой глоткой.

— Хорошо грянули, — утирает пот Евдохин, — молодцы, ребята, в сложных условиях не растерялись... Знай гидротехников.

А сзади:

— Советским металлургам слава! — Ура!!!

— Хороши металлурги, — объективно комментирует Евдохин, — но и мы не пыком шиты, учитывая, что отреагировали на неотренированный лозунг.

Бывают дни, когда радости идут чередой. Только кончилась торжественно-веселая демонстрация, пообедали группой вкусно, чисто в профессорско-преподавательском зале, как пора уже собираться к деканату на съемки. Все причесаны, пригалстуках. Митенька свой лучший надел, шелковый, серозеленый. Лишь Леня Булгаков явился без галстука, волосы растрепаны, стоят торчком, как у малярной кисти.

— Ты куда? Иди в общежитие, проспился, — шипит на него Посторонко.

— Не, — глупо улыбается Леня Булгаков, — я строевым иди могу, — и шагнул шумно.

Из дверей деканата сам декан Белосветов глянул.

— Что такое?

— Да вот, Иван Матвеевич, — угодливо жалуется Посторонко, — сколько предупреждал...

Бритоголовый, чуть глуховатый, грозный декан поворачивает...

тся к Булгакову. Честно признаться, Митенька декана побаивается, старается не встречаться с ним, не глядит на него, когда издали видит, торопливо сворачивает. А Леня Булгаков как улыбался, так и улыбается.

— Иван Матвеевич... Я строевым могу...

— Зайдете ко мне, — угрожающе говорит Белосветов.

Однако дальнейшее разбирательство проступка Лени Булгакова прерывается, поскольку в это время появляется высокий толстый человек, одетый в необычную, никогда прежде Митенькой не виданную курточку с множеством «молний» не только спереди, но и с боков и на рукавах. Лицо у человека загорелое, столбчатое, выразительное, под темными глазами сине-темные пятна. Это и есть московский фотокорреспондент. Сразу нездешним повеяло, союзным, как пахнут страницы знаменитого московского иллюстрированного журнала. Митенька от радости незаметно сжал кулаки, у него была такая привычка, сердце стучало, щеки горели, глаза слезились от восторга.

Съемки решили проводить в лаборатории гидрологии, в рабочей обстановке — среди приборов и технических схем.

— Товарищи! Друзья! Ребята! — начал фотокорреспондент. — То, что делается сегодня в отечестве нашем, превышает фантастические подвиги всех сказочных героев и богатырей: плотины, каналы, новые моря... Все это должно быть на ваших молодых лицах, все это должно наполнять вас энтузиазмом и вдохновением... Вот, — обрадованно сказал он, заметив Леню Булгакова, — именно такое лицо мне нужно... Вы наш герой, вы становитесь в центр, вы что-то вдохновенно объясняете товарищам... Рассказывайте, рассказывайте... Более вдохновенно, более душевно.

Леня поднял руки с растопыренными пальцами и раскрыл рот.

— Хорошо... Отлично... Превосходно... Вы и вы, — он ткнул пальцем в Гацко и Посторонко, — подойдите поближе... Вы слушаете... Хорошо... Отлично... Превосходно... А вы, — сказал фотокорреспондент Митеньке, самовольно пробравшемуся в центр, — вы отойдите чуть подальше... Еще дальше... Еще... Э-э-э... Совсем выйдите из кадра, — и при этом глянул на Митеньку как-то настойчиво-сердито и одновременно трусливо-беспокойно.

Митенька вышел из кадра... Не спросил язвительно: «Как смеете вы нарушать принципы сталинской Конституции?» Не крикнул, задрожав от гнева: «Разве вы советский фотокорреспондент? Вы старорежимный лабазник! Охотнорядец! Белополгонник! Антисемит пархатый!» Именно, именно так, ибо фотокорреспондент, если внимательно приглядеться, имел сходство с Митенькиным нелюбимым дядей Гершуном, Григорием Исаковичем Ямпольским, работником железнодорожного управления.

Не спросил, не крикнул и даже не прошептал: «Пожалуйста... Ну, пожалуйста, это так важно для меня... Зимние каникулы... Мама... Сестра Линочка... Школьные друзья...» Тихо, бессловесно вышел из кадра Митенька, опустив голову, словно оглушенную обухом.

Ассистент фотокорреспондента, белокрысыный вертлявый парень, зажег очень яркую с синевой лампу. Видно, от этой лампы, бьющей через Митеньку на снимаемую группу, стало очень жарко, галстук, завязанный тугим узлом, давил горло, не хватало воздуха в этой ярко освещенной, жаркой комнате, и Митенька

торопливо вышел, почти побежал пустым институтским коридором. По случаю праздника все двери были заперты, вокруг ни души, однако Митенька боялся здесь заплакать, вдруг за дверьми все-таки кто-то есть, услышит плач, выйдет и увидит Митенькин позор. На бегу дважды вырвалось помимо Митенькиной воли, навзрыд, и он одной ладонью зажимал себе рот, а второй утирал глаза и мокрые щеки.

Улица была празднична, шумна, слышны были громкие голоса, мужской и женский смех. Но общее веселье, которое еще недавно так привлекало Митеньку, теперь казалось ему ужасным, враждебным. Митенька бежит в тишину, в безлюдье к обрыву, поросшему кустарником, спускается по сухой глинистой тропке к речной воде, в которой отражались уже огни моста и проплывающих вдали судов, садится на мокрый прибрежный песок и плачет, плачет по-детски, всласть, безудержно, плачет задышавшись, закрыв глаза и не желая пробуждаться от этого, единственного теперь желанного сна-плача, уводящего прочь, уносящего с этой чужой, бессердечной земли... Наконец Митенька пробуждается. Над ним во все небо густые звезды, которые манят к себе... О, это птичье чувство, когда в минуты безысходного отчаяния, особенно в семнадцать лет, все земные пути в любую сторону кажутся отрезанными, перекрытыми и остается только взмахнуть руками и улететь с этой злой земли к звездам, к тем звездам, которые были и в вышине, и на ночной темно-зеленой, тихо плещущей о берег воде. Только полет к звездам может спасти от неизлечимого земного отчаяния.

И когда обрюзгший, усталый, пожилой человек, который в некой давней земной бесконечности был семнадцатилетним студентом Митенькой, подлетал к Нью-Йорку, то среди прочего ему вспомнился и тот день... Воспоминания были выцветшие, пожелтевшие, какими бывают старые фотографии, но то птичье чувство, та жажда полета, которую он, Митенька, испытал в тот поздний звездный вечер у реки, ощутилось ярко, живо, точно все происходило вчера. «Этот нынешний полет начался тогда», — подумал постаревший на двадцать семь лет Митенька.

Улетали во тьме. Тьма бесконечная, адская, прижмешься к стеклу, видно, как рядом летит созвездие Медведицы, знакомый ковш. Но потом и созвездие Медведицы отстало, как бы проводив, вернулось назад, к родным местам. Забылся или задремал — и вдруг вылетели из тьмы в рассвет, в розовую дымку. Не успевший погасить своих ночных огней Нью-Йорк, огромный, во всю неохватную ширь, производил небесное впечатление.

Точно снизу была не земля, а еще одно небо, но не в синих, а в желтых звездах разной величины. «Это небо я и видел тогда юношей, в одиночестве и отчаянии плача на берегу чужой реки и глядя на чужие огни, — подумал Митенька, слегка массируя свое изношенное, нездоровое сердце, — на этом небе мне и предстоит теперь жить, оставив навсегда землю своего рождения, принесшую столько невзгод и обид. Какова-то будет моя новая небесная жизнь?»

И опять, как начинавшим жить семнадцатилетним юношей, Митенька мечтал, волновался и строил грандиозные, тщеславные планы, которые должны же были наконец сбыться, если не в той, то в этой жизни.

Западный Берлин
1987г.

«МАЛЕКС»

Квартира или деньги?

Облигационные сертификаты

«Малекс» — это и то и другое!

100% годовых и гарантия получения
квартиры через 5 лет.

Подробности по телефону:

489-05-53.

Звоните, господа!

Еще один шаг в Ваше будущее!
Мы поможем сделать его сегодня!

Центр «ЭКОС»

предлагает Вам:

- зарегистрировать новые предприятия с различной правовой формой «под ключ»,
- составить ТЗО под кредит,
- составить проектно-сметную документацию,
- другие аудиторские услуги,
- а также реализует:
- кирпичные мини-заводы с обжигом,
- линии для изготовления черепицы и стеновых блоков,
- сыродельные установки.

Тел.: 435-57-64, 435-40-74

Аркадий ИППОЛИТОВ

ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ

(Новый Завет)

Карпаччо. Введение во Храм

В Золотой легенде рассказывается, что, когда Марии исполнилось три года, Иоаким и Анна решили посвятить ее Богу и отдать во Храм. Чтобы достичь жертвенника, около которого происходят посвящения, надо было преодолеть пятнадцать ступеней. Без малейшего усилия, не оглядываясь на родителей, как это свойственно маленьким детям, Мария прошла всю лестницу. Наверху ее с распростертыми объятиями ждал первосвященник Захария, тот самый, что потом встретил Богоматерь с новорожденным Иисусом и разглядел в младенце Мессию.

Введение во Храм было одним из главных эпизодов жизни Марии в апокрифической литературе. Теологи написали об этом сюжете целые тома,

видя в нем символ церковного посвящения. Каждый служитель Господа, приближаясь к алтарю, уподоблялся чистой Деве Марии, с легким сердцем преодолевшей ступени Храма Иерусалимского.

В изобразительном искусстве этот сюжет впервые встречается в византийской иконописи, откуда он проникает на Запад и становится одним из самых распространенных в живописи XIV—XVI веков. Какой бы сложной ни была теологическая символика Введения во Храм, художникам она представлялась мотивом Восхождения. Не столь уж важно препятствие, преодоленное трехлетним ребенком, но важно чудо, преисполняющее светлой радостью сердца всех присутствующих.

Дюрер. Введение во Храм

Фреска Паоло Уччелло полна пренебрежения к внешнему правдоподобию. Со свойственной готике условностью Уччелло нарушает все реальные пространственные соотношения. Во фреске сосуществуют два пространства. Фигуры Иоакима и Анны, как и фигуры зрителей, столь велики, что Храм Иерусалимский по сравнению с ними кажется игрушечной беседкой. Иоаким и Анна вместе со зрителями находятся не в том измерении, где пребывают Дева Мария и служители Храма. Энергичный порыв Марии раздвигает пределы странной архитектуры Уччелло и наполняет пространство ощущением чуда, заставившего всех молитвенно сложить ладони.

Уччелло очень близок к Золотой легенде. Он изображает пятнадцать ступенек Храма в соответствии с текстом, сравнивающим их с пятнадцатью псалмами Давида. Иоаким и Анна смиренно стоят у подножия лестницы. В глубине — процессия маленьких девочек, собранных, по легенде, Иоакимом для того, чтобы отпраздновать посвящение Марии.

Дюрер в своей трактовке Введения во Храм чем-то похож на Уччелло. Хотя он буквально не следует за описанием Золотой легенды, но в фигуре Богоматери та же энергия преодоления, поражающая всех свидетелей чуда, даже торговцев у ступеней Храма. Дюрер и Уччелло подчеркивают экс-

прессивность фигуры Марии, взбирающейся по лестнице. В картинах Карпаччо и Тициана чудо изображается по-другому.

Склонившаяся Мария в темном плаще у Карпаччо полна смирения. Это не энергичный подъем, а медленное восхождение, исполненное тихого и робкого благочестия. Любитель деталей, Карпаччо повествует о событии, украшая его всевозможными забавными подробностями. Курьезной выглядит воображаемая площадь в Иерусалиме, представляющая фантастическую смесь венецианской и восточной архитектур. На переднем плане видна загадочная детская фигурка, держащая на поводке лань. Скорее всего, это намек на Песнь Песней царя Соломона, уподоблявшего свою возлюбленную горной серне: христианская теология воспринимала эти тексты не как любовную лирику, а как божественные гимны Деве Небесной.

Богоматерь у Тициана также остановилась на широком марше огромной лестницы. Пространственная пауза, отделя-

ющая Марию и от толпы у подножия, и от священников наверху, передает избранность Богоматери, окруженной сиянием новой религии. Картина Тициана насквозь символична. Старая торговка с корзиной яиц — символ уходящего иудаизма, а обломок античного торса — уходящего язычества.

Может быть, самое замечательное изображение Введения во Храм — картина Тинторетто. Богоматерь медленно восходит по стремительно закрученной лестнице, чем-то похожей на Башню Татлина. Часть ступеней погружена во тьму, из которой глядят бесчисленные нищие и калеки, устремляясь к свету, исходящему от Девы Марии. Трактовка сюжета у Тинторетто далека от канонической иконографии, хотя у него, как и у Уччелло, неожиданно появляются все те же пятнадцать ступеней из Золотой легенды.

Оставшееся за пределами четырех Евангелий Введение во Храм открывается в новозаветной иконографии череду восхождений, главное из которых — путь на Голгофу.

Тициан. Введение во Храм. Фрагмент

Уччелло. Введение во храм

Тинторетто. Введение во храм

КВБН

Старейший банк России —
**СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

сообщает:

**20 мая 1992 года
в Колонном зале Дома Союзов
состоится годовое собрание
акционеров банка**

**СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ
БАНК
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

— УНИВЕРСАЛЬНЫЙ АКЦИОНЕРНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК,
ОСНОВНОЙ ЦЕЛЬЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОТОРОГО ЯВЛЯЕТСЯ:

- ♦ привлечение денежных средств от физических и юридических лиц;
- ♦ совершение международных кредитно-расчетных и других операций в иностранной валюте;
- ♦ осуществление кредитно-расчетного обслуживания предприятий и граждан, а также выполнение иных банковских операций.

